

АТУНА КОЙДЕРГЕМ

18+

КНЯЖНА ДЛЯ ВИКИНГА

Книга 1

Княжна для викинга

Атуна Койдергем

Княжна для викинга. Книга 1

«Автор»

2017

Койдергем А.

Княжна для викинга. Книга 1 / А. Койдергем — «Автор»,
2017 — (Княжна для викинга)

КНИГА 1. IX век нашей эры. Русь разделена на княжества, в каждом из которых свой собственный владыка. Недружные соседи объединяются для совершения набега на общего противника – Византию. Успешный поход приносит славу воеводе – князю Гостомыслу. Но, помимо военных и политических забот, старый правитель обеспокоен судьбой своего рода. На выданье три дочери, которые не могут ужиться с мачехой. Наследник – юный княжич, привыкший резвиться на просторе, а не заботиться о судьбе города. Мир с соседями держится лишь на зыбких договоренностях. Добыча от победоносного похода быстро осваивается, и княжество снова оказывается в нужде. Но так ли все скверно, чтобы призывать на княжение в свой родной город чужеземца, овеянного славой безжалостного воина? Или его не призывали... Древнерусская сага не оставит равнодушным читателя, привыкшего к эпическим жанрам литературы. Множество героев, городов и событий захватывает с самого начала и держит в напряжении на протяжении всего прочтения произведения.

© Койдергем А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

ТОМ 1	6
Глава 1. Варяжское море	6
Глава 2. Нареченная невеста	21
Глава 3. Пир Кетиля	25
Глава 4. Мудрый правитель	38
Глава 5. Фризия	43
Глава 7. Тайный отпрыск	56
Глава 8. Девичество	67
Глава 10. Княжич	78
Глава 11. Утрата	82
Глава 12. Переписка	84
Глава 13. В гостях у монарха	89
Глава 14. Вдова	98
Глава 15. На распутье	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Атуна Койдергем

Княжна для викинга. Книга 1

Вдохновлено реальными событиями...

ТОМ 1

Глава 1. Варяжское море

Неистовый ветер рвал паруса. Над волнами дружной стаей неслась флотилия быстрых стройных парусников. Узкие и длинные, с гордо вздернутыми носами и кормой, они стремились вперед, подгоняемые течением. На одних из них, кроме пожитков команды и корабельной утвари, почти ничего не имелось. Другие же казались забитыми до отказа. Палубы их гнулись под тяжестью всякого рода добра, кажется, сомнительного происхождения.

Впереди шел самый большой и самый красивый корабль - боевой драккар-вожак. Словно молодой сокол он летел навстречу неизвестности, разрезая синюю гладь моря. Его нос был увенчан огромной резной головой свирепого дракона. Пасть змея была устрашающе разинута. Из нее торчали острые длинные клыки. На корме у рулевого весла стоял командир. Не сводя внимательного взора с горизонта, он иногда что-то говорил своему помощнику. Последний в свою очередь редко сидел на одном месте. И чаще всего был занят обходом небольшого судна, на котором-то и стоять было не совсем удобно, не то что бродить. И все же, несмотря на зрительно малые размеры, корабль был удивительно вместителен и требовал пригляда.

- Нег, - обратился помощник к командиру, в очередной раз обойдя корабль. - Люди устали. Надо бы перевести дух...

- На суше отдохнут. Недолго осталось, - пообещал Рёрик, бросив взгляд на палубу, где каждый на своей лавке разместились мореходы, налегающие на весла в те моменты, когда ветер ослабевал.

- Может, хоть через одного? - вздохнул помощник.

Оглядев измученных воинов, Рёрик кивнул. Прошлой ночью, так же как и предыдущей, на берег высадиться не удалось. Шторм увел корабли с курса, выбросил в океан. Тучи черным покрывалом укутали небо, и даже звезд не было видно. И вот, наконец, молитвы оказались услышаны, сегодня выдался погожий день. Нужно вернуться на затерянную стезю. Над головой ясное небо, а вокруг лишь синева, стелящаяся бесконечным полотном. Да, люди устали. Устали без отдыха, без сытной еды, без удобного ночлега, от тесноты и жары. Но надо спешить, пока еще совсем недавно попутный ветер окончательно не сменил направления. И к чему явно идет. Однако пусть передохнут. В конце концов, если они все от изнеможения упадут тут без чувств, то уже ничто не поможет кораблям добраться до земли к ночи.

Помощник отдал долгожданную команду, обрадовавшую утомленных гребцов, желающих размять косточки. Половина лавок мигом опустела. На веслах осталось еще много людей, но от поднявшегося шума казалось, что уже все повскакивали с мест. Потягивая затекшие спины и ноги, мореходы выстроились один за другим в очередь к деревянному бочонку, в котором хранилась ценнейшая питьевая вода. Шум голосов разлился по палубе. Ковш с водой кочевал из одних рук в другие вместе со всякого рода историями.

Дни в море тянутся невыносимо долго. И даже наспех рассказанная каким-то балаболом байка могла занять скучающих путешественников на много часов, погрузив в раздумья, за которыми время шло быстрее.

- В Дорестаде девок как грязи. Но монет не жалко только на Хельгу, - гремел один из рассказчиков, повествуя обо всем известной портовой знакомой. Телосложения он был грузного, возраста старше среднего. Косматая борода его спускалась на круглый живот, то и дело содрогающийся от хохота. Имя его все давно забыли, поскольку называли попросту Тучей. - Одно плохо, как ни приду, все время там вот этот! - под конец повествования Туча отвесил подзатыльник смазливому парню, как раз опорожнявшему ковш с водой. Парень этот был

самым молодым членом команды и к тому же самым неопытным. Иные уже с юности бывали в наземных походах и морских путешествиях, этот же присоединился к дружине совсем недавно.

- Ага, и я тоже там натыкался на него не раз, - раздался голос из-за спины Тучи. Реплика принадлежала невысокому мужчине со светлыми волосами и всего одним целым глазом. - А чего ты дивишься? Все знают, у них там любовь...

- Да я тоже знаю, - загоготал Туча. - Только не пойму, чем он взял! Ведь жлоб же!

- На свое косматое рыло взгляни и поймешь, чем он взял, - помощник командира как раз делал очередной обход судна. Он был человек деятельный и не любил сидеть без занятий. Ему постоянно требовалось куда-то спешить, что-то чинить, что-то искать. - Кто-нибудь видел ковш?!

- У молокососа... - кивнул Туча в сторону парня, облокотившегося на деревянный анкерок. Со стороны казалось, будто паренька вскоре стошнит. Выглядел он неважно.

Помощник командира подошел к парню, бесцеремонно забрал у того ковш и сделал глоток сам. Было все еще жарко, но уже чувствовалось, что близится вечер.

- Ньер, сколько еще до берега? - вздохнул парень, глядя на помощника командира.

- Ты в море вышел, чтоб постоянно спрашивать у меня, сколько еще до берега? - отбрил Ньер. Для него, как и для большинства присутствующих, корабль был истинным домом. Здесь имелось все необходимое, и в первую очередь, бесконечная синяя гладь, без которой душа бывалого морехода начинала тосковать. На сушу высаживались чаще всего лишь на ночлег. - Если уже не пьешь, то уйди отсюда. Не путайся под ногами.

Парень поплелся к своей лавке. Достав из-под сидения мешок, в коем хранил вещи, он принялся копаться в нем, стараясь не обращать внимания на разговор, по-прежнему ведущийся вокруг его имени.

- Может, он еще и женится на ней, - усмехнулся Туча.

- А чего б нет? Не в том сила, что кобыла сива, а в том, чтоб воду возила... - усмехнулся одноглазый.

Парень вдруг вскочил с лавки и неожиданно для всех набросился на одноглазого. Они сцепились словно два пса, шумным клубком покотившись по палубе, задевая сундуки, мешки и снасти. Никто особенно не удивился происшествию. Причиной такого поведения могло послужить не одно обстоятельство. Усталость, тревога, постоянное напряжение, в конце концов, чувства к упомянутой Хельге!

- Заткнись! - орал парень, пытаясь ударить одноглазого. На стороне последнего был опыт, а при парне - лишь пыл и кое-какие силенки. И все же, несмотря на то, что исход казался очевидным, бой выглядел занимательным хотя бы потому, что не закончился сразу, как начался. Вот парень уже пару раз заехал зазевавшемуся одноглазому по уху, а тот в своем самодовольстве пропустил удары. Внезапно для зрителей парень вдруг повалил своего противника между лавок, уложив того на лопатки. Нашупав рукой край какой-то доски, он уже собирался ударить ею опрокинутого Лютвича, как вдруг кто-то ухватил его за шкуру, словно котенка, и буквально отшвырнул в сторону. Это был командир, лично вмешавшийся в происшествие. Парень отлетел, ударившись об утку, вокруг которой были обмотаны корабельные тросы. Он даже не успел отдышаться, как тут же на него наскочил одноглазый, решивший воспользоваться передышкой. Однако и его атака не увенчалась успехом. Он также был отброшен в сторону. Оба воителя еще раз предприняли попытки напасть друг на друга, но и те закончились ничем.

- Ну все. Закругляйтесь, - Рёрик не позволил драке разгореться с новой силой. - Вы двое... На весла... - приказал драчунам командир, чьи почет и сила были непререкаемы на этом борту. - А ты... - Рёрик оглядел парня, - еще раз позволишь себе напасть здесь на кого-либо - на берег не сойдешь. До самого дома. Каждую ночь будешь сторожить лодку, - пригрозил командир, зная, что для молодого морехода не может быть наказания тяжче, чем лишиться долгожданной встречи с сушей. Ведь с непривычки каждый день казался новичку долгим и

трудным, словно голодный год, к тому же его постоянно качивало и мутило. Парень поник, повесив голову. А одноглазый, посмеиваясь, смахнул ладонью кровь, выступившую на его губе. Подобного рода ссадины никто не считал заслуживающими внимания и тем более стоящими тревог. - А ты чего скалишься, Лютвич? - Рёрик неодобрительно оглядел одноглазого.

- Я ничего... Молчу... - пожал плечами Лютвич. - Я лишь хотел сказать, что Хельга его...

- Обсудите баб в другом месте, - оборвал Рёрик. - Или вас обоих здесь не будет.

- Куда ты нас теперь денешь? - хихикнул Лютвич.

- Рыбам скормлю... - Рёрик развернулся и пошел обратно на корму, откуда открывался превосходный обзор.

А парень и Лютвич, обменявшись недобрыми взглядами, вернулись каждый на свою лавку, которые, благо, были не рядом. Спины ломило от долгой работы веслами, но выбора не оставалось: пришлось снова браться за дело.

- Зри... Будто воду пропускает... - Ньер в очередной раз остановился возле командира, глядя на мокрую палубу.

- Нет, это с волны, - утешил Рёрик.

- А вдруг не с волны и где-то течь?! - нагнетал Ньер.

- Да только что волна прошла... Конопатили и смолили в этом году, - напомнил Рёрик.

- А вдруг разохлась? - не отставал Ньер. - Надо бы доски поднять...

- Поднимай, - Рёрик махнул рукой, про себя зная, что корабль вышел в море в полной готовности. В такие моменты Ньер раздражал своей чрезмерной предприимчивостью. С другой стороны тем он и хорош, что всегда глядит в оба. Только с таким помощником и можно позволить себе задуматься.

На корабле закипела работа. Мореходы пытались убрать в сторону доску, проходящую по центру палубы. Кто-то был солидарен с помощником командира, кто-то не видел повода для беспокойств или не хотел допускать подобного даже в мыслях. Однако все с охотой взялись за дело. И не только потому, что в случае ошибки корабль может вскорости пойти ко дну. Этакое небольшие происшествия всегда забирали немало времени, и после было о чем поговорить. Вспоминалась сразу куча шуток и историй, что, собственно, важнее всего – не слишком скучать по пути. Тем более когда мрачные мысли одолевают голову. А мысли у всех были даже более чем мрачные. Ведь нет ничего опаснее, чем потеряться в незнакомых водах, где уже не одно судно сгнуло.

Иногда, несмотря на все сложности, бывает такое ощущение, что все идет, как надо. У Рёрика сейчас было именно такое чувство. Он не очень переживал из-за того, что берега не видно. Поскольку точно знал, где находится корабль, даже если и не мог объяснить, откуда простекала его уверенность. Но ведь именно оно, это непревзойденное чутье, не раз выручало его и вело за ним остальных.

- Кормчий! - заорал Ньер, вырвав из дум Рёрика, который только сейчас обратил внимание на то, что посреди палубы зияет дыра, образовавшаяся из-за снятой доски. Зато даже отсюда было видно, что никакого наводнения не наличествует. И это дарило яркую и светлую отраду: не суждено им тонуть нынче!

- Раз уж мы убедились, что лодка цела, то палубу можно вернуть на место... - заключил Рёрик.

- Взгляни сюда! - Ньер указывал на днище корабля. - Алатырь!

Рёрик даже не сразу понял, куда глядеть. Главное, что он отметил – это отсутствие потопа. И все же, присмотревшись внимательнее, он увидел то, что взволновало его помощника. По дну корабля были рассыпаны прозрачные ярко-желтые, словно солнце, и красные, словно пламя, камни, поблескивающие в каплях воды. Безусловно, это был янтарь. Тот самый, найти который можно, кажется, только на берегах Ютландии, подвластной нынче и пока Рёрику. Тот самый янтарь, за который в древние времена финикийцы давали сто двадцать мечей и шесть-

десять кинжалов, правда, при условии, что в его толще была погребена какая-нибудь букашка вроде мухи или жука. Хотя, вероятно, ценность самоцвета заключалась не только в растениях и живности, которые нередко попадались в смоляные ловушки. Этот камень был дорог своими исключительными свойствами. Из него изготавливались украшения, предметы быта, боевые амулеты и даже лекарственные снадобья. Чародеи предлагали растолочь камешек, перемешать с водой и одним глотком выпить бальзам. Каждый знает, что солнечный алатырь несет в себе победу, отвагу и мудрость самих богов. И вот теперь этот бесценный камень, за пригоршню которого можно получить несколько рабов, валяется на дне драккара, как ненужный хлам. Часть мелких камушков даже всплыла в соленой воде. Удивительно не то, что на корабле обнаружился алатырь. А то, что он оказался здесь именно сейчас, то есть на обратном пути, по дороге к дому, когда все его запасы должны быть распроданы и обменены на рынках.

- Чье это? - Рёрик взыскательно обозрел команду.

Большинство мореходов выглядело удивленными, некоторые – безучастными, и все переглядывались в недоумении. А мешочек с развязанной тесьмой все еще продолжал лежать на своем месте. Лишь после того, как командир подал знак, его вытащили на палубу. Он оказался небольшим по размеру, крупных камней в нем было не больше трех десятков. Однако уже сейчас было заметно, что все они относились к тем редким находкам, которые желал заполучить каждый. В медовой гуще ясно просматривались маленькие травинки, листики, а также пауки, муравьи, комары, клещи и даже лягушачьи лапы. Иными словами, камни были не случайные, а кропотливо отобранные внимательным глазом и спрятанные ловкими ручонками.

- Я спросил, чье это?! - Рёрик прошелся по палубе, взыскательно оглядев свою дружину.

На корабле стало тихо, словно на нем никого не было. Хотя обычно со всех сторон звучали голоса, скрипела древесина под чьими-то стопами и раздавались прочие корабельные звуки. Теперь был слышен только шум ветра, задувающего в парус, да плеск любопытной волны, бьющейся о низкий борт драккара.

История была несимпатичной. Командир распорядился сбыть все камни. Голос у него не такой уж тихий, язык всем понятный. Что выходит? Полученная выручка, как и вся прочая добыча, обычно делилась по справедливости, то есть согласно положению каждого викинга на этом корабле. И сейчас как бы неприятно это ни было осознавать, но среди своих есть предатель. Который не только покусился на общее достояние, но и, что не лучше, а, может, даже и хуже, ослушался приказа.

Носком обуви Рёрик ткнул в мешок, из которого тут же высыпалось несколько крупных камней, а также показался край какой-то материи.

- Ньер, - подозвал Рёрик помощника. Тот подошел, взял мешок в руки и бесцеремонно стал вытряхивать содержимое. На палубу с грохотом посыпались яркие камушки, а также выпал кусок белой ткани, в которую было завернуто что-то увесистое. Уже через секунду руки Ньера развернули ткань, явив на свет дорогую находку. Внутри оказался камень размером с гусиное яйцо. Внутри него была замурована испуганная ящерка. Теперь уже стало совершенно очевидно, что кто-то на корабле возмнил себя самым хитроумным и решил разбогатеть за счет своих собратьев. - Там есть что-нибудь еще?

- Только эта тряпка, - Ньер взял в руки материю, в которую был завернут поразивший всех камень с ящерицей внутри. - Хотя постой... Похоже, это не просто тряпка... Здесь что-то вышито...

- Кажись, женская это тряпка, - буркнул кто-то из команды.

- Но на корабле нет женщин! - подметил кто-то еще более наблюдательный.

- Действительно, - Рёрик взял в руки упомянутую ткань, которая, скорее, походила на предмет одежды, возможно, на платок, нежели на обыкновенную тряпку. Обозрев аляповатую вышивку, он показал ее остальным. - Кому-нибудь знакома эта вещь?

- Может, видели ее у жены вашего приятеля?! - пояснил Ньер.

- Покажи поближе, - проявился вдруг одноглазый. Подойдя к Рёрику, он схватил в лапы платок. - Мягкий, аки кожа Хельги, - ехидной улыбкой ощерился одноглазый, кося в сторону парня.

- Это все, что ты можешь сказать, Лютвич? - Рёрик был не в том настроении, чтобы потешаться.

- А что еще тебе нужно? Хельге это принадлежит, - хмыкнул одноглазый, скомкав платок.

- Говорю же, видел эту тряпку я у нее...

- Лучше бы здесь была сама Хельга вместо ее тряпки...- Рёрик, как и большинство мужчин, обычно не запоминал даже слов женщины, не то что ее облачения. И все же он допускал, что Лютвич мог сохранить в памяти столь незначительную деталь. Ведь сам по себе этот воин был мелочным, словно бабенка.

- Что здесь делает тряпка Хельги? - нахмурился Ньер. - Зачем кому-то красть ее?

- А может, никто не крал ее... - размышлял Лютвич вслух. - Может, Хельга сама ее кому-то всучила...

- Зачем? - Ньер недоверчиво оглядел Лютвича.

- Ну я не знаю... Может, в качестве дара... Дара любви, к примеру... - предложил Лютвич правдоподобную версию.

На этих словах все присутствующие будто по команде устремили взоры на молодого парня, который еще совсем недавно валял Лютвича по палубе, словно кошка мышь, как раз после обсуждения упомянутой особы.

- А может, ты на него наговариваешь? - временами Рёрику и самому новый парнишка казался подозрительным, но, правда, не до такой степени, чтоб обвинять того в подобного рода вещах.

На протяжении всего следствия парень стоял с недоумевающим лицом. И вот теперь его лоб пересекли две морщины. Он начинал догадываться, куда ветер дует.

- Все верно одноглазый гуторит, - встрял в беседу некий Аскольд. - Дай-ка взглянуть, - вырвав платок из рук Лютвича, он оглядел незамысловатую вышивку. - Точно, Хельги тряпка!

- Аскольд смял потрепанный кусок ткани и сунул в руки Ньеру.

- Боюсь спросить, кто еще навещал Хельгу?! - хмыкнул Рёрик.

- Да много кто навещал ее... - отозвался Туча, почесав затылок.

- Но благоволила она только молодчику, - заключил Лютвич.

- Стало быть, твоя тряпица, - подытожил Рёрик, глядя на парня, который в растерянности наблюдал за пугающим расследованием. Казалось, он потерял дар речи. Потому что все это время не пытался вмешаться в обсуждения или возразить.

- Да я в первые ее вижу! - опомнившись, наконец выпалил парень.

- Понятно... - теперь даже Рёрик не сомневался, что новичок виноват. Кажется, уже весь корабль успел заметить у пресловутой Хельги сию тряпку, а этот плут видит якобы впервые, хотя дневал и ночевал у своей избранницы.

- Клянусь богами, я ничего не знаю об этих камнях! - заорал парень, которого напугал взгляд капитана.

- Я слышал, что положенный на грудь алатырь вынуждает преступника признаться в содеянном... - вспомнил кто-то из дружины советы ведунов.

- Я все же предпочитаю способы, проверенные временем, - Рёрик не очень верил в легенды. - Ньер! Искупай-ка этого побродягу. Дабы отныне он лучше слушал, что я говорю.

- И чтоб неповадно было таскаться где ни попадя, - добавил довольный Лютвич, скалясь издевательской ухмылкой.

Парень нахмурился в догадках. А тем временем пара громил уже обхватила его с обеих сторон, выкручивая ему руки за спину. Двое других мореходов были увлечены занятием менее понятным – ухватив толстый трос за противоположные концы, они бросили его в воду, будто

стараясь натянуть под килем корабля словно вожжи. Парень взирал на происходящее с недоумением и тревогой.

Когда трос был пропущен под днищем корабля, незадачливого любовника связали по рукам и ногам, а после подтолкнули к краю борта. Парень едва не свалился в воду, но в последний момент удержался на ногах.

- Ну так? - Рёрик снова обратился к парню. - Будет последнее желание?

- Желание?.. - парень сначала не понял, что может означать такая неслыханная щедрость. А сообразив, заорал громче прежнего, - не мое это! Клянусь богами, я тут ни при чем! Да я впервые...

Он не успел договорить, как кто-то толкнул его за борт. Вероятно, командир все же рассчитывал на признание. А вместо того опять слышались хлипкие оправдания, которым не поверил бы даже ребенок.

Плюхнувшись в воду, парень быстро пошел ко дну, поскольку руки и ноги его были связаны. Он старался высвободиться, извиваясь, сворачиваясь калачиком, дергая за веревку. Но все было тщетно. Вдруг его потянуло под корабль. Неумолимо, сильно и страшно. Это двигался тот трос, к которому он был накрепко привязан. Парень понял только одно: если он не успеет захлебнуться, то будет изуродован острым килем и прилипшими к нему заостренными остриями останками морских обитателей.

Пока парень, спрятанный пучиной, сражался с самой смертью, на палубе было довольно весело. Команда не скучала, кто-то даже хохотал. Но в основном все обсуждали проступок паренька, поглядывая на колыхающиеся синие волны. Несмотря на то, что провинившийся приходился им, по меньшей мере, собратом по оружию, ни у кого не возникло желания каким-то образом облегчить его участь или заступиться за него. Законы моря суровы. А самых прытких обучают всеобщим правилам быстро и жестоко.

- Ты там заснул?! - обратился Рёрик к зевающему Туче. - Доставай уже...

Грузный Туча и еще пара мореходов потянули за трос. Остальные наблюдали за силами, попутно вглядываясь в темные воды. Всех занимал только один вопрос – что вынесет на поверхность трос?..Безжизненное тело провинившегося...Либо его самого: еще не мертвого, но едва живого. При килевании выживали немногие. И случалось это нечасто, а, пожалуй, даже совсем редко. Тем не менее, интерес всегда присутствовал, и теперь все с любопытством всматривались в волны.

- Да он крепкий орешек! - близстоящие к борту первыми оповестили о результатах.

- Но уже не такой гладкий...

И правда, трос вскоре вытянул из вод парня, все еще дышащего, хотя и много искалеченного. Одежда на нем повисла клочьями, лицо было расцарапано в кровь, кожа на теле разорвана. Когда его бросили на палубу, он даже не кричал, так сильна была боль. Он лишь кое-как старался отдышаться.

- Что с ним делать? - Ньер вопросительно оглядел Рёрика.

- Может, еще раз?! - предложил Туча, которому отчего-то не нравился молодой викинг.

- Пусть поплавает, - поддержал одноглазый, сплюнув за борт.

- Хватит с него... - Рёрик не стал спорить с богами, сохранившими парню жизнь. - Поддержались мы... Так что все на весла...

Отдохнувшая и взбудораженная зрелищем команда разбрелась по местам. Лишь изувеченный парень отполз в сторону, желая хоть куда-то спрятаться на этом корабле, где нашли даже небольшой мешочек с камнями, не говоря уже о человеке. Происшествие было ярким, однако о нем скоро все забыли. Сейчас людей больше волновало то, как побыстрее достичь берегов и устроиться на ночлег.

****

Солнце в зените будто застыло. Умаявшиеся голодные воины безнадежно смотрели в туманную даль, моля богов лишь об одном – позволить им высадиться на суше этой ночью. Хотелось горячей жидкой еды. Хотелось долго спать. Хотелось пройтись по тверди, не уходящей из-под ног. Хотелось, в конце концов, удалиться друг от друга больше, чем на двадцать шагов.

Часть мореходов все еще оставалась на веслах, но большинство отдыхало в тени под лавками. По палубе неумоимо вышагивал лишь Ньер. Возле почти опустевшего анкерка стоял Лютвич, хлещущий водицу.

Рёрик был на своем привычном месте, на корме, когда с ковшом в руке к нему подошел одноглазый.

- Воды? - Лютвич предложил ковш капитану, но тот отказался.

Лютвич постоял возле командира еще какое-то время, потом вернулся к бочонку, бросив рядом с последним ковш. Пройдясь вдоль лавок, он снова очутился возле Рёрика.

- Нег, отдай мне Любаву, - вдруг ни с того ни с сего изрек одноглазый.

- Обойдешься без Любавы, - для Рёрика влечение Лютвича к упомянутой деве не было новостью.

- Каков... Сначала по Хельгам шастать, а потом дочь Дражко ему подавай, - влез в беседу Ньер, снующий по палубе.

- И кто здесь без греха? - пожал плечами Лютвич. Несмотря на то, что Любава одно время считалась невестой Рёрика, вернее сказать, ходили такие слухи, он все же решил попытать счастья. - Нег, я ведь не просто так... Я взаправду. Я ведь жениться хочу... - обычно грубый голос Лютвича сделался вдруг тих и жалостлив.

- Еще б ты жениться не хотел, - хмыкнул Рёрик. Любава все же не какая-то девка, а дочь прославленного воеводы.

- Я хочу жениться, - для верности повторил Лютвич, чтоб сомнений в его намерениях не осталось. - К себе ее увезу. Будет с матерью моей жить... Люба она мне. А? Отдашь? - ныл Лютвич.

- Ступай-ка лучше на весла, - разглядывая что-то вдаль, Рёрик приложил ладонь ко лбу, закрываясь от солнца. Страдания одноглазого его особенно не трогали.

- Скажи, чего хочешь за нее? - Лютвич обошел командира с другой стороны.

- А что у тебя есть такого, чего у меня не было б, одноглазый?

- Тогда просто так отдай. Ведь не нужна ж она тебе. Пропадет... А ей замуж давно пора... Я о ней позабочусь, - затянул старую песню Лютвич. - Ну ты ведь жениться ж не собираешься...

- Собираюсь я, - Рёрик понял, что именно произнесли его уста лишь после того, как слова прозвучали.

Тут вдруг раздался грохот. Ньер запнулся о снасть, валяющуюся на палубе. Видно, признание Рёрика удивило его, поскольку он смотрел не себе под ноги, а на командира.

- Скорее море высохнет, чем Нег решит связать себя подобными узами, - послышалось с лавок, где расположилось двое мореходов. Первый, Энка, доедавший черствую лепешку, чуть не поперхнулся, а второй, Ладд, перестал пить из кожаного мешка, уставившись в сторону кормы, где были Рёрик и Лютвич.

- На Любаве? - Лютвич нахмурился в сомнениях.

- На Вольне... - после некоторой паузы ответил Рёрик. Ему не хотелось обсуждать эту тему.

- Так даже... - выбор Рёрика подивил Лютвича больше самого озвученного намерения.

- Как «даже»? - Рёрик оторвал взор от горизонта и оглядел Лютвича строго.

- Никак... Просто не верится что-то... - негромко отозвался Лютвич, глядя на морскую пену. В его видении, хозяин Ютландии был не настолько прост, чтоб жениться на обычной женщине, хоть и очень красивой.

- Отчего же, Лютвич, тебе не верится своему вождю? - нарочито спокойно поинтересовался Рёрик, который в действительности желал сейчас лишь одного - съездить по назойливой роже одноглазого, чтоб тот больше не совал нос не в свое дело.

- Что ты, что ты! Я лишь по себе сужу: скольким бабам обещал, покамест, как видишь, холост, - поспешил заверить осторожный Лютвич.

- Экий ты охотник, оказывается, - Рёрик перевел взгляд на помощника, придерживав рукой шкот. - Развернуть парус!

От греха подальше Ньер и еще двое мореходов занялись парусом, все еще недоверчиво косясь в сторону командира.

- Нег, а что если уговоримся мы с тобой... - не сдавался Лютвич, хотя по всем признакам было ясно, что разговор окончен. - Ежели женитьбе твоей до весны не бывать, то Любаву мне отдашь... - вдруг выдал Лютвич.

- Чего?..- Рёрик строго оглядел Лютвича. - Ты что там лопочешь? В колокол захотел?!

- Нет... - вздохнул Лютвич. - Обычный спор. Буде ты не сомневаешься, всеконечно...

- А коли моя возьмет? Второй глаз тебе вырву, идет? Буде сам не сомневаешься, всеконечно... - погрозил Рёрик. Ему не понравился поворот, в который вошел разговор. И будь они с Лютвичем наедине, не раздумывая долго, влепил бы одноглазому, допустим, в ухо. Но тут, разинув пасти, Ньер и еще пара викингов крутят парус. А в действительности, кажется, греют уши. И те, что крикали с лавок, то ли дремлют, то ли нет. Да и вообще постоянно кто-то шныряет под носом. Могут остаться сомнения в словах предводителя. Этого не нужно. Тем паче когда корабль оказался вынесен в океан, и, строго говоря, достоверно неизвестно, где находится.

- Буде твоя возьмет, то на твоей свадьбе козлом выражусь и буду мекать и плясать, гостей развлекать, - предложил Лютвич.

- Что еще с тебя взять, - кивнул Рёрик в знак того, что условие принято.

Еще раз оглядев вожака, Лютвич двинулся к своей лавке. Уверенность вдруг покинула его. Ужели Рёрик, наследник благородной династии и впрямь вознамерился соединиться с вздорной простолюдинкой?! Прошлого которой сомнительно вдобавок.

- Готово, - Ньер оказался возле капитана сразу после того, как Лютвич удалился.

- Чего уставился?! - рявкнул Рёрик на помощника.

- Да так... - Ньер не стал раскрывать своих мыслей относительно женитьбы командира, хотя они были схожими с мыслями Лютвича.

- Ну иди тогда, - после дурацкого спора с Лютвичем Рёрик был не в духе.

- Еще хотел сказать... - почти шепотом продолжил Ньер. - Ты знаешь, где мы теперь?

- А как же, - усмехнулся Рёрик.

- Суша близко? - спросил помощник. Получив в ответ лишь скупой кивок, он вздохнул. Несмотря на то, что командир обычно не бросает слов на ветер, сегодня все подвергается сомнению. - Питьевой воды почти не осталось... И еда на исходе... Одни лепешки - и те уже иссохли.

- Смотри туда, - Рёрик распростер длань, указывая куда-то вперед.

Ньер без особой надежды сосредоточил взгляд, загоразивая рукой глаза, ослепленные яркими лучами. В мыслях он уже приготовился провести еще одну почти невыносимую ночь на тесном холодном корабле. Какова была его радость, когда сквозь дымку он различил вдалеке очертания суши! Сначала он подумал, что она ему лишь привиделась, таким неясным и блеклым был силуэт. Но вскоре он убедился, что это не так. Прямо по курсу действительно была земля. И притом не маленький какой-то островок.

- Дорестагт?! - воодушевился Ньер.

- Конечно, нет, - Рёрику тоже хотелось, чтоб это были земли Фризии. Но обманываться не имело смысла. Штурм унес корабли слишком далеко от того пути, по которому они изначально

следовали. И все же, учитывая обстоятельства, сейчас сгодилась бы почти любая суша. Лишь бы она не относилась к владениям врага, не была заселена людоедами и имела хотя бы один источник с пресной водой.

- Вириген? - нахмурился Ньер, предвкушая неприятный ответ. Конечно, это не Вириген, который можно было считать вторым домом. Похоже, это материк. А точнее, неприветливая его часть, скалистая, изрезанная узкими глубокими заливами, на десятки или даже сотни тысяч шагов вдающимися в безжизненную сушу. Там не пасутся стада скота; там нет ручьев; там, если проникнуть вглубь континента, можно встретиться с норманнами. И не все из них будут рады приветствовать Рёрика и его людей.

- Это не Вириген, Ньер... - Рёрик как будто услышал мысли своего помощника. До Виригена или Дорестада им попросту не дотянуть без пополнения запасов пресной воды и еды. В шторм они оказались смыты за борт, разбиты волнами и приведены в негодность прочими злключениями. - Всем с весел. Я хочу зайти в бухту по темноте.

- Идем под парусом! - завопил Ньер.

****

Обнаружившаяся суша внезапно оказалась живописна. Отвесные скалы, величественные ледники, бушующие водопады – завораживали необыкновенной красотой. Распахнув уста, мореходы, как зачарованные, любовались открывающимися картинами, холодными, но прекрасными. Казалось, здесь собрано все, что когда-либо восхищало глаз человека. Опустив парус, корабли шли по течению. Дух захватывало от веющего ветра, от синевы моря и неба, от яркости красок, коими пестрила манящая суша. Эти мгновения казались волшебным сном, ставшим явью.

- Я издох и очнулся в Вальхалле! - от избытка чувств выругался один из воинов.

- Это сам Ирий! - услышался восторженный возглас с другой стороны.

- Если даже кракен сожрет меня в этих водах, я не пожалею, что пришел сюда! - признался кто-то.

Восхитительны виды. И, кажется, совсем близки те заросшие изумрудной зеленью холмы; те покрытые снегами горные вершины; те быстрые реки, низвергающиеся шумными потоками. Восхитительны, но толку от них нет. Обрываясь пропастью, падающей в холодное море, крутые берега не подпустят к себе ни одного корабля. Возможно, где-то вдалеке есть место, куда можно пришвартоваться. Или нет. Знать ответ на этот вопрос может лишь тот, кто уже бывал здесь прежде. Но, даже зная и помня гавань, разве не легко ли ошибиться? Ведь этих диковинных заливов с удивительно теплым для данных широт климатом не один и не два, а сотни или даже тысячи.

Смеркалось. Один за другим войдя во фьорд, драккары сбросили скорость. Райское место поражало своим величием, но нельзя было терять осмотрительности. Ведь неизвестно, что таится в сказочных зарослях.

- Что это за земли? Даны?! - вытаращил глаза Ньер.

- Надеюсь, что нет, - покачал головой Рёрик. - По крайней мере, в прошлый раз их тут не было...

- Ты здесь бывал? - Ньер уже не один год был при Рёрике, но и он мог всего не знать.

- С Харальдом. Давно еще, - Рёрик сказал правду. Места были ему знакомы не понаслышке. Он посещал их вместе со старшим братом. И все же с тех пор ему не доводилось снова оказываться здесь. - Убрать дракона с носа. Поднять щиты на борту...

****

Мачты качались, скрипели реи. После продолжительного пути вдоль изрезанных берегов драккары все же отыскали крохотную бухту, годную для причала. К тому моменту было уже совсем темно. Часть мореходов осталась на кораблях для охраны пожитков. Остальные же, вооружившись, высадились на землю.

В сопровождении своих людей Рёрик шел по берегу, с одной стороны омываемому морем, а с другой потесненным подступающими горами. Он был сосредоточен, несмотря на время суток и усталость. В тусклом свете луны мало, что различалось. Он пытался вспомнить места, в которых побывал много лет назад со старшим братом Харальдом. И убедиться, что не ошибся, приведя команду к этому побережью. Пока он осматривался по сторонам, воскрешая в памяти позабытую дорогу сквозь холмы, одна часть его людей зевала, другая же настороженно шурилась по сторонам. А часть, находящаяся в хвосте ватаги, тихо роптала.

- Едьба закончилась... Вода тоже... А мы прохаживаемся, будто другого времени для прогулок нет, - пенял Лютвич с того момента, как сошел на берег. Он старался говорить негромко, чтобы его слова не долетали до ушей командира. Впрочем, легкий ночной бриз в любом случае уносил все разговоры к морю. И все же ворчание одноглазого подогревало других участников похода. И теперь уже тут и там слышались недовольные замечания. - Если мы к утру не набредем на ручей, то, точно, умрем от жажды... - продолжал Лютвич. - Или, и того хуже, нас изъедят волки...

- Как будто ты так ослаб, что не справишься с плешивым волком, - Ньер со всего маху, намеренно или нет, задел плечом Лютвича, проходя мимо. Одноглазый пошатнулся и чуть не упал. Помощник командира нарисовался внезапно. Его тут не ожидали увидеть. Изначально он шел впереди, вместе с Рёриком. Вероятно, лишившись возможности обходить корабль, он принялся обозревать целостность отряда.

- Я боюсь не волков, - продолжал Лютвич. - Сначала мы заплутали в море, а теперь потеемся в чаще чужих лесов...

- Не бойсь, до зимы найдемся... - утешил Ньер.

- Зачем ему не сидится на месте? - имея в виду Рёрика, продолжал сетовать Лютвич. - К чему мы ушли от берега?

- На язык наступи! - оборвал Ньер.

- Я лишь хочу сказать, что не ко времени это все. Ведь можно ж было б сперва разложить костер... Выспаться... А уж после бродить... - Лютвич озвучил мысль, которая посещала многих.

- Не тебе сомневаться в решениях нашего воеводы, - Ньер обычно не участвовал в подобных обсуждениях и не пытался никого ни в чем убедить, а лишь пресекал всякие недовольства.

- Слишком долго блуждаем, - добавил Лютвич негромко. - Надо б привал. Уже сил нет брести...

- Тебя на руках понести?! - ухмыльнулся Ньер.

- Скажи Негу, не туда ступаем... - не переставал нагнетать Лютвич.

- Правда, что не туда, - поддержал кто-то из команды, подогретый нытьем Лютвича. Это был вечно недовольный Истома, постоянно кутавшийся в струку - шерстяную накидку, заменяющую ему в походах одеяло. Этот парень не мог радоваться жизни, даже когда повода для тревог не было, не говоря уже о том, что происходило в его душе, если приключалась беда. Юное лицо его имело борозды на переносице, как у старца, познавшего немало бед и проказ. - Нас дома все уже скоро похоронят в памяти своей!

- Боишься, что жена выйдет за другого? - оскалился Ньер.

- У меня нет жены, - пробубнил Истома и почему-то обиделся.

- Похоже, и не будет, - грунил Ньер. - Развылись, точно бабы. Если что пошло вопреки ожиданиям, то сразу в визг...

- Лишь справедливые опасения, - вставил Лютвич негромко.

- Ты дева невинная - всего опасаться? Хуже, если б валялись на дне моря-океана, а рыбы глодали бы наши кости, - Ньер уже устал выслушивать жалобы, но и Рёрика дергать по пустякам не хотел.

- Ньер, скажи Негу: не дело это... - зашипел Лютвич. - Надо к кораблям воротиться, пока не поздно. А если не одни мы тут? А вдруг засада какая... Место ж незнакомое... Скажи ему, что...

- Да скажу же, скажу... - отмахнулся Ньер. - Скажу, вы измучены, и пора уже вас к мамкам скорее вести. А не по морям катать...

Дружина еще совсем недалеко зашла вглубь материка. Вдруг на горизонте, в темной мгле, проступили неясные силуэты приближающихся с быстротой птицы всадников.

- Обрато на корабли?! - буркнул Истома, заправляя подол шерстяной струки в широкие портки и готовясь к бегу.

- Не успеем, раньше надо было... - с видом знатока изрек Лютвич. - Как бы сдаваться не пришлось...

- Тебе лишь бы сдаваться. Податлив, как Хельга, - во весь голос изрек Ньер. В ответ на шутку с нескольких сторон раздался смех, сопровождаемый лязгом мечей, доставаемых из ножен.

****

Кавалькада всадников приближалась. Рёрик поднял вверх щит, давая конникам таким образом понять, что корабли пришли с миром. Отсутствие устрашающих драконьих голов на носках кораблей указывало на то же. Их снимали при приближении к собственным либо дружественным землям, чтоб не напугать мирных жителей. Ведь вид змея, появляющегося из волн, всегда сулил беду. И все же, во избежание недоразумения, правильнее будет обозначить свои намерения четче.

Уже через пару минут всадники окружили незваных гостей, взяв в плотное кольцо. Потрясая тяжелыми топорами и острыми копьями, сверкающими даже в блеклом свете луны, они теснили пришельцев к центру. Неожиданно круг чуть разомкнулся. Вперед выехал человек на огромном коне с тяжелой упряжью. На голове наездника был надет массивный металлический шлем, переходящий в свирепую личину, защищающую глаза, нос и скулы. Сзади шлем также оканчивался полумаской, из-под которой, будто борода, струились волосы. Таким образом, казалось, что человек этот видит даже то, что происходит у него за спиной. Было невозможно различить черт его лица. Но устрашающий облик говорил сам за себя. Этакого добряка лучше сторониться.

- Если желаете сохранить свои жизни – сложите оружие. Немедленно. И следуйте той дорогой, которую мы вам укажем, - произнес человек в маске. - Буде ослушаетесь - то эта земля станет вам гробницей!

Всадники покачивались на спинах нетерпеливых коней. Копья по-прежнему были направлены в сторону пришельцев, которые в свою очередь застыли в ожидании решения командира. Несмотря на усталость и желание избежать потасовки, мореходы не питали надежд на мирное завершение ночной встречи, тем более после такого заявления незнакомца. Дружина приготовилась вступить в бой с хозяином этой земли.

Воцарилась пауза. Разумеется, положительного ответа на предложение незнакомца не следовало. Сложить оружие и сделаться рабом или побороться и хоть кого-то искромсать... Тут есть о чем поразмыслить...

- Олег?..- вдруг произнес Рёрик после некоторого промедления.

Устрашающий своим обликом воин чуть приподнял шлем, дабы лучше разглядеть того, кто к нему обратился, назвав не самое известное из его пяти имен.

- Я...- в глазах двуликого воина сквозило недоверие. Но позже они вспыхнули приветливыми огоньками. - Нег!..- отозвавшийся на Олега едва не свалился с лошади. Спрыгнув с коня, под удивленные восклицания он сделал шаг навстречу Рёрику. - Ты ли это?!

- Ага. Это я...- Рёрик больше не успел ничего сказать. Давний друг уже радостно обнимал его.

- Тебе я рад больше, чем самому Одину, - с улыбкой признался Олег. Теперь он уже не выглядел столь ожесточенным и пугающим. - Откуда ты тут?! Каким ветром тебя занесло?!

- Ты же звал погостить на лето! - напомнил Рёрик шутливо.

- Это было десять лет назад! - расхохотался Олег. - Пойдем же скорей. Отец будет счастлив видеть тебя... - радушный хозяин еще раз оглядел долгожданного гостя. А после замахал руками на своих людей, - расступитесь все! С дороги!

****

- Я уж думал, этого никогда не произойдет! Нам пришлось ждать всего лишь дюжину лет, чтобы наконец приветствовать тебя у себя на пировании! - навстречу Рёрику выступил преклонных лет человек. Вопреки возрасту, хозяин земель выглядел бодрым, хотя шел, опираясь на короткую клюку. - Когда мне сообщили, что к нашим берегам летит стая драккаров, я сразу вспомнил о тебе и сказал самому себе: «Это снова не он. Я успею умереть и воскреснуть в Асгарде прежде, чем он соизволит навестить старика!».

- Кетиль, - Рёрик широко улыбнулся шумному ворчливому деду.

- Проклятье! А кто же еще! - рассыпался хохотом король. - Кетиль Лосось пока жив, хоть и стар! Ну, подойди же ко мне, мой мальчик! - старик распростер руки навстречу Рёрику. Тот сразу же подошел к нему и оглядел так, как только может оглядеть своего наставника благодарный ученик.

- Мне радостно через столько лет снова видеть тебя все в том же расположении... - Рёрик действительно помнил короля именно таким: жизнерадостным и задирающим всех окружающих. Однако Кетиль сильно постарел. И это опечалило Рёрика, неожиданно для него самого.

- Кетиль стар. Но он все еще глава своей семьи! - бойкий старик погрозил клюкой в сторону, где стояли трое мужчин, очевидно, его возмужавших сыновей. - Ольгерда ты знаешь хорошо, с ним вы давно знакомы... - старик подмигнул Олегу, а потом сделал шаг в сторону рослого мужчины, глядящего чуть надменно. - А это Хальвдан. Мой старший. С ним ты не знаком. Но он почти такой же, как я - большой разницы не заметишь. А это Харфагр. Он непокорен, но смел, я полагаю. Ну а остальные не знаю, где бродят... Наверное, охотятся... За бабами данов... Ха-ха... А это... - ухватив Рёрика за рукав, старик потащил его к двум женщинам, стоящим в стороне, - это моя старушка Ингунн. Но в ней тебе проку нет, - Кетиль шутливо, но не без любви в голосе представил уже немолодую, но все еще привлекательную королеву. Она улыбнулась теплой улыбкой гостям своего мужа. По всему было понятно, что королева - женщина добросердечная и к тому же многомудрая, раз сумела управиться со своенравным Кетилем. - Посмотри лучше сюда, - старик указал на юную девушку, точнее, девочку, застывшую возле королевы. Светлые волосы ее были убраны под шапочку, открывая белую лебединую шею. - Моя дочь. Ефанда. Ее ты видел еще тогда, когда она была завернута в пеленки.

Ефанда стояла недвижима и бледна. Казалось, она вся из стекла и льда, так хрупка, стройна и утонченна она была. Бросив всего один взгляд на Рёрика, она смешалась, опустив глаза и сжав руку матери.

- Что скажешь?! - король похлопал Рёрика по плечу.

- Мне есть много, о чем поведать тебе, конунг, - Рёрик был рад найти Кетиля живым и здоровым. Тот запомнился ему еще нестарым и сильным человеком. А теперь перед хозяином Ютландии стоял сутулый дедушка. Хоть и неунывающий. - Надеюсь, ты не заскучаешь от моих рассказов!

- И я надеюсь! Послушать сказы лихих молодцов – последняя забава, что мне теперь осталась! - развеселился Кетиль своей новой шутке. - Ты выглядишь усталым с дороги, мой мальчик. Тебя и твоих людей здесь примут так, словно каждый из них, по меньшей мере, сам ярл! Олег, сынок, позаботься обо всем... Ты все умеешь. Кстати, Ингунн! - обратился старик на сей раз к жене. - Разве столы еще не накрыты?!

- Они могли бы оказаться накрыты, дорогой супруг. Но ты сказал, что сегодня на ужин у нас будут головы врагов, дерзнувших ступить на наши земли, - королева оказалась такой же шутницей, как и ее муж.

- О, как смешно, - нарочито брюзгливо хмыкнул старик, которому на самом деле было весело и радостно. - Ну так не оставаться же нам без вечерней трапезы! Устрой все, Ингунн! - Кетиль кивнул королеве, чтобы она отправлялась немедленно. - А после вас будут ждать теплые лежанки... - теперь старый король снова говорил с Рёриком. Впрочем, его взгляд тут же вернулся к жене, удаляющейся вместе с дочерью. - Ингунн, остановись. Да остановись же! Я сказал! Не заставляй меня бежать за вами! - король нетерпеливым жестом подозвал жену и дочь обратно. И не успели они еще толком приблизиться, как он уже ухватил Ефанду за локоть и буквально вытолкнул вперед. - Так как тебе Ефанда?! - с повторным вопросом обратился к Рёрику король.

- Она мила, - Рёрик оглядел принцессу внимательным взглядом, как обычно делал при виде нового собеседника.

- Она не просто мила! - прогремел старик. - Она моя единственная дочь! Боги послали нам ее тогда, когда мы уже не ждали потомства! - зашелся от смеха король. - И вот уже как тринадцатая весна идет. За ней я дам приданое! Но она и сама сокровище! Посмотри на нее получше! Ее бедра созданы для того, чтобы рожать сыновей! - беспардонно сообщил король. А худенькая девочка покраснела, наверное, до кончиков волос. - Она уже готова к тому, чтобы стать женой достойного человека! - провозгласил Кетиль.

- Дорогой супруг, - послышался негромкий голос королевы. - Это не совсем так. Она еще не готова...

- Ну, значит, скоро будет готова! - перебил Кетиль. - Что скажешь, мой мальчик?!

- Да что тут скажешь... - и правда, что мог добавить Рёрик к описанию человека, которого видел, по сути, впервые. И что, вообще, можно сказать о детях? И все же сцена его позабавила. Можно предположить, что старый король рассчитывает поскорее вручить свою дочь какому-нибудь мужу. Хотя по всему заметно, что Ефанда - любимица в этой большой семье. Вряд ли ее желают быстрее сплавить. И, кажется, королева права: девочке пока рано думать о женихах. Ей лучше пойти поиграть в куклы и поголубеть котенка. - Она прелестный ребенок...

- Она прелестный бутон, который вот-вот распустит свои лепестки! - поправил Кетиль.

Несмотря на усталость, наблюдательность не покинула Рёрика. И он заметил, что все происходящее немало потешило его спутников, и тем сильнее смутило девочку. От стеснения она уже не знала, куда себя деть. Ее тоненькие белые пальчики перебирали складки юбок, а жалобный взгляд то и дело падал на мать.

- Дорогой супруг, наши гости утомились с пути, - мягко напомнила королева. А ее взгляд, обращенный на мужа, сделал даже больше, чем ее слова.

Оглядев растерянную дочь, Кетиль решил отпустить ее спать. Время было позднее. И если она до сих пор еще не в кровати, то лишь потому, что он объявил об атаке крадущегося во тьме врага.

- Ну ладно. Пусть идет... Кажется, мы смутили ее, - наконец обнаружил старик. - Что стоишь? Ингунн, уведи же ее!

Королева и принцесса еще не успели дойти до дверей, как Кетиль уже снова передумал.

- Ингунн! - окликнул жену Кетиль. Королева на сей раз оставила дочь в дверях и подошла одна.

- Я думала, мне следует распорядиться о трапезе для наших гостей, - напомнила Ингунн.

- О какой трапезе?! Ингунн, очнись! - старик был очень задирист, но его жену это, кажется, не задевало. - Что ты говоришь?! У нас редкий гость! А ты хочешь потчевать его вчерашней похлебкой с корешками и салом?! Мы устроим пир! - постановил старик. И тут же обратился к Олегу. - Хельги, сына, ты должен как можно скорее собрать гостей. Я хочу,

чтоб прибыли все мои ярлы. Хальвдан! - Кетиль развернулся к своему главному наследнику – старшему сыну королевы Ингунн. - Ты приведешь всех наших воинов. Харфагр! - Кетиль уставился на среднего сына в раздумьях. - Харфагр! Ты позаботишься о том, чтобы недостатка в напитках не было! Ибо я устал от того, что уже на второй день пирования наши чаши оказываются позорно пусты!

Как и все его соотечественники, Кетиль любил проводить время в пирах. Чаще всего увеселения устраивались по случаю значимых событий. Долгожданное возвращение дружины из похода, рождение наследника, свадьба или кончина какого-либо знатного лица. На сей же раз празднование задумывалось исключительно в честь неожиданных, но дорогих гостей, привезших с собой веселье и множество даров.

Что, собственно, до самих прибывших, то они валились с ног от усталости. Но не осмеливались возражать хлебосольному хозяину. Хотя спать им хотелось больше, чем вкушать.

- Дорогой супруг, быть может, нам следует отложить застолье хотя бы до завтра? Или, может, и того дольше...А сегодня мы могли бы порадовать наших гостей теплыми покрывалами и сытным, но не слишком продолжительным ужином...- предложила благоразумная королева. - После долгого пути им нужен отдых...

- Для мужчин отдых – это когда они дружной братией пируют за столом! - рявкнул Кетиль.

И все же королеве удалось уговорить своего непреклонного супруга перенести торжество. Для праздника требовалось время на подготовку. Ведь обычно хоть мало-мальски пристойный пир длился не менее трех дней. И все это время праздновальщикам не разрешалось слишком надолго удаляться от места, где шло веселье. В таких условиях ближе к утру следующего дня даже неутомленные дорогой гости успевали погрузиться в сон прямо за столом. Правда, наспех восполнив силы, вскоре после пробуждения от удара чьего-то локтя вновь присоединялись к гулянию. Ведь крайне дурным тоном в этих краях считалось пировать скоро. Праздник можно было назвать удавшимся только в том случае, если гости пили и ели ночи напролет, прерываясь лишь на состязания и застольные песни. Но окажутся ли исполненными эти условия в данном случае?! Мореходы – люди выносливые и неприхотливые. И, тем не менее, не было никаких оснований полагать, что пир не сорвется. Утомленные путешествием гости, должно быть, быстро повалятся под лавки от усталости, избытка чувств, и, главное, крепких напитков.

Лишь после долгих уговоров Кетиль согласился дать отсрочку до следующего вечера. Вздохнувшие с облегчением путешественники радостно отправились следом за королевой в стряпную, где сонные поварихи уже разламывали хлеба, резали солонину и разливали пиво. При виде нехитрой, но невообразимо аппетитной еды, а также сдобных розовошек кухарок, путешественники воодушевились, начиная жалеть, что пир откладывается. По мере насыщения воины становились бодрее и задорнее. И, кажется, вот-вот были готовы пуститься в пляс. По крайней мере, шутки и прибаутки все еще срывались с их губ. Однако на самом деле это были лишь отдаленные зарницы, а не истые молнии. И терпеливая усталость все же одержала верх. Мореходы неизбежно запутывались в сетях сна. Веки их тяжелели, зевота одолевала рты. И в итоге все они были счастливы, когда им наконец предложили расположиться на ночлег.

****

- О твоих людях я позаботился, не тревожься, - Олег провожал Рёрика до покоев, которые Кетиль велел выделить своему «самому долгожданному гостю».

- Благодарю за людей. Этот дом - единственное место, где я могу ни о чем не тревожиться, - Рёрик не солгал. Его доверие семье Кетилия было велико.

- Хочешь, я приведу тебе какую-нибудь женщину? Чтобы крепче спалось?! - предложил заботливый Олег.

- Ты очень радетен. Но, боюсь, мне сегодня не до того...- отшутился Рёрик.

А когда наконец остался один и закрыл глаза, то единственное, о чем он подумал, была Вольна. Не принцесса. И не царица. Но и не обычная женщина. Она огонь. Она бушующая буря. Страстная, строптивая и прекрасная. У них было мало времени для счастья. Но скоро он вернется домой. Вернется к ней.

Глава 2. Нареченная невеста

Умилу все чаще одолевала тревога. Медленно, но неотвратимо катилось к горизонту солнце подвластного ее воле Дорестада. Некогда цветущий порт, многолетнее яблоко раздора между фризями и франками, теперь он уже не приковывал к себе внимания со стороны держав. Изначально город слыл центром торговли. Но в последнее время он мало занимал и купцов. Обмеление Ауд-Рейна, где расположилась сия защищенная от бурь гавань, делало судоходство все более затруднительным. И с каждым последующим годом Дорестада лишь сильнее походил на суетливую, но бесполезную деревню. Бессчетные военные встряски скверно отразились на его облике. Здесь больше не имелось ни храмов, ни общественных заведений. Ничего, кроме рынка. Купцы, а вслед за ними - и ремесленники, неспеша перебирались под крыло более удачливых соперников несчастного Дорестада – в Тил и Девентер. На старом месте оставались лишь мелкие кустари-горшечники, кожевники и кузнецы, чьи простые товары сбывались и на скромном местном торге.

Запустение. Единственное слово, которое звучало в ушах Умилы, когда она смотрела на гниющие причалы и брошенные доки. Утешало только то, что этот город не был для матери Рёрика чем-то особенным. Да, Дорестада - ей не родина. И даже нелюбим ею. Это лишь одно из многих пристанищ, по коим ее водила жизнь.

Однако помимо беспокойств о судьбе вверенного ее заботам града, Умилу волновало приближающееся возвращение ее старшего сына Рёрика. Она давно и сильно скучала по своему ребенку. С того дня, как он покинул город. Но грядущая встреча может оказаться омрачена. Ведь ей предстоит сообщить ему неприятную новость...

Раздался стук в дверь. Умила отвлеклась от дум. В ее руках все еще блестела серебряная лунница - заколка Вольны, изогнутая полумесяцем. Оглядев украшение, княгиня-мать небрежно бросила его в ларец, отодвинув последний в сторону.

- Войди! - скомандовала правительница. И тотчас в горницу вошла молоденькая девушка. Казалось, пришелица чем-то взволнована: она нетерпеливо теребила в руках кончик ленты на русой косице. - А, Любава, это ты... - кивнула Умила гостье, жестом приглашая ту присесть.

- Я была на ярмарке, - начала Любава неуверенно. - Столько времени прошло. А люди только и говорят, что о ней...

- Надеюсь, они не сомневаются в том, что она была колдуньей, - Умила поморщилась, подернув плечами. До сих пор перед глазами стоит завораживающее виденье. На дворе еще позимнему холодный березозол месяц. Вольна захлебывается в ледяной воде, хватаясь за кромку обламывающегося льда. А вокруг нее в возбуждении гудит толпа. Храбрые непоседливые горожане... Они все думали, что эта женщина - злая чародейка. Потому и гнали красавицу босой до самой реки, закидывая камнями и проклятиями. Вот именно, Нег должен знать - это народ так решил. И она, Умила, не имеет к произошедшему отношения! Ведь выяснить, откуда появились слухи о колдовстве и кто натравил местный люд на строптивую избранницу Рёрика, сейчас уже невозможно...

- Они радуются, что она утонула. В том году был плохой урожай: люди думают, это из-за того, что сын Годслава привел в свой дом ведьму... - пояснила Любава, не сводя глаз с невозмутимого лица Умилы.

- Все складывается так, как мы и рассчитывали, - губы княгини-матери тронула довольная усмешка. - Что с тобой? Ты дурно выглядишь сегодня, - Умила обзрела бледнеющую Любаву. Девушка еле стояла на ногах. Казалось, она даже говорит с трудом. - Да присядь же, моя дорогая...

- А если она не была колдуньей? - выдавила из себя Любава.

- Не была? Она околдовала моего сына. И этого достаточно! - вмиг вскипела Умила. - Или, может, тебе больше хочется взирать на чужие победы, нежели быть законной женой Рёрика, матерью его детей?! Я думала - ты любишь моего сына. У него непростой нрав, но однажды из него получится добрый супруг и славный правитель. Прекрати блажить. Ты мне как дочь. И поэтому я выбрала тебя!

- Благодарю...- Любава была и правда благодарна Умиле за приют и заботу. - Но не по себе мне... Не ждала я, что они утопят ее. Я думала, что... Ну... Что ее, допустим, изгонят...

- Изгонят... Утопят - какая разница?! - Умила раздраженно вздохнула. - Главное, что эта женщина больше не мешает нам. Не трать время на пустое. А лучше готовься выполнить свое предназначение, когда вернется мой сын.

Обычно миловидная, в этот миг Любава смотрелась жалко. Можно было решить, что горожане устроили травлю на нее саму. Исхудавшая, испуганная, она вздрагивала от внезапного шороха или мелькнувшей тени. Умила спрашивала себя, не ошиблась ли она в этой девушке, покладистым нравом и скромностью которой до сих пор была довольна. Даже некоторая нерешительность в воспитаннице нравилась Умиле. Любава подходит на роль супруги Рёрика совершенно. Прежде всего, с ней не будет хлопот. Эта девица не станет лезть в дела города и транжирить остатки казны, будет честной послушной женой. Она проста, но в меру. Понимает, какой ее хотят видеть, и пытается соответствовать. К тому же нельзя забывать о том, что отец Любавы – благородный Дражко. Он был другом покойного мужа Умилы – Годслава - князя исчезнувшего с карты Рарожья, где они все вместе жили в те далекие времена. И даже не только другом, а почти братом. Поскольку именно Дражко встал на защиту семьи Годслава, когда того не стало. Именно Дражко защитил Умилу и ее малолетних детей. Он увез их из разрушенного Рарожья. Нашел новый приют, надежно спрятав от врагов в чужих землях. С его именем связано многое. В том числе обещание Годслава, что один из его сыновей в свое время женится на дочери Дражко – Любаве.

Умила не любила женщин. У нее с детства не наличествовало подруг. Она ее пела с ними песен за рукоделием, не устраивала посиделок. Не сплетничала на лавках. Но Любава ей все-таки нравилась. Нет, она не ошиблась в той. Девушка пока всего лишь неопытна и слишком молода, чтоб легко принять то, что случилось с ее соперницей.

- А если Нег не забудет ее? - неуверенно подступила Любава к заботящему ее вопросу. Благородная дочь Дражко боялась красивой соперницы. - И полюбит ли он меня?

- Полюбит?...- губы Умилы сплющились в фигуру странной формы. Мысля союз Рёрика и Любавы, она не полагала в нем любви. К чему эти бесполезные страсти? Между мужем и женой необходимо ровное спокойное приятие. Терпение и уважение. Впрочем, Любава пусть все же любит Рёрика, так будет лучше.

Глядя на взволнованную воспитанницу, Умила невольно вспомнила себя в юности. У нее тоже была своя Вольна – супруга Годслава, принцесса Ингрид. Собственно, может, и не было необходимости устранять Ингрид. Годслав не обделял Умилу ни вниманием, ни дарами. И все же, несмотря на свое волокитство, он был привязан к жене. А главное, Ингрид была не обычная женщина, а дочь древнего рода Мкьелдунгов. Сохрани Умила ей жизнь, та всегда оставалась бы старшей в семье, участвовала бы в жизни Рарожья, стояла бы рядом с правителем прилюдно, имея на то в глазах народа все основания. Не то что Умила, взявшаяся не пойми откуда. Их всегда бы сравнивали. И не в пользу последней. Нет, Умила не хотела идти после кого-то даже тогда, когда была молода и не знала жизни так же, как и Любава.

Умила не забыла того нелегкого времени. Она хуже помнила вчерашний день, чем то, что происходило много лет назад...

Однажды вечером, сидя без особого дела в просторных покоях, Умила услышала внезапную шумиху за дверью. Две девицы ссорились между собой, горланя так, что грохотало даже за рекой. Умила вышла к ним и повелительным жестом велела стихнуть. Она давно

уже не выполняла своих прямых обязанностей поварихи, а вела себя так, словно она законная жена Годслава, по крайней мере, в доме со слугами. Но, несмотря на строгий жест, предписывающий замолкнуть, дворовая Трюд, пухлая девушка с раскрасневшимися щеками, все-таки выступила со своей речью.

- Госпожа больна, нужен лекарь! Врачеватель, я говорю, ей нужен. Лихорадка у ней!

- А я говорю, не больна она, а тяжела! Сыну ждет, - перебила другая дева, тощая и высокая, цвета пожухлой травы. - Бабку звать надо!

Умила побелела от злости. Что за напасть, Ингрид решила взять своими бесконечными отпрысками! Хвала богам, все они пока что не жильцы. А те, что остаются – хилые и слабые здоровьем, надолго тоже не задерживаются. Но надо что-то предпринять, дабы все же обезопаситься. Сперва успокоиться и выяснить, правда ли, что Ингрид снова в тягести. У нее уже была одна беременность недавно, так ничем и не увенчавшаяся. Да, правитель могучего Рерика, князь Годслав, любит Умилу, но она по-прежнему всего лишь плененная чужеземка, а их общие дети, как незаконные, не имеют прав на престол отца. Отпускать возжжи пока рано.

Озлобление быстро завладевало Умилой, когда она чувствовала опасность. Но она умела и сдерживать себя, дабы сохранить лицо. И в этот раз она поступила так, как положено. Распорядилась послать одновременно за лекарем и повитухой.

А время тащилось медленно и тяжело, словно скрипучая телега по пыльному бездорожью. Но скоро радостная весть облетела округу. У Ингрид будет наследник - живот острый, значит, это сын! Умила крепко призадумалась. Так дальше продолжаться не может. Она почти всю ночь не сомкнула глаз. А под утро вспомнила, как в ее родной деревне травили крыс.

Княгиня очнулась от налетевшего воспоминания и перевела взгляд на Любаву, покорно ожидающую, когда с ней заговорят снова.

- Знаешь, любовь - это что-то не вполне понятное... Главное, что твой муж будет защищать тебя и заботиться о тебе. Это я называю любовью, - объяснила Умила, которая именно так представляла себе идеальный брачный союз для своих сыновей.

- И что мне делать, когда вернется Нег? - Любава почитала Умилу, потому что та однажды сделалась женой правителя. И хотела получить от нее советы, которые сотворят чудеса. Это будет поистине чудесно, если Рёрик женится на ней, на Любаве. Ну да, так и должно быть. Так уговорено.

- Я думаю, тебе потребуется сделать все допустимое, чтобы утешить его. И недопустимое. Он оценит, если какое-то время ты будешь убита горем вместе с ним. Мой сын таков: коли ему грустно, то весь город должен горевать, - размышляла Умила. - А там дальше, если все сладишь, как я велю, он с тобой и останется.

Из покоев Умилы Любава вышла еще более задумчивой, чем была в начале своего визита. Она недоумевала, как мать Рёрика может оставаться столь спокойной после происшествия с Вольной. А как ловко та сплела сеть, умело выловив из окружения сына неугодную особу. Да еще так, что на нее никто и не подумает! И теперь эта женщина дает ей, Любаве, советы...

По спине Любавы прошла холодная дрожь. Если Рёрик узнает правду о гибели Вольны – всему конец. Умила как-нибудь вывернется, а ей самой, простодушной Любаве, в любом случае конец. Но теперь уж некуда отступать. Надо было думать прежде, чем пособлять Умиле. Но как она, одурманенная Любава, могла думать, когда так сильно любила Рёрика? Ведь до того, как он встретил обольстительную Вольну, все было решено. Отец Любавы, прославленный воевода и соратник Годслава, обещал свою дочь в жены сыну друга. И перед смертью он заклинал позаботиться о ней. Женитьба... Какое многообещающее слово. Все было решено давно, когда невеста была еще совсем дитем! Может быть, поэтому Любава так преданно любила Рёрика все это время. Он, по возможности, бывал добр с ней. И никогда у нее не возникало сомнений в том, что однажды она станет его женой. Но вдруг внезапно, словно разбойник посреди лесной

дороги, возникла нахальная Вольна. Тогда Рёрик напрочь позабыл об обещаниях своего отца! Он и так почти всегда отсутствовал. И даже когда бывал в городе, особенно не баловал Любаву вниманием, несмотря на то, что она жила в их семье с тех самых пор, как осталась сиротой. А когда он привел под крышу Вольну, казалось, весь мир содрогнулся. Скоро стало ясно, что красавица не из робкого десятка. И не будет потакать Умиле. Надменна и горда, как не должно простолюдинке. Она вела себя как законная супруга Рёрика, и, кажется, даже заявляла что-то в этом духе. Была сообразительна, зла на язык и капризна. А Рёрик каждый раз вставал на ее сторону. Наверное, он и впрямь был слишком влюблен. Но должно же это было закончиться когда-то! Впрочем, если бы Вольна была такой же безыскусной, как она сама, покладистая Любава, то так бы и получилось со временем. И все же, несмотря на божественную наружность этой женщины, ее высокомерие и заносчивость отвращали от нее. В народе ее не жаловали. Но не до такой степени, чтоб топить, конечно. А разве важно, что думает простой люд? Негасимая любовь правителя делает непобедимой любую сквернавку. Похоже, Умила нашла единственно верный способ сокрушить злодейку Вольну!

Солнце ярко светило над головой Любавы, но почти не согревало. Девушка не заметила, как оказалась в поле. Она присела на опушке леса, подвернув юбки, которые успела перепачкать по дороге о раскисшие лужи. Если бы так же просто можно было спрятать и грехи, как эту грязь на подоле.

Глава 3. Пир Кетиля

Пир короля Кетиля, устроенный в честь Рёрика и его людей, выдался пышным и громким. Хотя времени для его устройства имелось немного. И все же не было в тот день недостатка ни в веселье, ни в яствах и напитках, ни в иных уладах.

За приготовления взялись тотчас. Вычистили чертоги и дворы. По приказу короля, тремя молодцами была вырыта глубокая яма. Изнутри ее наспех вымостили камнем. Всю рыбу, что нашлась в близлежащих рыбацких деревеньках, побросали туда вместе с фенхелем, кориандром и некоторыми секретными травами, добавленными поварским из его личных запасов. Лещ, окунь, щука, плотва – все смешалось в аромате приправ. Затем раскалили большие плоские булыжники и сбросили их на подготовленное сырье. После всего яму прикрыли дубовыми досками и дерном, чтобы жар внутри сохранился как можно дольше.

Очаги были разведены и пылали ярким пламенем. В глубоких котлах с кореньями и приправами бурлила козлятина. На сковородах тушились тетерева. На вертелах румянились туши ягнят. В деревянных лоханях, сдавленных стальными обручами, в воде отмачивались береговые улитки. На решетках, временами издавая писк, дымилась курятина. Хотя, возможно, писк исходил от мидий и устриц, которые в водорослях плавали в кадке. Впрочем, поварской утверждал, что ни те, ни другие писка издавать не могут, поскольку у них попросту нет рта. На столицах вроде верстаков были разложены вымытые капуста и турнепс, петрушка и сельдерей. В корытах, зарытых в землю, лежали семга и лосось, присыпанные солью. Слуги сновали, задевая друг друга и пререкаясь. Мясники снимали шкуры и разрубали тесаками туши животных для дальнейшего приготовления. Девчонки бегали с корзинками, полными яиц. Доярки тащили кувшины с молоком. Мальчишки несли сливы, терн и яблоки, которые только сорвали с ветвей.

Просторный чертог был празднично убран и украшен горными цветами. Пол застелили душистым сеном. В воздухе витали ароматы кушаний, тени танцовщиц и песни арфы. «Птица счастья парит над пирами. Все печали твои унесет она. Мясо ешь, да мясника не съешь. Вино пей, но не хмелей. Девицу люби, но не теряй головы. Будь осторожен, но не бойся...», - пел сладкозвучный женский голос, хозяйку которого не было видно. Казалось, это песнь неведомой богини.

На буковых столах вплотную друг к другу стояли деревянные блюда со снедью: сушеная бычятина, вяленая кобылятина, соленая лосятина и красная оленина, жаренная на углях дичь, пряный тук, сельдь, топленая густая волога, душистые травы и жгучие корни – горчица, жеруха, тмин, пастернак и хрен. В центре стола возвышался громадный пирог в виде свиньи. Помимо обильной трапезы для гостей были заготовлены напитки. Вина заморские, сладкий мед, крепкое пиво, кипящее в бронзовом котле и, конечно, молоко. Миски, рога и кубки были украшены руническими обережными надписями, защищающими пирующих от яда и порчи.

Внезапное приглашение к конунгу застало большинство гостей врасплох. И все же поданные на пир явились. Те, что жили ближе других, прибыли к сумеркам. А те, которые спешили из дальних уделов – к ночи. Никто не посмел остаться глухим к зову Кетиля, сказавшись больным или умаянным. Шумными ватагами или в сопровождении лишь слуги гости появлялись один за другим. Почти постоянно суетливый хускарл визгливо представлял вновь прибывших, привлекая всеобщее внимание к звучащим именам.

Сам Кетиль сидел в торце стола у южной стены. Его высокий трон оканчивался головой ворона, повернутой на восход солнца. Подлокотники были вырезаны в виде когтистых лап. Изумрудный глаз птицы пронзительно сверлил гостей. По обе руки от короля восседали его сыновья и внуки. Вдоль стола на широких лавках расселась шумная дружина, а также несколько знатных ярлов. У каждого было свое собственное место, которое он получил в соответствии с заслугами. Нельзя было придумать ничего более дерзкого, чем занять место, предназначенное

для другого. Подобные недоразумения могли даже закончиться дракой. Ведь чтобы оказаться возле короля и его наследников, требовалось сперва эту честь снискать.

Поодаль от мужского столица располагался стол женский, куда меньших размеров. В центре сидела королева. Голову ее украшал высокий убор, как знак отличия и власти. Возле жены конунга примостилась юная принцесса. По бокам – жены ярлов, некоторых знатных викингов, а также сыновей Кетиля, то есть королевские невестки. Очередность рассадки соблюдалась здесь не менее тщательно, чем за столом короля, а может быть, и поболее. Чем значительнее был муж гостя, тем ближе к королеве она оказывалась. Иными словами, возле Ингунн сидели невыдающиеся женщины, но зато с горделиво задранными носами.

Возле столов сновали молодые ловкие трэллы с чашами воды и мягким льном. Гости могли омыть руки после жирной пищи, а также освежить лицо от дремы, если таковая накатывала. Быстрые внимательные прислужницы, наряженные вечно-юными валькириями, по первому зову подносили напитки и были готовы оказать любую услугу, которая от них потребуется.

Прежде чем начать пиршество, Кетиль провел ритуал жертвоприношения еды и питья богам, дабы они благословили всех собравшихся. Первые тосты также были посвящены небожителям.

- Мы выпили за Одина, дарующего нам победу. Мы почтили Тора, направляющего меч в нашей руке... - Кетиль поднялся со своего места, так как тосты в честь богов было необходимо произносить стоя. - Следующий же кубок мы поднимем за Фрейра! Пусть он дарует урожайный год... Нашим врагам! - залился смехом Кетиль. Многим шутка понравилась, и ее поддержали хохотом. На этих холодных не пригодных для хозяйства землях заниматься пашеством было почти невозможно. Потому все необходимое приводилось добывать у соседей. И тут главное затруднение состояло в том, чтоб на чужих землях имелась добыча. - Я всегда говорю каждому своему сыну, - продолжал Кетиль, - будь умерен. Избегай пьянства, споров и объятий блудниц. И все же сегодня я скажу всем вам иначе! Пейте допьяна, ешьте досыта! Тешьте так, чтоб сами боги позавидовали вам! - провозгласил Кетиль.

Пиршество выходило на славу. Но самое занятное состояло в том, что сколько бы ни было запасено вин и меда в погребах Кетиля, на второй день они всегда, словно по волшебству, иссякали. Будучи хозяином множества пиров, он не раз пробовал противостоять року, приказывая запасти еще большее количество бочонков. Но итог всегда оказывался одинаков. В ход шла выпивка, привезенная гостями в качестве дара королю.

- Сегодня я устроил этот пир в честь моего гостя... - Кетиль представил Рёрика тем, кто не имел чести знать его. - Несравненный Сокол Рёрик... Князь Рарожья, Правитель Фризии, Конунг Ютландии, Покровитель Виригена... Я ничего не упустил? - шутливо обратился Кетиль к себе самому. Он перечислял титулы Рёрика, которые тот носил теперь и даже те, которые уже утратил вместе с перечисленными землями. - Поднимись, сынок. Я хочу, чтобы все видели тебя.

Гости перестали орать, их взгляды устремились на Рёрика. Даже за женским столом стихло щебетание. Всем хотелось получше разглядеть того, к кому так искренне был расположен прихотливый король.

Перво-наперво Рёрик сам по себе и без всяких титулов был муж заметный. Он обладал запоминающейся наружностью, приятной глазу. Рослый, ладно сложенный, с мужественным лицом и яркими голубыми глазами, он надолго не выходил из памяти тех, кто его встречал. Впечатление от облика усиливалось громким именем, которое было известно каждому на побережье Варяжского моря.

- Наши прадеды были на ножах, - продолжал Кетиль. - Ободриты всегда враждовали с урманями. А впрочем, кто и с кем не враждовал? Как бы там ни было, но нам удалось положить конец сему бессмысленному противоречию. И это не трусость. А желание мира на своих зем-

лях. Ведь для войны есть сотня других берегов! - рассмеялся Кетиль. Вслед за ним расхохотались и гости. Лишь когда шум стих, король продолжил свою речь. - Я помню, как мы дошли до самой Африки. А по пути заглянули не в один монастырь крестопоклонников! Их золото до сих пор хранится в моих сундуках! А те из них, что бегали совсем скверно, обращены в рабство и по сей день гнут спины в моих огородах. Славные были времена! Времена, когда я был еще молод... Но я опять отвлекся... - Кетиль перевел взгляд снова на Рёрика. - Знаю я тебя давно. И холодовал ты и голодовал, и нужду знавал. Но как я всегда говорю своим детям: «Не отведав горького, не узнаешь сладкого!» Сегодня ты уже не тот парень, которого суровые ветра гнали прочь от дома в неприютное море. Сегодня каждый знает имя твое. Сегодня любой выберет мир с тобой, нежели вражду. Но так было не всегда. Когда ты впервые оказался на моем корабле, на земле у тебя были только супостаты. И что же я вижу теперь? Я вижу тебя, окруженного преданными друзьями. И это радует мой взор. К тому же среди твоих людей я узнаю тех, что когда-то плавали вместе со мной, будучи еще совсем юношами. Помню тебя я, Туча, - Кетиль оглядел грузного воина, который осушал кубок без всякого порядка, независимо от того, прозвучал тост или нет. - Первый в бою и первый на пиру! Вижу, разжился - брюхо отпустил... Ты, Ньер... - Кетиль обозрел помощника Рёрика. - Ты не был в моих землях. Хотя наши народы соседствуют. Что помню о тебе? Рассудителен и непоколебим. Всем образчик, - Кетиль назидательно погрозил некоторым воинам из своей дружины. - Пьет пиво да мед, но ничто его неймет. Не помню я, чтоб хлопоты с тобою у меня случались... А ты... Рыжий... - Кетиль обратил взгляд на молодого бойца, лицо которого было усыпано веснушками. Тот в свою очередь растеряно огляделся по сторонам, словно желая удостовериться, что речь идет о нем. - Будто тебя я видел прежде. Но ты слишком молод и не мог ходить со мной. Как имя твое?

- Это Ингвар, - Рёрик представил своего человека, поскольку тот все еще немотствовал по какой-то причине. То ли смутился, то ли уже был пьян. - Ты знал его отца. Они похожи.

- Ну конечно! Ингвар! И твоего отца ведь звали так же! - обрадовался Кетиль, вспомнив подробность давно минувших дней. - Славный был воин. Жаль только, что пал в бою с крестопоклонниками...

Пир грохотал, словно гром за холмом. Напитки лились рекой, гремели речи и тосты, отовсюду слышались возгласы, споры, а порой даже брань. На пустеющих блюдах снова появлялись яства. Кетиль радовался тому, что сегодня за его столом собралось столько людей. В обычное время они, возможно, поспешили бы заколоть друг друга любым острым предметом. А тут пировали и обнимались, точно братья.

- Сегодня мы вспоминаем самые безумные приключения и самые невероятные истории, какие только происходили с нами в чужих краях! - Кетиль поднял руку вверх, призывая всех к вниманию. - Однако это пиршество особенное. И одними воспоминаниями мы не обойдемся. Мы скрепим нашу дружбу боями. Испытаем мою новую секиру! А также я желаю, дабы сегодня каждый дал какой-нибудь обет! Слово, которое обязательно будет сдержано! И разорвут гармы Хельхейма того, кто не исполнит обещания! - провозгласил Кетиль под бурный рокот одобрения. Всем понравился распорядок пирования. Иначе что это за пир, на котором нет никаких буйных развлечений! - И начнем мы с меня. Раз уж я предложил... Итак... До сих пор Рог Одина ходил по кругу и каждый пил столько, сколько хотел. Но теперь же за всякий обет мы будем выпивать по полному рогу. Каждый! Для этого я прикажу подать вино... - Кетиль взмахнул в сторону расторопного слуги. Щедрость короля многие оценили одобрительными возгласами. Некоторые гости обрадовались, что удастся быстро набраться. Но были среди них и те, кто не желал слишком скоро напиваться. Ведь хмель решает десницу твердости, а рассудок ясности. - Вино, которое сейчас подадут, - продолжал Кетиль, - было привезено из благодатных краев, где солнце ласковее нашего. А я всегда любил виноградный напиток. И вот что я заметил, еще будучи младым воином, как многие из вас сейчас. Каждый раз, торопясь по осени в теплые края, я натыкался на пустые бочки, вместо набитых погребов! Не странно ли это?! И все же

виноделы, у глоток которых был мой всем известный Нож Тора, уверяли меня, что запасы их истощились в связи отмечанием праздника сбора урожая. В душе моей распухал цветок тоски, и я, сокрушенный, уплывал на своем драккаре обратно домой. И все-таки я всегда чувствовал, что это трусливое вранье! Не верьте греческим виноделам, друзья мои! - наставлял конунг. В ответ на речь короля раздался хохот. Подождав, когда шум чуть утихнет, Кетиль продолжал. - Вижу своих возмужавших сыновей. Вижу взрослых сынов тех, кто когда-то был при мне. И понимаю, что сам я уже стар. И об этом говорит не только моя седая борода! Мне все больше хочется мира вместо войны. И все чаще жаждется молока и рыбы вместо пива и мяса. И все же одно осталось неизменно. Я и по сей день люблю вино крестопоклонников! Но вот беда! Эти гордецы, особенно греки, не желают отдавать его за море. И не добыть этот нектар! Что же делать? Как отведать напитка самих богов? - Кетиль задал вопрос гостям.

- Отправиться в тот далекий край! - выкрикнул кто-то.

- Именно! - Кетиль как раз этот ответ и ожидал услышать. - И буде боги не призовут меня к себе, то не позднее чем через три года отправлюсь я в поход. Нападу на лживых виноделов. Вырву из их уст языки вместе с признаниями, куда попрятали вина! А после, как возвращусь обратно, устрою пир. И буду снова ждать всех вас. Вот мой обет, - торжественно изрек Кетиль, поднимая вверх кубок.

Гости последовали приглашению и осушили сосуды до дна, попутно роняя возгласы одобрения. Всем очень понравилось обещание Кетилия. Поднялся радостный шум. Кто-то даже рукоплескал, словно годовалый малыш, от избытка чувств. Лишь королева сдержано улыбнулась за своим столом.

- Однако... - Кетиль замахал ладонями, призывая всех снова к вниманию. - Однако и вы все даете мне клятву взамен. Вы обещаете явиться сюда на мой пир! Что бы ни случилось. Даже если сами боги будут удерживать вас за ноги, вы все равно предстанете пред моими очами!

Эта речь Кетилия понравилась присутствующим еще больше, чем предыдущая. Отовсюду послышались торжественные клятвы и заверения явиться на праздник конунга, вопреки всему миру.

В это время за женским столом также развлекались, хоть и не столь бурно. Жены придавались празднословию. Каждая пыталась выразить свое мнение в общем разговоре. Но больше всего гостям хотелось выслужиться перед королевой. И потому они часто перебивали друг друга, рассказывая подчас ненужные истории и неинтересные к тому же. Но в любом случае все их усилия были тщетными. Жену Кетилия мало волновала глупая трескотня. В этот момент она беседовала с дочерью, которая сидела возле нее.

- Матушка, вы заметили, как этот пират вчера посмотрел на меня? - шепотом спросила Ефанда.

- Дорогая, тебе нужно привыкнуть к тому, что мужчины бесстыдно разглядывают нас. Они считают себя владетелями мира, а особенно такие, как этот, - королева издали оглядела Рёрика. Он как раз произносил речь в честь Кетилия. Некоторые его слова были обращены и к Ингунн как к хозяйке дома. Она улыбнулась в знак благодарности и снова вернулась к разговору за своим столом.

- Я бы не сказала, что его взгляд был непристойным, - не согласилась Ефанда. - Он смотрел, скорее, внимательно. Может, я понравилась ему? - все еще шепотом предположила принцесса.

- Дорогая, не существует такого мужчины, которому бы ты не понравилась, - улыбнулась королева. Ефанда хотела что-то сказать, но в этот момент одна из дам отвлекла Ингунн подхалимским вопросом.

- Раскройте нам, в чем секрет вашей неувядающей красоты? - подобострастно тараторила гостья с квадратным лицом и мелкими кудряшками. - Мы слышали, что вы накладываете кислое молоко на кожу!

- Это не совсем так, - ответила Ингунн. Взяв в руки хлебную лепешку, она оторвала от нее ломоть и, полив его чуть горьковатым льняным маслом, неспешно отправила в рот. Пока он выполняла сию последовательность действий, остальные молча следили за ней, ожидая ее ответа. - Я выпиваю его рано утром.

Многие женщины за столом принялись восторгаться мудростью королевы, хотя многие поступали так же, как она. Ингунн подобное лизоблюдство хоть и льстило, но уважения у нее не вызывало.

- Матушка, - Ефанда приблизилась к уху матери, - даже такому, как он? Приглянись... То есть могу... Я...

- Такому, как он, в первую очередь, - уверила королева вполголоса.

- Может и так. Если б только вы не объявили во всеуслышание, что замуж мне еще рано! - обиженно напомнила Ефанда.

- Дорогая, в этом нет ничего зазорного, - улыбнулась королева, обняв дочку. - Он взрослый муж, а не глупый мальчишка. И все и так понимает. Даже без моих слов.

- Тогда почему он назвал меня ребенком?! - Ефанда обвинительно оглядела мать.

- Потому что ты и есть ребенок, дорогая, - королева приголубила дочь, ласково погладив.

- Если я пока не могу рожать, это не значит, что я ребенок, - насупилась Ефанда.

- Для мужчины это как раз то и значит, - улыбнулась королева. Затем остановила за рукав проходящего мимо слугу и распорядилась, - принеси сушеную сливу, вишни и лесной орех... - Ингунн снова вернула взгляд на дочь, с недовольным лицом сидящую рядом. - Не нужно дуть губки. Я сделала это ради тебя. Или он так глянулся тебе, что ты уже готова бросить меня и отца? И уплыть с ним, с неведомым незнакомцем, на край света? - королева с лукавой улыбкой оглядела дочь.

- С чего вы решили, что он мне приглянулся?! - фыркнула Ефанда, которая в течение всего пиршества тайком рассматривала Рёрика издалека. Мужественный гость приковал ее внимание основательно.

- Я решила. Как раз именно из-за его взгляда. Того, что сразил тебя, мое неискушенное дитя, - королева задумчиво улыбнулась. - В таком взгляде нет бесстыдности. Лишь уважение и внимание, которые столь приятны нам. Ведь ты, конечно, не заметила, что и на меня он смотрел столь же пристально. Словно такая старушка, как я, может представлять для него интерес.

- Матушка, как вы можете так говорить? - возразила Ефанда.

- Когда доживешь до моих лет, тоже начнешь говорить правду, - усмехнулась королева.

- Ну так? Готова ты идти за ним? Через пару-тройку дней? Оставить меня и батюшку... Оказаться на попечении человека, которого совсем не знаешь...

- Куда я теперь отправлюсь после ваших заявлений... - недовольно проворчала Ефанда.

- Вот и правильно, торопиться не нужно, - королева поцеловала дочь в лоб. - У тебя еще будет сотня женихов.

- Кстати... А что, разве такое возможно? - будто промежду прочим спросила Ефанда.

- Что именно «возможно», дорогая? - будто недоумевала королева.

- Ну как... - смутилась Ефанда, не осмеливаясь воспроизвести слова матери. - То есть вы сказали...

- Что я сказала? - королева либо уже забыла, что говорила, либо делала вид, что не помнит.

- Ну как это... Вроде... «Идти за ним», - спрятав очи, повторила Ефанда, в конце стушевавшись.

- Ну... Если ты не боишься затонуть в холодном море... И если готова много дней плыть на корабле со всеми этими головорезами... Если тебя не пугает новый город и новая семья... - размышляла королева, сдерживая улыбку. - Если ты столь сильно жаждешь всего этого, то я хоть сейчас скажу отцу, и он...

- Я не жажду ничего подобного! - поспешно заверила Ефанда, опасаясь, как и все молодые люди, явить свои чувства. - Тем паче батюшка сам говорил, что мне нужен достойный супруг, а не какой-то разбойник.

- Ну, Рёрик из Ютландии не какой-то обычный разбойник, - покачала головой королева. - Вообще-то, он наследник Годлава, князя Рарожья... Впрочем, это имя тебе ничего не скажет. Как бы там ни было, наш гость благородной крови. И пусть сейчас он выглядит совсем не по королевски, его суть от того не меняется. Скоро ты поймешь это.

Принцесса и правда не до конца постигала, что хотела сказать мать. Речи Ингунн влетали ей в одно ухо, а вылетали через другое. Внимание ее было занято не разговорами, а созерцанием гостей.

- Ефанда! - в беседу королевы с дочерью влезла все та же гостья с квадратным лицом и мелкими кудряшками. - Какое прекрасное платье! Ты выглядишь совсем как взрослая! - гостья всегда говорила невпопад. Многие ее замечания были бестактны, иные глупы, а в целом скучны и неинтересны. Однако она являлась женой старшего дружинника Кетиля, и потому остальные дамы были вынуждены ее слушать.

- Благодарю, - Ефанда поджала губы. Замечание гостьи задело ее.

- Не нужно огорчаться, дорогая, - королева заметила, что слова квадратнолицей гостьи расстроили дочь. Тихонько поцеловав Ефанду в лоб, Ингунн шепотом добавила, - все эти женщины очень красивы. Они притягивают взор. И их, конечно, никто не перепутает с ребенком. И все же они сидят здесь, не смея без приглашения даже приблизиться к столу твоего отца. Хотя, кажется, там значительно веселее...

Ефанда нахмурилась в недоумении, а потом просияла. Ей по нраву пришла мысль, что она может сделать то, что другим не позволено. И уже через мгновение принцесса шла проведать своего батюшку.

Тем временем за столом короля веселье набирало обороты. Пара гостей, не найдя общей правды, сцепились, покотившись по столу. Сметая миски и кубки, они в итоге брякнулись на пол. Происшествие считалось обыденным и никого не дивило. Опасность состояла лишь в том, что драка могла стать стихийной, как часто бывало в таких случаях. Однако тут поднялся главный наследник Кетиля и королевы Ингунн.

- Я Хальвдан. И я желаю дать свой обет, - заговорил принц. Гости устремили на него взоры, впопыхах наполняя свои кубки доверху. - Обещаю, что не исполнится и трех лет, как я переплыву море и ступлю на земли императора. Разрушу все его города, что попадутся мне по пути. Убью всех их защитников. А всех женщин и детей обращу в рабство и приведу сюда! - Хальвдан поднял вверх огромный рог, а затем залпом осушил его. За эту клятву, впрочем, как и за остальные, должны были пить все мужчины без исключения. И если бы кто-то пропустил тост, тем самым он нанес бы оскорбление не только самому Хальвдану, но и всей его семье.

Хальвдан был гордостью Кетиля и всей общины. Еще будучи отроком лет двенадцати, он прославился тем, что зарезал отцовским ножом провинившегося раба. Старейшины сочли этот поступок достойным похвалы и предсказали, что юного принца ждет большое будущее.

- Да здравствует Хальвдан! - завопила дружина старшего сына Кетиля.

Сам король уже собирался что-то сказать, как вдруг возле него возникла Ефанда. Худенькая и бледная, она выделялась среди массивных раскрасневшихся гостей. Впрочем, возможно, так видел лишь один король. Появление дочери его, безусловно, порадовало. И все же сейчас он не желал надолго отвлекаться от пиршества. Ведь больше всего прочего он любил произносить речи и хвалить своих сыновей.

- Что такое, дитяtko? Зачем пришла? - Кетиль смотрел на гостей, выкрикивающих какие-то зарок и тосты. Ефанде даже показалось, что он вовсе не слушает ее. Впрочем, она ничего и не говорила.

- Даю обет помочь храброму Хальвдану! - подпрыгнул со своего места один из ярлов.

- И я! - поддержал кто-то.

- Твоя клятва будет исполнена, Хальвдан, раз столько же желают пособить тебе! - провозгласил Кетиль. А потом вспомнил, что дочка все еще возле него. - Иди к матери, детка...

Ефанде совсем не хотелось уходить. Здесь и правда оказалось куда веселее, чем за тем столом, где обсуждали кислое молоко. К тому же отсюда открывался превосходный обзор. Были видны все пирующие, в том числе и главный гость отца. Он как раз что-то рассказывал. Ефанда так замечталась, разглядывая его, что даже не слышала, о чем он говорил. Она опомнилась лишь тогда, когда слуги внесли огромный котел. В нем шипела тушенная зайчатина с кореньями – блюдо, которое в доме Кетилия готовили особенно вкусно. Похлебку тут же стали разливать. Те, чьи миски уже оказались наполнены, принялись поглощать кушанье. Те же, чья очередь еще не пришла, нетерпеливо сжали в руках большие почти плоские ложки.

Ефанда недолго постояла возле отца, а потом пошла к Олегу. В отличие от других братьев, он никогда не прогонял ее, даже если она мешала ему. По большому счету, она с самого начала хотела устроиться возле него, но потом решила, что сперва ей все же следует подойти к батюшке.

Присев на лавку возле брата, Ефанда положила голову ему на плечо и принялась разглядывать гостей.

- Я – Харфагр, - внезапно из-за стола встал средний сын Кетилия и королевы Ингунн. Он был уже в крепком подпитии. И если бы ему сейчас надлежало посетить тинг, то он бы попросту не дошел туда на своих ногах. - Я тоже желаю дать свой обет... Не позже следующего лета я пойду к свеям и убью их конунга! И будут те земли нашими... - рявкнул Харфагр. Гости уже собирались радостно взреветь, однако принц еще не закончил. - А потом я двинусь на восток! На Альдейгью. И те земли я тоже отвоюю! Ты будешь гордиться мной, отец...

Земли Альдейгьи располагались на континенте, на левом берегу Волхова у впадения в него Ладожки. Удивительно удобное местонахождение городка - на стыке торговых путей - обеспечивало ему интерес одновременно со стороны славянских и скандинавских племен. Будучи давним камнем преткновения, он то переходил под власть первых, то под власть вторых. Вражда длилась десятилетиями. Кровопролитие не прекращалось в этом крае. Каждый желал осесть там, где открывается путь и на европейский запад и на арабский восток. Там, откуда удобнее всего контролировать начало пути, ведущего в греки.

- Я пойду с тобой, храбрый Харфагр! - подскочил один из ярлов, взвывая свой кубок.

- И я последую за Харфагром! - истошно завопил кто-то еще.

В каком бы состоянии ни были даны клятвы на пирах, держались они исправно, порою даже ценою собственной жизни. Оттого и вызывали такой восторг. Что до Хальвдана и Харфагра, опытный глаз мог бы заметить, что между сыновьями Кетилия шло соперничество. Они будто хотели перебить друг друга.

Обет, данный Харфагром, Кетилию понравился не меньше клятвы Хальвдана. И он похвалил обоих своих сыновей за их горячность и храбрость.

- Ну а ты, Хельги! Что немотствуешь? - Кетиль оглядел еще одного своего сына. - Твой черед обет давать!

- Раз уж Хальвдан и Харфагр отправятся на поиски врага... - Олег усмехнулся. О каком бы деле ни шла речь, до него очередь всегда доходила в самый последний момент. Вот что значит - не быть законным сыном. И теперь он должен что-то выдумывать, чтобы развлечь отца и гостей. Спокойного и сдержанного человека, его не несло на бессмысленные пьяные подвиги во время каждого пира. - Я пообещаю защищать то, что ценнее чужих земель - мою сестру. И, конечно, нашу королеву.

- И то верно! - похвалил король, оглядев с улыбкой дочь. Ефанда как раз сидела возле Олега и что-то задумчиво ела из его чашки.

Пир продолжался. Из-за стола встал один из гостей. Он принадлежал к дружине Рёрика. Звали его Нечай. Он был молод и хорош собой. Однако всегда грустен и смиренен, будто нагрешил когда-то и остаток жизни решил провести в покаянии. Он изъяснялся на незнакомом для большинства присутствующих языке.

- Что говорит этот человек? - обратился Кетиль к Рёрику.

- Он говорит: «Я в море вышел лишь недавно. Всю жизнь ходил за плугом по полю...», - перевел Рёрик речь Нечая. - «Я знаю, есть в этих водах Руян остров, где славной Арконы высятся стены. Мой обет таков... Однажды окажусь я на Руяне... Помолюсь Свентовиту, чьи лики обращены на все четыре стороны света... Воздам ему хвалу и жертвы принесу...».

- У всех нас свои боги, - кивнул Кетиль в знак уважения к вере чужеземца. - Достойный обет. И исполнить его будет возможно, если с Рёриком останешься ты... - король поднял кубок в честь Нечая.

- Добрый конунг, - обратился один из ярлов к Кетилю. На вид он был стар. - Прошу, не гневайся. Я уже не так молод и не так удал, как те молодцы, что сидят за этим столом. Тяжело мне поспеть за ними. Не могу я осушить столько же кубков и притом остаться на ногах. Разреши мне покинуть это пиршество, дабы брюзжание такого древнего старика, как я, не отвлекало этих добрых мужей от праздника.

- Я не отпускаю тебя, - Кетиль желал, чтоб веселье длилось не менее трех положенных дней. Если все начнут расходиться, пир нельзя будет считать удавшимся. Хотя провести три дня и три ночи в пировании являлось задачей не из легких даже для молодых и пышущих здоровьем гостей. - Я не отпускаю... - повторил Кетиль. - Зато позволяю пить столько, сколько тебе самому того жаждется, - этим исключением Кетиль оказал большую честь своему преданному ярлу.

Время шло. С каждым последующим бочонком пир разгорался с новой силой. Звучали уже не только истории давно минувших дней, но также боевые песни, слагаемые гостями порой даже на ходу.

- Где Хальвдан и Харфагр? - после очередного запева, Кетиль вдруг нахмурился. Он потерял из вида сыновей, которые все время были возле него, а теперь словно испарились.

- Они там, господин, - один из рабов, прислуживающих за столом, указал Кетилю в конец стола.

Старый король приподнялся, ища глазами своих наследников. Те и правда были там, где сказал раб. Кетиль встал из-за стола и, прихрамывая, отправился к ним. Они были заняты тем, что состязались между собой в искусстве осушения кубков и словесной меткости. Это было самое привычное развлечение на пиру. И Кетилю в этом не понравилось только то, что в качестве соперников они выбрали друг друга.

- Погляди на себя: ты же сейчас свалишься с лавки, - ухмыльнулся Хальвдан, допивая свой кубок.

- Ты говоришь это уже не в первый раз, - отозвался Харфагр глухо. Он был сильно пьян.

- Ты тоже много чего говоришь обычно. Но чаще всего отказываешься от своих слов, протрезвев!

- Я не упорствую в глупости, в отличие от тебя, - Харфагр выставил руку с кубком вперед, желая, чтобы раб налил ему еще пива. Но тот чуть зазевался. - Ты там уснул, песье отродье! - рявкнул Харфагр на раба. Последний, от страха расплескивая половину, торопливо принялся разливать дрожащими руками напитки принцам.

- Зато ты упорствуешь кое в чем другом, - парировал Хальвдан с довольной ухмылкой. - Содержимое твоего кубка волнует тебя больше, чем собственная жена!

В тот момент, когда два брата пререкались в шутку али взаправду, к ним подошел отец.

- Харфагр, - обратился Кетиль к сыну. - Тебе не следует дерзить старшему брату даже потехи для.

- Да он ничем не лучше меня, отец, - заплетающимся языком сердито отозвался Харфагр.

- Однажды он сделается твоим конунгом, - напомнил Кетиль.

- Отец! - тут же влез находчивый Хальвдан. - Харфагр уповает на то, что после твоей кончины правителем станет он. Вероятно, он полагает убить меня...

- Я не собирался убивать тебя. Я лишь заберу свою часть земель! - рявкнул Харфагр.

Спор, который разгорелся между пьяными братьями, был не только неуместен, но и дерзок. При живом короле вести разговоры подобного рода, по меньшей мере, вызывающе.

- Я не разделю земель между вами, - ответил Кетиль твердо. - Ведь это никому из вас не принесет добра. Карл Великий создал мощную империю. Он был коронован в Риме самим папой Львом III в качестве императора. После смерти Карла империю унаследовал его сын Людовик, которого все звали Благочестивым. Империя не только не развалилась, но и укрепилась в своих границах. Однако после смерти Людовика три его сына - Лотарь, Людовик и Карл - раздробили ее. И не было с тех пор еще ни дня без козней и предательств между ними. Я не желаю такой участи для вас. А посему, как я уже не раз говорил, после моей смерти, которую вы приближаете своими спорами, место конунга займет Хальвдан. Попроси прощения у брата, Харфагр. И более не соперничай с ним ни в чем, - сурово прозвучал голос короля. Те гости, которые еще не задремали и не укатились под стол, смолкли. Воцарилось безмолвие. Харфагр был крепкий муж, к тому же возраста не юного. Однако сейчас он смотрелся мальчишкой, отчитываемым у всех на виду.

- Прости, брат, - после некоторого промедления все же вымолвил Харфагр. Несмотря на все свои недостатки, он был самым послушным сыном Кетиля. И теперь не стал перечить отцу, омрачая тем самым праздник.

- Я прощу тебя, а в следующий раз все повторится снова, - самодовольно заметил Хальвдан.

Не успели гости и вздохнуть с облегчением, как Харфагр схватил огромный рог, оправленный в серебро, и ударил им брата по голове. Видимо, Харфагра разозлило, что Хальвдан, вместо того, чтоб принять извинения, стал выделываться, хотя сам подстрекал к ссоре. Забыв о том, что не хотел расстраивать отца, Харфагр уже молотил брата чем под руку попало. В свою очередь Хальвдан вскочил на ноги. Ему не понравилось обращение. И в ответ он с размаху ударил Харфагра бронзовым блюдом, на котором были остатки вяленой кобылятины. Блюдо отлетело, со звоном треснувшись о колонну. Кобылятина взмыла в воздух. А оба брата схватились, повалившись на стол, задевая миски, кубки и рога. Точно два диких волка, они были готовы загрызть друг друга.

В этих краях умели устраивать пиры, на которых никому не приходилось скучать. Тем не менее, даже самое доброе празднество чаще всего ознаменовывалось кровопролитием или хотя бы дракой. Ведь гостеприимные и веселые урманы привыкли из-за пустяка выходить из себя. Чаще всего такому развитию событий способствовала их чрезмерная страсть к питью, известная повсеместно.

- Если вам не удастся сломать друг другу носы, то пусть это будет хотя бы не просто так! - рявкнул Кетиль после того, как дружина разняла дерущихся братьев. - Настало время турнира. И каждый, кто желает того, покажет себя. Посмотрим, так ли вы хороши в ратных искусствах! - Кетиль неодобрительно оглядел сыновей, сдерживаемых дружиной. - Или горазды только махать кулаками, точно повздоровившие землеробы!

Хальвдан и Харфагр злобно переглянулись, смиряемые братьями по оружию. А тем временем слуги уже несли все необходимое для того, чтобы устроить состязания.

Было решено, что сперва гости будут соревноваться в метании топоров. Желающих размять кости после долго застолья скопилось достаточно. На пиру и прежде было не тихо, а теперь и подавно. Все галдели и размахивали руками, кто-то даже ногами. Самые бойкие гости

уже собирались выстроиться в очередь. Однако Кетиль вдруг постановил, что участвовать будут не все, а только трое.

- Харфагр, Ингвар и ты, Наддод! - Кетиль сам выбрал претендентов на звание победителя.

Рыжий Ингвар и коренастый Наддод по быстрому осушили кубки и, похватав топоры, бодро двинулись на позиции. Часть гостей лениво поплелась ближе к зрелищу, часть же осталась дремать за столом. Харфагр тем временем тяжело встал со своего места. Он теперь был столь сильно пьян, что казалось, будто сейчас свалится.

- Зачем отец это делает? - Ефанда оглядела Олега вопросительно. - Ведь Харфагр еле на ногах стоит.

- Чтобы в следующий раз думал, прежде чем перечить ему...- ответил Олег, а после мрачно добавил, - и Хальвдану...

Первым метал оружие Ингвар. Рыжий не попал в цель, хотя куда-то все же попал. Лезвие воткнулось в вертикальный столп, стоящий позади мишени. Наддод, то есть следующий боец, в этот момент разминался, покручивая топориче в руке. Харфагр же смотрел перед собой притупленным взглядом, словно не понимая, зачем он здесь. А гости шумными возгласами и свистом подбодряли борцов, выкрикивая их имена. Соперники, выбранные Кетилем, принадлежали к разным дружинам, потому у каждого была своя поддержка.

После броска Ингвара послышался хохот. Многих позабавило то, что топор пролетел в шаге от прислуживающего раба. Тот шархнул в сторону. Будь Ингвар еще менее точен, несчастный невольник оказался бы испуган в последний раз.

- Лучше бы ты попал в грека, чем в столб, - рассмеялся Хальвдан горделиво. - Это было б хоть что-то...

Увидев, как «точный» первый противник, Ефанда воодушевилась, даже порозовев.

- Харфагр сможет? - спросила принцесса брата, который, заложив руку за руку, молча наблюдал за происходящим.

- Не сможет, - мрачно ответил Олег. Он будто всегда знал наперед, как будет.

Следующим топор метал Наддод. Словно корабль на волнах, он легко покачивался из стороны в сторону. Казалось, тяжелое оружие для него невесомо. Наконец он резко замахнулся и отпустил топор. Тот почти со звоном вонзился в цель. После некоторого затишья со всех сторон послышался одобрительный гул. Меткость Наддодда была оценена по достоинству. Лишь Ефанда сложила губы в недовольную гримасу. Переплюнуть такого молодца будет не просто любому. Что уж говорить о хмельном принце, почти не владеющем собой.

- Харфагр! - позвал Кетиль сына. - Твой черед!

Шаткой походкой Харфагр двинулся к отцу, который протягивал ему топор. Запнувшись возле отметки, где нужно было остановиться, принц чуть было не упал. Кто-то даже отпустил шутку в его сторону.

- Ты готов? Или, может, тебе лучше пойти проспать?! - Кетиль неодобрительно оглядел сына.

Харфагр ничего не сказал в ответ. Он молча забрал топор из рук отца и без раздумий метнул оружие в цель. Никто не ожидал от него особой меткости. Потому не было и удивленных, когда вместо того, чтоб вонзиться лезвием, топор ударился обухом о мишень и отскочил в сторону. Благо, рядом никого не было.

Ефанда с облегчением вздохнула. Она ожидала, что все окажется намного хуже и брат не попадет в цель вовсе. Однако талант его оставался при нем, хоть и временно дремал.

- Наддод! - Кетиль взял победителя за руку и поднял ее вверх, даже не глядя на сына, который также стоял рядом. - Ты победил в этом состязании троих. Однако я не сомневаюсь, что ты в силах одолеть еще сотню! Прими этот дар в награду за твое мастерство! - король наградил дружинника кинжалом, рукоять которого была инкрустирована изумрудами.

Ефанда придвинулась поближе к Олегу, взяв его под руку. Она хотела спросить у него что-то, но он слушал разговор за столом и сам время от времени высказывался, то есть был занят.

- Олег, - прошептала Ефанда, когда брат ненадолго оказался вне очередной застольной беседы.

- Да, - Олег продолжал смотреть на одного из гостей, который что-то повествовал.

- Я хотела спросить...- готовясь к своему вопросу, Ефанда была даже рада, что брат смотрит не на нее. - Хотела узнать...Когда твой друг покинет наши земли?

- Как быстро ты от него устала! - пошутил Олег, переведя взгляд на сестру. - Отдохнет несколько дней и уйдет. Но...

- Что? - всколыхнулась Ефанда в нетерпении.

- Я и говорю, но...Но прежде того отец хочет предложить тебя ему в жены, - доверительно сообщил Олег. - Однако тут и твое желание важно...- Олег с улыбкой разглядывал смущенную сестру, которая с одной стороны интересовалась видным гостем, а с другой – всячески пыталась это скрыть. - Ну так и что мне передать отцу? Да или нет? - уточнил Олег чуть шутливо.

- Мне нет разницы, - пожала плечами Ефанда как можно равнодушнее.

- Нет разницы? Жаль...Впрочем, там и другие женихи для тебя имеются...- деланно зевнул Олег.

- Хорошо. Хочу этого, - сдалась Ефанда, издали глядя на Рёрика. Он как раз смеялся над какой-то шуткой и оттого выглядел добрее.

- Любое желание может сбыться, если правильно попросить богов, - слова брата прозвучали как совет.

- Как следует правильно просить богов? - простодушно любопытствовала Ефанда, не замечая, что брат играет с ней.

- Ладно, я скажу, что нужно делать, - Олег с всезнающим видом склонился к Ефанде. - Смотри, все мужчины за столом дают какие-то зароки...Скрепляют их кубком вина и торжественными клятвами...

- Не все...

- До всех очередь дойдет, отец никого отсюда не выпустит без обета...Так вот...Обет – это не просто обещание. И не просто желание. Это уверенность и намерение достичь своей цели, даже если весь мир окажется против. Это и есть просьба к богам. Боги любят посещать подобные пиры...- размышлял Олег так, словно боги лично поведали ему о своих привычках. - Они запоминают данные тут присяги, а потом помогают тем, кто им понравился, достичь желаемого. Поняла?

- Нет. То есть да. А делать что нужно?

- Я же объясняю, дать обет. Ты, точно, понравишься богам. И они помогут тебе его исполнить...Так и скажи, что помышляешь замуж за него, - Олег кивнул в направлении Рёрика, как раз что-то повествующего и даже не смотрящего в эту сторону. - И боги все устроят. Со временем. Не сразу.

- Я не могу сказать о таком желании при всех, - Ефанда только одному брату могла доверить свои мысли. - Если я прилюдно выступлю с подобным обетом, то...

- Ледяные великаны, о нет! - Олег рассмеялся. - Не надо прилюдно выступать с таким обетом, - принц снова захохотал, не сдержавшись. Но увидев обиженный взгляд сестры, прекратил смеяться. - Я имею в виду, что в твоём случае достаточно прошептать...У богов чуткий слух...

- Это правда? - уточнила Ефанда, сделавшись еще серьезнее, чем обычно.

- Что? Что у богов чуткий слух? - подтрунивал Олег. - Конечно!

- Я дам обет, когда поднимется шум, - постановила Ефанда, взяв в руки кубок Олега. Водрузив тяжелый сосуд себе на колени, принцесса решила выждать подходящий момент.

Пиршество продолжилось, а Кетиль по-прежнему даже не смотрел в сторону Харфагра. Ефанда заметила, что Олег все еще угрюм. Возможно, дело было в том, что король всегда выделял Хальвдана из всех своих сыновей, независимо от того, имел ли тот какие-то заслуги, был ли прав или оказывался достоин похвалы больше других. Что бы ни делали все остальные, Хальвдану было позволено больше. Что до наказаний, для него они всегда оказывались мягче. Вот и теперь Харфагр оказался унижен на глазах у всего честного народа сначала словами самого Хальвдана, а затем состязанием.

- Слух о твоей силе, Наддод, не преувеличен, - уже за столом продолжал король. - Однако даже у такого сильного воина, как ты, должна быть своя слабость! Раскрой нам ее имя... - предложил Кетиль. - А лучше прикажи твоей женщине предстать теперь пред нами! Мы все хотим знать, что за прекрасница поразила твое сердце так же, как ты только что поразил выставленную цель!

Наддод, за которого было выпито по три кубка, теперь оказался почти так же невменяем, как Харфагр. От радости либо от того, что добрые друзья буквально испортили его.

- Покамест ни одна не поразила моего сердца... - признался Наддод приглушенным голосом, словно вспоминая слова. - Однако один купец рассказал мне... что за морем - если плыть на запад - есть чудный остров, - Наддод говорил медленно, но с чувством. Приходилось напрягать слух, чтобы лучше слышать его речь. Однако, как ни странно, гости стихли, внимая рассказчику. - Там вулканы и ледники, речки и водопады. Укрытые зеленым покрывалом дерна дома, разбросанные по равнине, упираются окошками в землю. Правит там мудрая королева, гордая и прекрасная... Повелевает она снегами и ветрами... - пока Наддод говорил, пирующие даже перестали уплетать яства. Речь о какой-то красоте, да еще и с землями вдобавок, всех заинтриговала. - Я сяду на корабль и пойду на закат. Буду плыть много дней. Разыщу королеву. И женюсь на ней! - заключил Наддод.

- Это твой обет, Наддод?! - усмехнулся Лютвич едко.

- Это мой обет, - подтвердил Наддод, не чувствуя издевки.

- Ох, Наддод! - рассмеялся Кетиль. Наколов на острие кинжала кусок мяса, король отправил закуску в рот и, прожевав, продолжил. - Все же знают, что на западе рождается лишь море. И нет там суши. Верно, тот купец задолжал тебе немало! Раз решил услатить тебя на поиски несуществующей королевы в пучину океана! И все же мы выпьем за твой обет! Как говорится, а вдруг...

Были осушены еще несколько зазданных кубков, и речь взял один из ярлов. Он рассказывал историю, которая произошла с ним, когда он разорял набегами земли своего соседа.

- Упал я тогда с коня... - вспоминал ярл. Звали его Хакон. - Ударился головой оземь и забылся. И увидел я тогда дивный сон... Снился мне прекрасный светлый город. В нем было множество построек, не похожих друг на друга, но одинаково крепких и красивых. Высокие кружевные дома выглядели как игрушечные. «Что за люди могли построить такую красоту?», - спросил я себя тогда во сне. Храмы их милостивых солнечных богов возвышались на зеленых холмах. И не нужно было этим божествам кровавых жертв. В тихих речках плескалась рыба, а на лугах паслись стада скотины. Ярмарки пестрили заморскими товарами и местными поделками, изготовленными умелыми ремесленниками. Были там и кузнецы, и литейщики, и горшечники, и косторезы, и оружейники, и кожемяки. Точно всех мастеров в мире собрали и привели в тот чудный град, чтоб нарядили они его. Даже одеяния простых жителей были украшены изумительными вышивками нитей и бисера, будто каждый из них какой-то князь или король. А женщины... Русоволосые кудесницы с глазами ясными, словно весеннее небо. Скромны и терпеливы, как ангелы. Но смелы и прекрасны, как богини... - вздохнул рассказчик. - И не было в том городе ни злобы, ни лиха. Ни рабов, ни угнетателей. На площади собирались люди дружной толпой и говорили о городе своем прекрасном и все решали вместе, сообща...

- О чем задумался, мой ясен сокол! - король обратился к Рёрику, когда Хакон завершил речь.

- Заслушался я о прекрасном граде... Этот кубок в честь тебя, Кетиль, - Рёрик поднялся со своего места. - Стало быть, моя очередь обет давать, - Рёрик угадал, зачем старик обратился к нему. - Восхитил меня рассказ Хакона... Пожалуй... Я найду этот город. И сделаю его своим...

- Ахаха, хитрец... - Кетиль одобрительно покачал головой. Ему нравилась в Рёрике смекалка. Тот не стал бы сковывать себя более реальными обязательствами. - Твой обет выполнить непросто, ведь город сей сказочный. Померещился он Хакону, когда тот с коня повалился вниз макушкой... - напомнил король, посмеиваясь. - Не может быть на свете града такого. А как я узнал? Не бывает, мой мальчик, женщин одновременно прекрасных и терпеливых! - захохотал король. - И все же мы выпьем за то, чтоб боги обратили сон Хакона в явь!

Глава 4. Мудрый правитель

Утренний туман над рекой рассеивался. На равнине вырисовывались очертания насыпного оборонительного вала. Новый город. Срубленный недавно на месте старого, уничтоженного пожаром. Ему всего пара лет, однако он уже завоевал восторженные отзывы путешественников. Властвует здесь всем известный Гостомысл - самый прославленный правитель среди славянских князей.

Гостомысл знаменит своими победами, своей мудростью и своим семейством. Некогда у князя было четыре сына, четыре взрослых наследника. Теперь же остался только один. Самый младший - Есений. Трое других пали в боях. Первый и второй - в схватках с хазарами; третий – в битве с урманами на Ладоге. Не предполагал Гостомысл правителя из Есения, не готовил его к тому. И все же стол останется именно ему, ведь в силу возраста других детей у Гостомысла, вероятнее всего, не будет.

Помимо сына, имеется у князя три дочери, три юные княжны на выданье. За приданое можно не волноваться: скотный двор полон живности, овины – снопов злака, а избы – всякой утвари. Удачные походы князя наполнили казну. Хотя, конечно, все же присутствуют некие затруднения. Куда уж без того в большом княжестве. Однако несмотря ни на что, справные дома жителей говорят о достатке общины.

Все в Новгороде основательно. Недаром он знаменит своим удивительным деревянным зодчеством. Если смотреть на город с холма, он похож на грибную поляну. Хозяйский двор никогда не ограничивается лишь одной жилой бревенкой. Бок о бок к ней прижимаются сараи, кладовые, сенники, амбары и прочие постройки. Все вместе они образуют теплые вместительные хоромы, в которых зимой удобно и человеку, и животному. Никакого соответствия между собою и никаких четких линий в расположении сооружений. Зато исключительной красоты отделка. Строгая, но изящная солнечная розетка украшает наличники окон и дверей, скаты кровель, ворота и калитки. Солнечные боги благословили город. Впрочем, встречаются и иные мотивы – лесные, полевые, сказочные. На любой вкус, будь-то неунывающий пастух или суровый чародей. Жилые избы теплые и просторные. Украшенные воздушным резным кружевом, окошками и гульбищами. На крышах восседают резные петушки, охраняющие постройки от огня и неприятеля.

Хоромы простого новгородца схожи с боярскими и жреческими. Отличают их только размеры и убранство. Но, бесспорно, самое богатое и обширное сооружение – это Новгородский детинец. В нем, помимо самого владыки и его семьи, проживает еще множество народу – слуги, ремесленники, дружина. Кому-то строятся отдельные дома, кто-то живет в подклетьях. А самые красивые строения, безусловно, княжеские терема. Это не какие-то обычные избы. Терема высоки и имеют несколько ярусов. Они значительно отделаны снаружи и роскошно убраны внутри. Ковры, резная и серебряная посуда, сундуки с редкими тканями, заморские вазы, оружие – украшают покои властителя Новгорода.

Словом, не город, а сказка. Так его и описывают путешественники. Но имеются и проблемы, недоступные неопытному глазу. Многие еще недавно свежие постройки вроде мостов и мощеных дорог уже потеряли вид из-за капризного климата. А город давным-давно перестал вмещаться в пределы оборонительной стены. Если боги разгневаются и вновь нашлют огонь на новгородцев – возродить их чудный град так же быстро, как в прошлый раз, уже не получится. Теперь нет заготовок леса. И неизвестно, найдутся ли руки для строительства. Ведь дружина князя уплывает к далеким и пленительным берегам Царьграда. Каким окажется итог похода, предугадать наперед невозможно. Ведь Византия является одним из самых мощных и влиятельных государств.

Как бы там ни было, Новгород нуждается в средствах, которых, несмотря на все предшествующие победы князя, недостаточно. В связи с тем Гостомысл собирает флотилию и готовится выступить. Но это сегодня. А вообще, помимо расчетов на военную добычу, есть у него и другой замысел. Удачное замужество дочерей. Оно может принести выгоду не только им самим, но и их отечеству.

Обо всем этом Гостомысл думает почти постоянно. Даже сейчас, собираясь в поход этим ранним утром, таким же туманным, как и грядущее.

Князь неспешно натягивал рубаху. Поверх нее должны пойти доспехи и пояс, на котором мрачной ношей повиснет стальной меч.

- Не ходи... - послышался голос, который вывел Гостомысла из дум. Красивая молодая женщина наблюдала за сборами князя. Она сидела на кровати в одной лишь сорочке и непрерывно зевала. Ей становилось то жарко, то холодно. Оттого она то натягивала на себя покрывало, то сбрасывала его. - Ты ведь можешь остаться.

- Я не могу остаться, - бодро отозвался Гостомысл. - Ведь именно я созвал всех князей в этот поход.

- Вот пусть и идут. А ты останься, - упрямо повторила женщина, тряхнув золотистыми волосами.

- Я скоро вернусь, - уверил Гостомысл, прилаживая тяжелую кожаную крагу к руке. У него никак не получалось зашнуровать непослушный доспех.

- А если тебя убьют? - женщина спрыгнула с высоких перин, подошла к Гостомыслу и принялась расправлять шнуры, скрепляющие доспех на его руке.

- Меня не убьют, - несмотря на седину в бороде, Гостомысл все еще слыл умелым воином. Он не валялся возле печи, как другие старики, и не сидел на лавках по полдня точа лясы. Он все еще считался превосходным наездником. По утрам упражнялся с клинком. А иногда даже сам колот дрова.

- Откуда ты можешь это знать?! - срывающимся голосом вскрикнула женщина. В этот момент ее рука дрогнула. Тесьма выскочила из ее пальцев.

- Я знаю. Златана... - князь оглядел любимую женщину с довольной улыбкой. Ему нравилось смотреть на молодую красавицу. Ему нравилось, что она тревожится за него.

- Ты не можешь этого знать наперед, - Златана наконец закончила шнуровать крагу. Встав на лавку, женщина сняла со стены ножны, в которых был вложен меч. Она уже собиралась протянуть их Гостомыслу, как вдруг прижала оружие к себе, словно не желая отдавать. - Что будет со всеми нами, если тебя убьют? Ты подумал? А что будет с нашим сыном?

- Как? - лицо Гостомысла прояснилось, лоб разгладился. Он давно уже не помышлял о наследниках. И все же сказать, что он не ждал от Златаны сына, было бы ложью. - Ужели...

- Пока неизвестно, - Златана поджала губы. Это уже не первый раз, когда она обещала, а потом оказывалось, что напрасно. - Нужно еще несколько дней. А ты уходишь, не дождавшись ответа!

- Значит, добрая весть будет ждать меня по возвращении... - Гостомысл забрал у Златаны свой меч и приладил к ремню.

- А если, пока тебя не будет с нами, на нас кто-то нападет? - Златана взяла Гостомысла за руку, словно желая удержать его на месте.

- Все, кто могут напасть на Новгород, уходят со мной за море, - пошутил Гостомысл. А затем продолжил уже серьезнее, - город укреплен. А я к тому же забираю не всю дружину.

- А если в Новгород придет какой-нибудь варяг и сожжет его?! Или хазары? Или племена с запада? Или... - страшилась Златана.

- Тебе не о чем тревожиться. Я скоро вернусь. Но даже если со мной что-то случится, ты не должна страшиться. Есений защитит вас... - объяснил Гостомысл. В ответ Златана лишь

недовольно надула губы. - Послушай, - князь взял наложницу за плечи. – Есений - мой сын и наследник. И ты можешь быть уверена, что он не бросит тех, кого я люблю...

- Есений слишком молод. И пустоголов к тому же! - вырвалось из уст Златаны. - В его годы ты уже был князем! А он... - Златана вспомнила легкомысленного Есения, который был немногим младше ее самой. - Твой сын бездельник и глупец. Он не сможет защитить даже самого себя. Не то что всех нас!

- Ты слишком строга. Он всего лишь пока молод, - вздохнул Гостомысл. На самом деле он и сам не был уверен, что сын подходит на роль преемника. Есений добр, горяч, находчив. Но не имеется в нем той твердости, которая должна присутствовать в правителе. - Уверен, что в случае необходимости он сумеет собраться.

- Ты и сам не веришь в то, что говоришь! - Златана закатила глаза. На что Гостомысл неодобрительно оглядел ее. - Я лишь хочу сказать, что порядка нет ни в чем, - уже более сдержанно продолжила Златана. - Даже в твоём собственном доме.

- О чем ты? - Гостомысл уже привык к тому, что Златана постоянно пеняет на его детей, чьими матерями были другие женщины. Но так устроен мир. И так чаще всего и бывает.

- Я о твоих дочерях, - Златана заложила руку за руку.

- А что с ними не так? - Гостомысл надевал на шею оберег, который вдруг стал путаться в его экипировке. Златана поспешила помочь ему, расправляя тесьму заботливой рукой. - Я приказал сделать богам щедрые подношения, чтобы они благословили наш поход, - вдруг вспомнил Гостомысл. В жертву было принято приносить еду, питье, ароматные масла и прочие ценности, в которых человек нуждался и сам. - Так что зерна и муки осталось лишь до осени. В мое отсутствие тут особенно не расточайте...

- Я уже сотню раз говорила, что не так с твоими дочерьми! - Златана не желала менять темы разговора. - Они не уважают меня. Ведут себя грубо! Обращаются со мной недостойно...

- Уверен, что тебе лишь показалось, - Гостомысл закончил одеваться и был готов покинуть свои покои. Но Златана все еще не отпускала его.

- Мне не показалось, - упрямо твердила Златана. - Твоя старшая... Велемира. Держит себя так, словно я какая-то служанка! Говорит со мной свысока. Кичится...

- Она просто пока не привыкла к тебе, - Гостомысл поцеловал Златану в недовольные уста и уже собирался выйти из покоев.

- А младшая... Дива, - вспомнила Златана другую падчерицу. Гостомысл остановился в дверях, облокотившись на косяк. Он не хотел слушать все это. Он желал уйти в поход со спокойным сердцем. Однако Златана все продолжала. - Когда я вижу ее, то каждый раз вздрагиваю, опасаясь, что она надерзит мне при всех!

- Она дерзила тебе? - уточнил Гостомысл.

- Нет, но... Но она же ругается, как пьяный варяг! Она хуже любого разбойника с большой дороги!

- Да, она бойкая... - посмеялся Гостомысл, вспомнив младшую дочь. При нем она ни разу не позволяла себе ничего такого, что было бы достойно порицания. Дочь казалась благоразумной и почтительной. Однако откуда-то берутся же слухи. - Несмотря ни на что, у нее острый ум, она пошла в меня, - заключил Гостомысл гордо.

- Разве ей пристало... - зашипела Златана, но мысль высказать не успела.

- Она просто еще совсем ребенок, - Гостомысл любил младшую дочь, возможно, больше всех других детей. Ее мать была удивительной женщиной. Она вдохнула радость в дом князя, когда тот уже не ждал, что после всех бед над ним вновь воссияет солнце. К несчастью, боги вскоре забрали молодую жену к себе. Но кое-что они оставили. Дочь, которая очень походила на мать. Жизнерадостная, веселая и притом рассудительная. - Когда она вырастет и станет женщиной, то уйдет и озорство... Пусть играет пока...

- Озорство...- повторила Златана недовольно. - В ее годы многие уже выходят замуж! Либо ведут себя, как полагается: скромно и тихо! - Златана хотела поскорее найти младшей дочери Гостомысла мужа, чтобы та больше не напоминала ей самой о предшественнице.

- Ну а Роса? - вспомнил Гостомысл о своей средней дочери, самой покладистой.

- Она избегает меня...- бросила Златана недовольно. - Может отпрянуть в сторону, если я иду ей навстречу. Один раз она даже развернулась и пошла прочь от меня... Это продолжится до тех пор, пока ты не женишься на мне. Иначе они так и будут пытаться оскорбить меня! - настаивала Златана.

- Жениться мне снова...В мои годы...- Гостомысл прищурился с сомнением. Он больше не желал становиться женихом. И не желал похоронить очередную жену. Тем не менее, так часто получалось. Стоило ему жениться, и что-то происходило. Злой рок. Или горькое совпадение. - Ладно, мне пора идти. Я хочу попрощаться с дочерьми.

- А когда у нас родится сын, то что? - не отставала Златана. Как и любая наложница, она мечтала стать госпожой. И это ей представлялось возможным. Если Гостомысл не желает больше заключать политических союзов, то пусть тогда женится на любимой женщине! - Кем будет наш сын в таком случае? Кем буду я?!

- Это совсем другое дело...Если ты родишь, то все изменится, - князь поцеловал Златану и взялся за ручку двери. - Мне нужно идти.

****

Гостомысл простился со всеми, с кем желал. Осталось найти лишь младшую дочку. Ее не оказалось в тереме. Кто-то из слуг доложил, что ее видели на улице вместе с учителем.

Так и было. Князь нашел дочь в увитой плющом беседке, где она сама и еще двое ребят слушали рассказы старого летописца. Уже издали князь различил звонкий голосок Дивы. Она о чем-то расспрашивала наставника.

- Все не так просто...- учитель отвечал на заданный княжной вопрос. - Наш князь стремится к берегам Босфора не за добычей. Мы не грабители и не угнетатели...

- А для чего? - пискнул один из слушателей – рыжий мальчуган.

- Если бы речь шла только о добыче, ее можно было бы сыскать и в ближних землях. Для этого нет надобности переплывать полное опасностей море, - продолжал летописец, дрогнув усами, переходящими в густую бороду. - Этот набег будет карой императору Михаилу и назиданием для всех прочих, кто задумает предать нас так же, как это сделал он.

- А что он содеял дурного? - вопрос принадлежал любознательной княжне.

- Подлые греки помогли хазарам построить крепость на Дону, где, как известно, наши рубежи, - рассказывал учитель. - Мы отвращали греков от такого поступка. Князья высылали посольство к Михаилу. Но тот не внял.

- Назарий, неужели нам следует страшиться крепости, которая стоит на краю земли? - юную княжну действительно интересовали подробности дела.

- Крепость эта ослабляла наши силы в тех местах, - продолжал Назарий. - Назвали ее Саркелом, то есть белым городом, неслучайно. Стены ее выложены из тяжелого камня. Они прочны и надежны. Есть там высокие башни и глубокие колодцы. Можно много дней провести в осаде этой твердыни, и она не сдастся...

Гостомысл слышал обсуждение еще издали. Довольная улыбка коснулась его губ. А ведь некоторым - золотовласым красавицам - невдомек, зачем он идет в поход и почему не может его так просто отменить, словно прогулку. Чтобы понимать подобные вопросы, нужно быть рода княжеского.

Увидев князя, учитель и его слушатели встали на ноги, почтительно поклонившись.

- Дива...- Гостомысл подозвал дочь жестом.

Подхватив подолы, юная княжна торопливо вышла из беседки. На ее живом личике сияли большие голубые глаза. Одетая она была просто, без пышности. Длинные русые волосы

были прихвачены тонюсеньким венчиком без узоров и бусин. Ее можно было бы перепутать с обычной горожанкой, окажись она сейчас где-нибудь на рынке.

Гостомысл ласково оглядел дочку. Она в свою очередь уже догадывалась, зачем он пришел сюда. И ей было грустно, несмотря на то, что она пыталась казаться беззаботной.

- Ты уже уходишь, батюшка, - Дива вздохнула, прижавшись щекой к отцу.

- Обещай, что ты и сестры будете жить мирно, - Гостомысл погладил дочь по голове. - Дружно между собой...И со Златой...

Услышав это имя, Дива еле скрыла негодование. Ей не нравилась властная мачеха.

- У нас все будет хорошо, батюшка, - заверила Дива твердо. - Мы будем ждать тебя.

Глава 5. Фризия

На горизонте показалась суша. Земли Фризии. Команда возликовала от радости. Лишь один Рёрик отчего-то был беспокоен. Неясное чувство тревоги вдруг возникло в его душе. Еще чуть-чуть и дом. Однако казалось, будто время застыло. И вот уже солнце сменилось луной, а берег все еще далеко, будто заколдованный. Течение несло обратно, ветер отгонял от берегов. Море словно не хотело отпускать мореходов. Злые волны бились о борт, будто желая помешать кораблям причалить.

И все же настал миг, когда кили драккаров вонзились в песчаное дно. Сквозь сонную дымку Рёрик различил очертания знакомых строений, дремлющих на холмах.

В окошках один за другим зажглись любопытные огоньки, задергались занавески. Видимо, жители заметили корабли еще издали. И сейчас, несмотря на поздний час, многие вышли на берег встречать прибывших. В основном, это были родственники, которые ожидали возвращения своих кормильцев с добычей. Слышались радостные голоса, окрики приветствия и лай собак.

Привыкшим к постоянной качке мореплавателям теперь казалось, что земля ходит ходуном под их ногами. Здороваясь на ходу со знакомыми, уставший Рёрик искал глазами мать и Вольну. Однако его взгляд уткнулся в Любаву. Скрестив руки на груди, она стояла вместе с остальными встречающими и смотрела на него, не отрываясь.

- Где мать? Где Вольна? - спросил у Любавы удивленный Рёрик.

- Княгиня очень слаба. Лекари опасаются за нее, - на одном дыхании выпалила Любава заученную речь. - Она очень ждет тебя... Торопись.

Дружина двинулась в направлении поместья правителя. Кому-то идти было некуда. Кто-то желал проводить воеводу до дома. В любом случае добраться до берега – эта еще полдела. Прежде чем уснуть, нужно убедиться, что здесь не опаснее, чем на корабле. За время отсутствия всегда что-то меняется.

- Свободны! - скомандовал Рёрик уже у ворот.

Большинство дружинников разбрелось. Кто пошел домой, кто в кабак. Однако несколько человек все же остались со своим главарем. Среди них - вечно ворчащий Истома, рыжий Ингвар и одноглазый Лютвич.

Зевающая стража растворила ворота. Рёрик прошел к дому и постучал в дверь. Показалось, что прошла вечность, прежде чем старая няня Гуда загремела засовами. Увидев Рёрика, она всплеснула руками и бросилась к нему. Ее глаза слезились от радости. Она помнила его еще малышом, которого учила ходить и держать ложку. Она все никак не могла привыкнуть к тому, что он давным-давно вырос.

- Нег, родимый, целый и невредимый, - Гуда поспешила обнять Рёрика.

Любава была все еще возле князя. Она с некоторой завистью смотрела на то, как он обнял старую няню, улыбнулся той добро. Он все же способен на чувства! Вот как он рад этой бабке! А ее саму, прекрасную молодую Любаву, удостоил лишь равнодушной улыбки, с которой обычно приветствуют безразличных людей.

- Ты здорова? - единственное, что успел спросить Рёрик.

- Я-то? Да... Что со мной делается... - бросив странный взгляд на Любаву, няня вдруг отступила. - Пойду... Пойду пока в стряпную! Голодный ведь! - Гуда поспешила скрылась.

За дверьми покоев Умилы послышалась возня. Не дожидаясь, Рёрик распахнул двери и вошел.

Княгиня со страдающим лицом лежала в кровати, укутанная покрывалами. На столе возле нее громоздилось не меньше дюжины склянок, в которых, по всей видимости, находились лекарственные снадобья.

- Слава богам, ты жив... - Умила сделала попытку приподняться, но не смогла, обессиленно опустившись обратно в подушки.

- Что с тобой? - Рёрик обнял мать, помогая ей усесться.

- Да что я... - Умила тяжело вздохнула. - Главное, что ты жив и здоров, мой сокол, - покачала головой Умила, оглядев сына заботливым взглядом. - Отощал-то как... И выглядишь усталым... Дай же обниму тебя... Как я ждала тебя... Ты должен поесть и отдохнуть. Любава позаботится о тебе... - но вдруг улыбка княгини улетучилась. - А это еще что? - Умила в ужасе обнаружила, что плечо Рёрика перевязано. - Ты ранен?!

- Не... - Рёрик махнул рукой, не желая пугать мать.

- Что?! Что случилось?! - Умила подпрыгнула на месте, хотя минуту назад умирала.

- Свалился с мачты, - пошутил Рёрик.

- О, боги, тебя же ранили! - вот теперь Умиле сделалось по-настоящему плохо. - Тебя тотчас осмотрит мой лекарь. Слышишь? Тотчас! - постановила Умила.

- Нет уже надобности. Давно это было.

- Любава! - позвала Умила. Девушка тут же появилась в дверях. - Приведешь Негу лекаря. А сейчас ступайте в кухни, - Умила перевела взгляд на сына. - Я хочу, чтобы тебя поскорее накормили.

Выйдя из покоев матери, Рёрик пошел в сторону, противоположную кухням, а точнее туда, где прежде была размещена Вольна. Умила и Любава мельком переглянулись за его спиной.

- Он пошел искать ее, - прошептала Любава, побледнев.

- Было бы странно, если б не пошел, - цыкнула Умила. А потом поторопила Любаву нетерпеливым жестом. - Иди уже, накорми его. И спать уложи. Пусть отдохнет.

- А если он спросит о ней? - Любава нахмурилась.

- Мы же уже сто раз все повторили, - закатила глаза Умила. - Не надо ничего объяснять ему. Скажешь, что она ушла. Ушла и все тут.

- А если кто-то проболтается... - Любава уже еле дышала.

- Обязательно проболтается. Главное, чтоб не сегодня. А потом нас дома не будет... - Умила привыкла водить за нос окружающих. - А лучше всего, пусть узнает где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. А там где узнает, там пушай и бесится.

- Я боюсь, - выронила Любава испуганно. - Я одна не справлюсь... Вместе пойдем, умоляю...

- Как ты собралась за него замуж, если боишься его?! От солнца бегать - света не видать, - отругала Умила, поднимаясь с постели. - Ладно, я скоро подойду. Чуть позже... А ты пока иди. Иди же!

****

Обойдя весь дом, Рёрик не нашел Вольны. Не заметил он даже ее вещей. Как будто этой женщины здесь и вовсе никогда не было. Но самое странное, что он вообще никого не встретил на своем пути по обычно шумному дому. Будто все обитатели вымерли. Даже слуги куда-то подевались.

- Где Вольна?! - с порога спросил Рёрик, оказавшись в кухнях, где Любава и Гуда уже накрывали стол.

Женщины обернулись на резкий голос. Рёрик стоял в дверях и теперь уже выглядел рассерженным. Еще бы. Он проделал такой путь, а Вольна его не встречает!

- Так ведь... - начала Гуда, но Любава тут же уколола старушку взглядом. Няня смешалась, схватила какую-то полупустую корзинку и стрелой вылетела из кухонь, что-то бормоча.

- Ну? - на сей раз Рёрик обращался к Любаве, которая, едва сдерживая дрожь в руках, накладывала в миску еду, видимо, для него.

- Ушла она, - после некоторых колебаний выдавила из себя девушка. Помедлив, будто ожидая чего-то, она продолжила собирать стол. Теперь уже она делала это чуть уверенней. Умила права, нет причин бояться. Нужно придерживаться первоначального замысла, и все получится.

- Куда ушла? - удивился Рёрик, опершись на косяк ладонью.

- Куда-то... - Любава опустила глаза. Она следовала наставлениям Умилы четко. Отвечать на его вопросы пространно, не вдаваясь в подробности.

Рёрик с полминуты стоял неподвижно, осмысливая услышанное. Он не понял, что имелось в виду. Ушла. Или вышла. Так куда же она все-таки делась посреди ночи?!

- Я бы непременно дождалась... - Любава развеяла сомнения Рёрика тихой репликой.

Он ничего не ответил на услышанное откровение. Чувства Любавы его мало заботили. Зато он уже явственно ощущал, как к нему подступает гнев. Он уже забыл, когда это в последний раз от него кто-то уходил. Тем более Вольна, с которой он всегда оказывался столь терпелив. Уж ей-то не на что было жаловаться! И все же ее тут нет. Как она посмела так поступить?! Предать, бросить, не дожидаться!

В этот момент в дверях появилась закутанная в шерстяную шаль Умила. Она ступала нарочито тяжело, то и дело обессиленно охая и прикладывая ладонь к сердцу.

- Мы ждали тебя много раньше... - начала Умила слабым голосом. Лоб ее напрягся паутинкой морщин. И она потеряла виски, давая таким образом понять, что ее мучают нестерпимые боли. - Любава, завари мне травы... Те, что у знахарки забрала поутру...

- Где Вольна? - обратился Рёрик к матери.

Умила деланно вздохнула. Водворилась тишина. Лишь Любава, украдкой поглядывая на обоих, спешила приготовить отвар, громыхая котелком. Она была готова исполнять любые приказания Умилы, лишь бы только это помогло ей сделаться женой любимого Рёрика.

- Ушла, - развела руки в стороны Умила.

- Куда ушла, я спрашиваю?! - нетерпеливо рявкнул Рёрик.

- Не знаю. Ушла и все... Нагрубив мне напоследок... - Умила оставалась возмутительно спокойна, словно речь шла о пустяках. Теперь она уже не выглядела умирающей, каковой была в своих покоях. Она с интересом потянулась к блюду с орехами и начала щелкать их один за другим. - Хлопнула дверь и ушла.

- Когда? - заорал взбешенный Рёрик. - Кто ей позволил?!

- Разве ей нужно чье-то позволение? Ты же знаешь: нрав у бабы этой строптивый. И *скверный*, - Умила выделила последнее слово особенно. - Видно, прискучило ей ждать тебя... Ты обещал, что вернешься летом, а теперь уж осень. Я не хотела тебя огорчать... Но это из-за нее мне сделалось дурно... Как она кричала... Как ругалась... Какие слова говорила... У меня язык не повернется повторить тебе это... Из уст женщины такое сквернословие непозволительно, - княгиня сказала отчасти правду. В то злополучное весеннее утро брань в княжеском доме действительно звучала. Вольна ссорилась с Умилкой и Любавой, и, кажется, даже сумела перерорать их обеих. Разозленная до крайности красавица в итоге, действительно, покинула дом. Но далеко не ушла. Почти сразу ее подкараулили горожане, науськанные по приказу Умилы. Останься Вольна в своих покоях, стерпи она обиды, в реке бы не оказалась. По крайней мере, в тот день. - В мои годы следует избегать волнений, сын... Если бы я не дожила до рассвета, это было бы на ее совести. Если конечно, она у нее есть.

- Поймаю. И прибую ее, - сейчас уже Рёрик был в ярости. От его чувств не осталось и следа. И если еще утром он мечтал заключить любимую в страстные объятия, то теперь и правда был готов убить ее. Положа руку на сердце, он и сам все знал про свою Вольну. Она упряма и капризна. На любое замечание у нее всегда один довод: «Мне детей носить, а тебе - прихоти». Да, в ней нет покорности, уступчивости и женской мягкости. И все это он простил бы ей, если б только она ждала его.

- Ты не должен теряться из-за худородной девки, - наставительно заметила Умила, когда Рёрик со злости смахнул какой-то кувшин со стола. - Тем паче когда здесь твои люди... Смотрят и видят, - понизив голос, напонила мать сыну. - Ты же не юнец. Все. Забудь ее. Выброси из головы. Есть более достойные особы... - Умила красноречиво обозрела Любаву. Последняя, поймав взгляд своей благодетельницы, тут же поставила миску с едой перед Рёриком, который в тот момент гневно смотрел в одну точку. Все это время Любава предусмотрительно помалкивала, слушая рассказы Умилы, из которых следовало, что Вольна ушла из дома чуть ли не вчера. Это, безусловно, обман. Но ведь ради блага. Не говорить же разгневанному воителю, что они извели его любимую почти сразу, как он отбыл. Вольна теперь выглядит в крайне неприглядном свете. Ее отсутствие легче пережить. Ведь пуще всего мужчины ценят верность. А она, Любава, будет ему верна.

- Поешь, - предложила Умила. - И спать ложись. Утро мудренее вечера.

Рёрик машинально взял в руки плоскую ложку, хотя есть уже не хотел. Тут же к нему подскочила Любава и что-то суетливо налила в его кубок. Что-то хмельное и ароматное. Длинные юбки дочери Дражко коснулись ноги Рёрик. Он бросил мимолетный взгляд на девушку. Она, видно, истолковала этот нечаянный взор так, как ей нравилось, и потому улыбнулась, смущенно опустив очи.

- Позови моих людей. Пусть поедят и отдохнут, - уже не глядя на Любаву, повелел Рёрик мрачно.

Расстроенная Любава вышла на двор, где дождалось отбоя несколько человек. Среди них она узнала Лютвича. Он разговаривал с каким-то парнем. Их голоса глушил ветер. Но, судя по лицу поклонника дочери Дражко, беседа была любопытна.

Когда Лютвич вновь увидел предмет своего влечения, то ощерился какой-то непонятной нервной ухмылкой. Саму Любаву передернуло от подобных знаков симпатии.

- Рёрик зовет всех вас потрапезовать, - не удостоив Лютвича взглядом, обратилась Любава к остальным мужчинам. - Поешьте и отдохните, место всем найдется, - по-хозяйски пригласила она Истому и Ингвара в дом.

- Чего не здороваешься? - сразу прицепился Лютвич к своей ненаглядной. Так получилось, что она шла последней, а он - за ней. Вместе они чуть замешкались. Он проворно перегородил ей дорогу, как часто делал и прежде. Любава попыталась обойти его сначала слева, потом справа, но он не пропускал ее.

- Я спешу, - недовольно процедила Любава, поправляя платок, из которого выбилась светлая прядка ее курчавых волос. Дочь Дражко была необыкновенно миловидна.

- А, ну да... Теперь ведь у тебя много забот, - ослабилась Лютвич во весь рот. - Готовишься к свадьбе, небось... - заявление Лютвича заставило Любаву выпучить глаза. Девушка неприятно удивилась. Неужели он уже прознал о кончине Вольны?! Так быстро?! Дурные вести не лежат на месте! - Ага, я верно подумал, - продолжал Лютвич, посмеиваясь. - Чаешь его женой и управительницей города сделаться...

- Не твое дело, - Любава чуть покраснела. Теперь, когда горделивая соперница была устранена, у дочери Дражко действительно имелись такие намерения.

- Да не женится он на тебе никогда! - Лютвич ухватил Любаву за локоть. - А я могу. Я!

- Отпусти! - Любава попыталась выдернуть свой локоть из рук неприятного поклонника. Но последний так стосковался, что не хотел столь быстро ее отпускать. Хотя в подобные моменты, когда она грезила о Рёрике, он ненавидел ее чуть сильнее, чем любил. - Буде не отпустишь, я все Негу расскажу, - погрозила по обыкновению Любава. И тут же оказалась свободна от посягательств.

Когда она вернулась в кухни, там было шумно. Будто не четыре человека за столом, а целая дюжина воинов пирует. Пахло горячей едой. Среди мужских голосов выделялся моло-

жавый голос Умилы. По этому голосу было никак невозможно определить, сколько его хозяйке лет, если не видеть ее лица.

Любава прошла к очагу, и деловито поворошила угли кочергой. Затем принялась расставлять на полке какие-то миски, бестолково засовывая одну в другую, а затем меняя местами их расположение. Ей хотелось казаться домовитой и трудолюбивой. Хотя, в сущности, она ничего особенно не умела. Все, за что брались ее белоснежные руки, оканчивалось недоразумением. Но в том не было ее вины. Так уж ее воспитали в этом благородном доме. По большому счету, не имелось необходимости ей обладать какими-то хозяйственными навыками, если она полагала в скором времени сделаться женой правителя.

- Где Харальд? - спросил Рёрик Умилу. Его лицо все еще выражало досаду.

- Почему не спрашиваешь, где Синеус? - Умила недовольно сплющила губы, отчего они чуть посинели. Рёрик слишком любит старшего брата, чьей матерью была принцесса Ингрид, первая жена Годслава. В то же время родной брат, Синеус, будто бы не так близок ему. По крайней мере, большую часть жизни Рёрик провел именно с Харальдом.

- Ну и где Синеус? - Рёрик отодвинул от себя еду. Есть ему все еще не хотелось. Хотя из миски на него смотрело разогретое жаркое, присыпанное ароматными кореньями и травами. В темной наваристой жиже плавали большие куски мяса и радуга овощей. Но ничто уже не вызвало аппетита у огорченного Рёрика.

- Дело ясное, - вдруг встрял Лютвич в чужую беседу. - Не выйдут они, на глаза твои не кажутся... Не уберегли Вольны.

После этих слов в кухнях установилось молчание, хотя до этого каждый что-то говорил. Умила невозмутимо отвернулась к окну. А Любава выронила из рук нож, который со звоном ударился об пол, нарушив тишину. Рукоятка отломилась. Любава смятенно оглядела княгиню-мать. Сломанный нож – дурной знак, сулящий беды.

- Что ты сейчас сказал? - Рёрик нахмурился, озадаченно оглядев Лютвича.

- Ничего нового... - пожал плечами Лютвич, помешивая горячую похлебку в плошке. Он был из тех людей, которые умели ждать. Ждать, когда остынет кушанье, не запикивая его в рот. Ждать подходящего момента в разговоре. Ждать свою Любаву. - Вольну жалко. Пригожая была. А теперь в пучине краса ее. Никому не любоваться ею.

Рёрику почудилось, что он ослышался. На него нашел ступор. Не веря своим ушам, он вопросительно оглядел мать. Но Умила все еще сидела, обратившись к растворенным ставням и будто не слыша разговора. Рёрик в растерянности перевел взгляд на Любаву, которая смотрела на него, в отличие от своей благодетельницы.

- Любава... - позвала Умила слабым голосом. - Худо мне... Воды подай-ка...

Узрев путь к спасению, Любава с готовностью метнулась к бочке. Зачерпнув ковшом ледяную воду, укусившую кожу, дочь Дражко дернулась в сторону Умилы. Но тут же врезалась в Рёрика, который был уже возле нее.

- Где она? - прорычал Рёрик.

- Я не знаю, не ведаю... - дрогнув под гнетущим взглядом Рёрика, Любава оступилась, выплеснув воду из ковша.

- Что с ней?! - заорал Рёрик, нависнув над Любавой. - Да говори же!

- Она ушла... Сама ушла... Весной еще... - затрепетала Любава. - Я не знаю, что с ней стало дальше... Мы тут ни при чем...

- Проклятая врунья... Опять лжешь мне?! - взревел Рёрик, словно раненный зимой зверь. Не получив внятного ответа, он рассвирепел еще сильнее и замахнулся, желая получить признание любым способом и поскорее. Воспитанный в суровые годы, он полагал этот метод самым действенным. - Рассказывай!

- В реке твоя Вольна... - выпалила Любава, залившаяся слезами после собственных слов.

В кухнях вновь водворилась тишина, прерываемая лишь частыми всхлипываниями Любавы да треском сухих поленьев в очаге. Все смотри на застывшего Рёрика. А он будто не постигал смысла услышанного. Он стоял как вкопанный, не сводя глаз с краснеющего лица Любавы.

- Народ думал, что Вольна ведьма...- вкрадчиво продолжал Лютвич, все еще сидя за столом. - Это кто ж только такой подлый слух пустил...Верно, завистницы...Врагини...

- Мы тут ни при чем...- лепетала сквозь плач Любава, отступая к стене. Она вмиг забыла все наставления Умилы о том, что полагается говорить и как нужно себя вести. - Ни при чем... Это все народ...Люди...

- Любава...Воды...- строго напомнила Умила, желая поскорее заткнуть свою подопечную, которая оказалась не слишком стойкой.

Однако Любава не могла теперь не то что воды принести. Она была не в силах и слова вымолвить. Рёрик смотрел на нее с такой лютой злобой, что она боялась даже шелохнуться. Ведь еще совсем недавно она пыталась выставить погибшую Вольну предательницей, которая не умела любимого дожидаться.

Вопреки тому, что сказанное Лютвичем прозвучало четко и никто этого не опроверг, Рёрик в услышанное не верил. Он пока не был готов допустить подобного.

- Брат, ты вернулся...- внезапное появление Харальда в дверях заставило всех обернуться.

До этого момента Рёрик не вполне осознавал новость о Вольне. Ему все казалось, что сейчас он выйдет из дому и легко отыщет ее. Ну или нелегко, но отыщет. Но теперь, увидев грустного Харальда, смотрящего на него с сочувствием, вдруг осмыслил произошедшее в полной мере. Вольна всего лишь человек. К тому же слабая женщина. Она смертна.

- Харальд? - лишь старшему брату Рёрик верил безоговорочно. Даже если весь город, сотня людей в один голос станут утверждать что-либо, он оставит это под сомнением, пока Харальд не подтвердит.

Вместо ответа сын принцессы Ингрид отвел взор в сторону. Этот жест был красноречивее любых слов.

- Как же...- Рёрик пошатнулся. Нет, это не он потерял равновесие. Это мир содрогнулся.

- Утонула, - удостоверил Харальд, понимая, о чем его взглядом спрашивает брат.

Тут же Любава заревела в голос, прижимая ладони к промокшим щекам. Умила сердито оглядела девушку, но та тряслась в рыданиях и не смотрела на мать Рёрика.

- Чего воешь?! - заорал на Любаву невменяемый от горя Рёрик. Горечь утраты вырвалась наружу не слезами, а гневом. - Ты что мне говорила, змея?! Ушла она?! Не дождалась?! Так весной же еще?! - Рёрик бросился к Любаве, которая отчаянно рыдала, вжавшись в стену.

- Харальд! - взвизгнула Умила, предчувствуя близящуюся расправу над своей воспитанницей.

- Нег, остановись! - Харальд попытался удержать брата.

Тем временем опомнившаяся Любава бросилась к Умиле и спряталась за нее, забившись в угол. Сама мать семейства тут же вскочила на ноги, степенно поправляя шаль.

- Сын, утихомирься! - Умила подала голос уверенно. - Возьми себя в руки. На все есть божественная воля!

Невзирая на протесты матери, расстроенный Рёрик выволок из угла Любаву, сжавшуюся в клубок, точно напуганный еж. Грубо ухватив девушку за шиворот, без лишних слов потащил ее на улицу. Дочь Дражко рыдала и вырывалась, даже не успевая подняться на ноги.

- Опомнись, что делаешь, Нег! - на защиту Любавы вновь встал Харальд. Его слепила ярость, плавающая огнем в глазах брата. Таким свирепым он того еще не видел. Он знал, каким Рёрик бывает в бою, каким - на пиру, но не видел того в горе.

- Прочь с дороги! - гаркнул Рёрик, свободной рукой отпихнув старшего брата.

- Да она-то тут при чем?..Отпусти ее...- Харальд понимал, что он здесь единственный, кто в праве и в силах остановить Рёрика. - Иди, обмой лицо в роднике...Посиди под небом. И спать ложись. Все образуется...

Но Рёрик не слушал советов. Его обуяло неистовство. Теперь он все ясно видел. Умила всегда пыталась подsunуть ему Любаву. И вдвоем эти две женщины выжили Вольну из дому. Она выбежала на улицу, не успевая собраться с мыслями, даже не взяв с собой кого-то для охраны.

Напуганные лица женщин сейчас не вызвали у Рёрика жалости. Они были ему отвратительны. Цветущая Любава, которую он с детства знал как милую застенчивую девушку, превратилась в скользкую извивающуюся змею, готовую подло ужалить. А мать казалась коварной ведьмой, способной ради исполнения своих желаний на любую низость. Он просил ее присмотреть за Вольной, взять ту под покровительство, и вот как Умила выполнила его просьбу.

- Сын, пойдй в опочивальню...Ты не в себе теперь, - зазвенел голос Умилы из-за спины Харальда.

Но огорченный Рёрик не обращал внимания на эти пустые слова, а может, и не слышал их. Сейчас ему было дело только до кричащей и выдирающейся из его рук Любавы.

Умила заохала, хватаясь за сердце и пытаясь таким образом привлечь внимание к своему самочувствию. Однако Рёрик теперь был слишком занят, чтоб отвлекаться на подобные уловки. Лишь доверчивый Ингвар бросился к Умиле с ковшиком водицы. Хотя матери Рёрика ничто не грозило, в отличие от Любавы, увлекаемой на двор безжалостной рукой. На лавке застыл удивленный Истома. Что до Лютвича – он стоял в стороне, пока не вмешиваясь в происходящее. Он наблюдал. И ждал.

- Опомнись, брат! - рассудительный Харальд бросился на улицу следом за Рёриком. - Ты сейчас ей голову оторвешь! Шейка тонкая ж. Не гневайся ты так!

Не обращая внимания на окрикивающие его голоса, Рёрик тащил Любаву куда-то в сторону реки. Девушка рыдала, заламывая локти. Опухшее пунцовое лицо покрывалось слезами вновь и вновь.

- Пощади! Да люблю же я тебя! - плакала Любава, не понимая, что сейчас ее признания Рёрику омерзительны, как и она сама. У него были простые и суровые взгляды. Он огорчен. Потому что его потерю нельзя восполнить. Но зато можно хотя бы утешиться. Найти виноватого и наказать сполна. Утопить Любаву в той же самой речке, в которой закончила Вольна. Или свернуть тощую шею дочери Дражко, как предложил Харальд. Главное, поскорее избавиться от этой лживой гадуки. И больше не видеть ее блестящих змеиных глазенок! А мать...Пусть смотрит, коли явилась вдохновительницей.

- Нег, отдай ее мне...- произнес вдруг Лютвич слова, которые никто не ожидал услышать.

На миг повисла тишина. Все с недоумением смотрели попеременно то на Лютвича, то на Рёрика, пытаясь угадать дальнейшие действия последнего. Рёрик бросил на трясущуюся Любаву взгляд, исполненный презрения. И в следующий миг буквально отшвырнул от себя девушку. Та угодила точно в руки Лютвича.

Рёрик развернулся и пошел прочь от дома, не удостоив взглядом мать. Он лишь мельком оглядел Лютвича, который уже держал в объятиях дрожащее тело.

Глава 6.

Хоромы для Любавы

Стрекозы сбились в стайки. Комары и мошки спустились к полям, словно невидимая сила давила на них сверху. Свинцовые тучи сгустились, тяжело нависнув над землей.

- Проклятье! - выругался Лютвич, натягивая вожжи. Конь успел остановиться в самый последний момент, когда колесо раскололось на две части. Днище телеги процарапало землю. Жердь, служащая бортиком, обвалилась. Покрывало, натянутое наподобие крыши, обо что-то зацепилось, лопнуло и разорвалось. На траву высыпались мешки, пара сундуков, а в конце

всего – Любава. - Не ушиблась? - Лютвич сразу поспешил к предмету своей любви, помогая ей подняться на ноги.

- Зачем ты так подстегивал коня? - Любава недовольно одернула локоть и начала брезгливо отряхивать платье от дорожной пыли. - Посмотри, что ты наделал.

- Вообще-то, я ради тебя стараюсь. Мне-то спешить некуда. Это не меня сегодня собирались утопить в речке, - напомнил одноглазый.

С самого рассвета и до сего момента он гнал лошадь, чтобы поскорее увезти дочь Дражко от гнева Рёрика. Также Лютвич видел, что собирается дождь, и старался успеть прибыть в ближайшую деревеньку, где можно разместиться на постой или хотя бы переждать ненастье.

- Думаешь, Нег снарядит погоню? - Любава не принимала того, что Рёрик мог отдать ее, словно ненужную рабыню. Она была уверена, что он вернет ее обратно. Ведь сегодня, когда ярость его спала, он будет в состоянии оценить, как сильна ее любовь к нему, как долго и преданно она ждала его.

- Не называй его так, - Лютвич пнул ногой останки деревянного колеса и пошел освободить запряженную лошадь. В дополнение к самой Любаве и втихаря от Рёрика, Умила успела выдать беглецам повозку и кое-какой скарб, который, шутя, одноглазый оценил как приданое.

Загрохотал гром. Небо вдруг потемнело, словно боги накинули на землю черное покрывало. Травинки в поле, точно слаженная армия, пригнулись к земле от налетевшего ветра.

- Сейчас хлынет, - предсказал Лютвич, глядя в сверкающую молниями бездну над головой.

- Ну так не стой, как немощный, придумай что-нибудь, - заложив руку за руку, подхлестнула Любава.

- Не разговаривай со мной, как со слугой, - предостерег Лютвич.

- А ты не веди себя так, словно без чужих приказов не знаешь, что нужно делать!

Лютвич ничего не ответил на резкое высказывание. Любава никогда не была особо ласкова с ним. А он в свою очередь любил ее именно такой, недоступной и далекой. Она была его навязчивой идеей, от которой он не мог отказаться, хоть она и мучила его. Всегда в красивом платье, с чистыми белыми ручками, в тумане ароматных благовоний. Дочка какого-то князя или просто знатного воеводы. Она не какая-то деревенская девица, она из благородных. Может, потому и понадобилась ему, что она не такая, как все.

С невероятными усилиями приподняв тяжелую повозку, Лютвич поставил ее на бок. Затем стащил сундуки и корзины в одну кучу. Облокотился на край телеги, глубоко вздохнул, переводя дух. Любава стояла в трех шагах и обзревала все происходящее с неким порицанием во взгляде.

Подталкиваемая Лютвичем повозка с грохотом опустилась одним своим краем на поклажу, которая послужила опорой для будущего шалаша.

- Залезай, - Лютвич указал Любаве на образовавшееся пространство под телегой.

- Это все, что ты смог придумать? - Любава отвернулась в сторону, раздраженно вздохнув.

- Прости, что не построил тебе дворец! - рявкнул Лютвич, прихлопнув жирного овода, который болезненно уколол его в плечо своим мясистым хоботком.

На нос Любаве упала крупная капля дождя. Было ясно, что придется воспользоваться укрытием, предложенным Лютвичем.

Места под телегой было немного, даже совсем мало. Лютвич лежал на боку, опираясь на локоть. Любаве пришлось устроиться здесь же, на покрывале, которое раньше являлось крышей. Грустно вздохнув, девушка устремила взор в темнеющую синь небес. И тут же по доскам забарабанил дождь.

- Не замерзла? - Лютвич придвинулся к Любаве и осторожно обнял ее свободной рукой. Его обиды на нее быстро проходили, поскольку она была для него интересна и желанна.

- Как мы поедem дальше? - Любава отшвырнула от себя загорелую руку Лютвича. - Ты починишь повозку?

- Я не тележных дел мастер, - усмехнулся Лютвич, покусывая зубами травинку. Он смотрел на лежащую рядом Любаву, на ее неприступно вздернутый носик, точеную шейку и плавный изгиб спины. Он пытался разглядеть знаки расположения со стороны любимой девушки. Неужели она не замечает, как он души не чает в ней? Он столько времени ждал ее. В конце концов, он спас ее от Рёрика, который, точно, пришиб бы ее, не окажись рядом того, кому она дорога.

- И как тогда быть? - голос Любавы прозвучал сердито. Впрочем, она даже не смотрела на попутчика.

- У нас есть конь, на нем поскачем, - Лютвич накрутил на указательный палец русую кудряшку, свисающую с плеч Любавы. Она не заметила того, потому никак не отреагировала.

- Я не умею скакать верхом.

- Я тебе помогу, буду держать тебя, - обычно хамоватый и наглый, сейчас Лютвич чуток робел. Хотя прежде часто подлавливал Любаву, ухитряясь облапать или даже поцеловать. Но сейчас он почему-то не чувствовал былой уверенности в себе.

- Я же сказала, что не поскачу с тобой в одном седле, - Любава умела быть не только покорной и вежливой, каковой выглядела в присутствии Умилы. - И куда мы держим путь? Долго еще?

- Долго. Ко мне домой идем, - отозвался Лютвич, вздохнув.

- И что потом? - голова Любавы была занята только тем, как ей поскорее вернуться обратно под крыло Умилы и поближе к Рёрику. Она была уверена, что ее ссылка продлится не больше пары дней. Что это даже не настоящее изгнание, а какое-то наказание. Разумеется, Рёрик и Умила не бросят ее на произвол судьбы и на усмотрение Лютвича.

- А ты не понимаешь, что потом? - Лютвич оглядел разбалованную Любаву и еще раз в душе отругал себя за то, что пленился ею. - Станешь моей женой. Будем вместе с тобой всегда.

- Разлакомился, - усмехнулась Любава с вызывающим пренебрежением.

Лютвич ничего сразу не ответил. Лишь некоторое время еще смотрел на дочь Дражко, которая любовалась колечками на своих перстах или самими утонченными перстами.

Любава взвизгнула от неожиданности, когда Лютвич вдруг ухватил ее за локоть и перевернул на спину. Склонился над ней и поцеловал ее губки, о которых так часто мечтал еще тогда, когда был в море, и время тянулось бесконечно медленно.

- Как посмел?! - Любава не стала долго думать и плюнула в лицо своему поклоннику. А затем, несмотря на тесноту, умудрилась размахнуться и вlepить ему оплеуху. - Отпусти немедля, я сказала!

Лютвичу было не столько больно, сколько оскорбительно и обидно. Но в какой-то степени он даже обрадовался, что она повела себя именно таким образом. Поскольку вся его робость сразу куда-то сама умчалась, забрав с собой почтение и нежность, которые он испытывал к этой девушке.

Ливень был шумный и сильный, заглушающий все вокруг. Грубо прижав Любаву своим телом к земле, Лютвич изловчился задрать сразу все ее подолы. Он и не ожидал, что на ней окажется столь много одежды. Обычные девицы одевались проще, на них наличествовала лишь рубаха и, может, пару юбок.

- Не смей дотрагиваться до меня! Нег тебе шею свернет! - прикрикнула Любава, все еще оценивая свое положение ошибочно. Она полагала, что по-прежнему находится под защитой Рёрика. В ее понимании попросту не укладывалось то, что семья, которую она считала родной, могла отказаться от нее.

- Глупеха, - Лютвичу было теперь недосуг что-то объяснять своей слушательнице. Ухватив ее под коленку, он подмял под себя свою ненаглядную зазнобу.

- Больно! - взывала Любава, тщетно пытаясь вырваться из объятий своего воздыхателя.
- Не дергайся, и больно не будет, - свои предположения Лютвич облек в форму совета.

Дождь закончился. Лютвич вылез из своего наспех сооруженного укрытия и довольно потянулся, разминая спину. Тучи рассеялись, словно их и не было. А на небе снова воссияло солнце.

- Надо собираться. Скоро начнет темнеть... - слова Лютвича были обращены к Любаве. Подобрал с мокрой травы ремень с ножнами, Лютвич попутно заглянул под телегу. - Слышишь? Поднимайся. Пора идти.

Когда Любава выбралась из укрытия, она не походила на саму себя. И дело было не только в ее помятом перепачканном платье, которое уже не выглядело столь торжественным, как в начале поездки. Ее бледное лицо выражало ужас, подбородок дрожал, а губы смотрели уголками вниз, словно их владелица собирается разразиться плачем. На самом деле, она уже плакала. Беззвучно и безнадежно.

Любава узнала много нового о своем теле, а также о строении мужчины. И это преждевременное открытие неприятно поразило ее. Возможно, ее неискушенный ум не был готов к откровениям подобного рода. А может, это она сама не была готова оказаться в руках человека, от которого ее воротило. И будь на его месте кто-то иной, скажем, кто-то ей милый, она сейчас не чувствовала бы себя столь несчастной и опустошенной.

Смеркалось. Поломанную телегу с дарами от Умилы так и пришлось бросить у дороги. Теперь уж не до даров господских было.

****

Любава с трудом открыла глаза. Из приоткрытой двери сквозь полумрак, царивший в тесном помещении, тонкой струйкой сочился полуденный свет. Долго длилось их с Лютвичем путешествие. И вот, наконец, вчера ночью оно подошло к концу. Они прибыли в место, которое он называл своим домом.

В лучах дневного солнца вид старой бедной полуземлянки неприятно поразил Любаву. Жилище оказалось непривычно маленьким, всего дюжину локтей в длину. Крыша держалась на массивных шестах. От земляного пола шел холод. Справа от входа располагался бабий кут, отделенный от остального пространства грядкой с засаленной занавесью. Там таилась небольшая печка, которая успела до крайности закоптить стены. Возле этой древней начавшей крошиться каменки грудились оббитые горшки и потемневшие ковши. В углу были свалены ухваты, кочерга, ступа и прочая утварь, относящаяся к женскому хозяйству. Из-под потолка торчал крюк, очевидно, использовавшийся когда-то для подвешивания детской люльки. Теперь на нем болталась какая-то тряпица.

Наискось от печи, в относительно светлом – красном – углу, скособочился небольшой стол, одна доска которого пошла глубокой трещиной на самом видном месте. Тут же рядом была вчетверо сложена пожелтевшая скатерка, которую расстилали, бесспорно, лишь по особым случаям. Все прочее время она лежала на краю в свернутом виде. Над столом накренилась косяя полка, где хранились обереги богов.

В обе стороны от стола расходились лавки. На одной из них был брошен кусок теплой материи и примятый подголовник. Сию скамью использовали и для сидения и для сна.

Возле выхода, вдоль стены, шла вместительная пороговая лавка. На ней покоился пыльный сундук, очевидно, с вещами Лютвича, поскольку коник считался мужским рабочим местом. Пространство под скамьями хозяева жилища так же не оставили пустовать. Там кучились емкости вроде корыта, кадок и ушатов. Так же кто-то умелой рукой затолкал туда и прялку. В этом доме было не только не убрано, но и имелось много лишнего. Потому Любава не удивилась, когда увидела торчащий из-под сидения край люльки, притом что младенцев в этом доме не было.

В углу рядом с печкой располагалась соломенная лежанка. Она была покрыта грубой ватолой и принадлежала, по всей видимости, матери Лютвича.

Но тяжелее всего воспринималось отсутствие окон. Привыкшая жить в просторном и светлом поместье правителя Любава даже не представляла себе существования в столь убогом жилище, погруженном в сумерки днем и ночью.

Нетвердой походкой Любава подошла к двери и выглянула на улицу. Дикая местность. Некошенная трава. Повсюду лес. Мокрые после дождя деревья мрачно взирают на молодую гостью.

На дворе Любаву ждало не менее унылое зрелище. По земле расхаживали облезлые куры с грязными белыми перьями. Под кустом в тени, положив тощую морду на лапы, дремала старая собака. Колючки торчали из взлохмаченной поседевшей шерсти, а сонные глаза без интереса следили за птицей. На земляной завалинке в изношенной одежде с заплатами сидела старуха и перебирала семена, что-то бормоча себе под нос. Немного поодаль девочка-подросток, шлепая голыми пятками по мокрой траве, с нехоти веселым лицом относил наколотые кем-то дрова под покосившийся навес.

- Воды натаскай с ручья. Чай, не боярыня до полудня почивать, - неприветливо пробурчала старуха, даже не глядя на пригожую дочку Дражко.

Любава медленно сползла по стене, хватаясь за дверной косяк. Повалилась на жесткий порог. Лучше б ее утопили, нежели выслали умирать тут, среди болот! Проклятая Вольна мстит ей даже с того света! Такой жизни лучше смерть!

- Ма, нездорова она. Я сам натаскаю, - раздался голос Лютвича, который как раз подходил к дому и нес на плече косу. Видно, он проснулся рано и занялся хозяйством, которое за долгое его отсутствие пришло в упадок.

- Это не мужское – воду для дома носить. Ты живность напоишь, - предписала старуха, блюдушая вековые уклады.

Слезы брызнули из глаз Любавы. Все поплыло куда-то в разные стороны. И куры, и навес, и бабка.

- Я помогу ей, - послышался еще один голос, тоненький и ласковый. - Пойдем, покажу, куда брести, - девочка схватила Любаву за рукав и потянула за собой.

За один только этот день Любава устала так, как прежде не уставала и за целую луну. Лютвич собирался отбыть на будущей неделе обратно к Рёрику и потому торопился отремонтировать ветхое жилье, насколько возможно. Прежде одноглазый был не очень хозяйственным, а теперь старался для Любавы. Но от его стараний в какой-то мере пострадала и она сама. Старуха загоняла ее за день.

Вечером измученная дочь Дражко еле волочила ноги. Теперь уже и жесткая лавка казалась ей заманчивой.

Уложив локти на стол, Любава уронила голову на ладони. Дочь Дражко проголодалась, утомилась и очень хотела спать.

- Не твое место - впереди сидеть. Твое место при куту в углу... - послышался недовольный голос старухи.

- Пособи ей на стол собрать, - кивая на мать, шепотом подсказал Лютвич Любаве.

Посторонним мужчинам строго запрещалось заходить в печной угол, который считался женской вотчиной, личным местом хозяйки. Если бы гость позволил себе даже заглянуть в запечье, то сие считалось бы оскорблением. Но и хозяину дома было нежелательно подобное поведение. Так что Лютвич остался за столом, хотя весь день так или иначе приходил на выручку Любаве.

Трапеза для языка Любавы оказалась непривычной – тюрю на воде с черствым хлебом, приправленная растительным маслом и какими-то горькими корешками. Такая пища даже не

шла в рот изнеженной девушке, привыкшей к пирогам, мясу и рыбе, приготовляемым умелыми поварами Умилы.

- Пойдем-погуляем перед сном, - предложил Лютвич Любаве, когда стемнело.

Любава не хотела гулять, но старуха пока не ложилась. В свете лампы из жира она гремела чем-то возле печки. Девочка играла с соломенной куклой и болтала сама с собой, устроившись на лавке. Посему Любава поплелась на улицу за Лютвичем, который, не тратя времени даром, поволок ее в высокую траву.

- Я устала, - жалостливо обратилась Любава к своему новому покровителю. За время их продолжительного путешествия она премного изменилась, утратив спесь и высокомерие. Такому преобразению поспособствовал сам Лютвич. Невзирая на свои крепкие чувства, он пару раз избил Любаву, будучи задетым ее резкими речами. Так что к моменту прибытия в свои новые хоромы дочь Дражко была такой же, как при Умиле и Рёрике – тихой и покладистой. Она больше не спорила с Лютвичем и тем более не грубила ему. - И холодно мне здесь.

- Можем в дом вернуться, там теплее, - предложил Лютвич, готовый предаться любовным утехам, по большому счету, в любом месте. Наличие свидетелей его не смущало. Однако смущало Любаву. И потому ответом на идею Лютвича послужил огорченный вздох дочери Дражко. - Сено еще не высохло, токмо сегодня покосил...- объяснил Лютвич.

- Сено? - переспросила Любава, прислушиваясь к раскатам грома, обещавшим скорый дождь.

- На сеновале успеть бы тебя понежить, - не желая промедления, Лютвич с жадностью накинулся на свою награду, не смеющую даже возразить ему. - Скоро уйду, скучать по мне будешь...

Любава промолчала, дабы не огорчить своего благодетеля неуместной в данном вопросе прямоотой. Лишь затаила дыхание, стиснув зубы, когда он прильнул к ее упругой груди. Его холодные ладони скользили по ее коже. День оказался трудным, но в целом благополучным. Лютвич пребывал в довольном расположении и хотел быть нежным со своей возлюбленной. А она желала только одного – чтобы он быстрее закончил с ней на сегодня. И не нужно ей его нежностей. Она самостоятельно приподняла подол своего некогда красивого платья. Всего за несколько дней Любава научилась переносить его отвратительные ласки, не показывая вида, как он ей неприятен. Ее ум необыкновенно быстро прояснился. И теперь она больше не считала себя привилегированной особой, а осознавала, что сама не может и шагу ступить без посторонней помощи. Впрочем, не было ничего зазорного в том, что молодой женщине требуется чье-то покровительство в жестоком и полном опасностей мире. Но не от Лютвича она бы хотела принять эту помощь.

*****

Как и собирался, Лютвич умчался. Не было его долго. И для Любавы его отсутствие с одной стороны явилось истинным подарком. Одноглазый пугал ее не только своими необъяснимыми чувствами, грубыми повадками, но и безобразным видом. Какая-то наглая уверенность всегда исходила от него. За работой Любава теперь часто вспоминала, как, словно заглянув в мрачное будущее, он прежде, подкараулив ее где-то одинешеньку, не раз обещал, что однажды станет единственным ее другом. И теперь у нее горело лишь одно желание – чтоб этот человек, пускай и спасший ее ничтожную жизнь, не возвращался домой, а пал где-нибудь на чужбине в боях.

Мать его оказалась жестоконравной сварливой старухой, которая была полновластной хозяйкой в своей жалкой лачуге. Несмотря на дряхлость, глухоту и все то, что причитается к ее почтенному ее возрасту, она железно диктовала правила, по которым жил этот дом в отсутствие ее сына. Придирчивая бабка постоянно попрекала невестку. Выросшая в княжеских хоромах Любава была не самой искусной хозяйкой. И теперь то и дело она слушала про себя, что неумеха, что дуреха и растеряха. Не свыкшаяся с этими прозваниями, она все надеялась,

что бабка отчалит к прародителям в недалеком времени, но вскоре убедилась в крепости старых костей. Любава поймала себя на мысли, что жила и живет в ожидании чьей-то смерти. Сначала она надеялась, что с ее соперницей Вольной приключится какая-то беда. Потом Лютвич и его мать стали целью ее бессильной ненависти. Она сама, несчастная Любава, столь слаба, что не знает иных решений своих проблем.

Временами Любаве казалось, что этот старый дом - лишь временное убежище. Может быть, Умила уговорит Рёрика вернуть дочь Дражко... Но свойское отношение матери Лютвича указывало на то, что теперь это единственный кров. Гибнущие надежды еще трепыхались в душе несостоявшейся невесты Рёрика и мучили ее не менее всех прочих неудобств. А неудобств было немало, особенно в быту. Усталая после дня, наполненного работами, Любава валилась с ног и засыпала. Ее то и дело кусали какие-то насекомые. В дни, когда у нее шла кровь, Любава уже не могла легко отправиться в мыльную. Теперь она подвязывала между ног исподнюю юбку, иногда подкладывала клок сена и так и ходила до конца неловкого периода. У нее не имелось обилия одежд и тканей. И конечно, в этом доме не было слуг, которые бы делали за нее хоть что-то. Стирка одежды в ледяной воде сделала руки Любавы красными и грубыми. Ох, лучше бы Рёрик сразу ее прибил! В тысячу раз отраднее ей было бы покинуть земную сень, пав от любимой руки, чем жить с теми, кого она ненавидит.

Тяжелее всего Любаве становилось на закате. Однажды накотившее отчаяние оказалось столь сильно, что она, помышляя о смерти, отправилась к реке. Долго стояла в холодной воде и смотрела на рябившую гладь. И ничего-то у нее не вышло. Так и вернулась она на берег целая и невредимая, но промокшая и озябшая. А уже в доме она легла на жесткую лавку и зарыдала. Нестерпимо жаль ей сделалось саму себя. Слезы душили ее горло. В приступе она вдруг вскочила на ноги и стала биться о стену, рвать на себе волосы, заламывая локти.

На ее крик проснулась девочка. Любаве все время она виделась как сестра Лютвича, хотя та все же являлась племянницей. Девочка была одичалым ребенком, рано утратившим ласку родителей. Она обняла измученную Любаву и тоже заплакала. Любава заливалась слезами и уже ненавидела девчонку, но также и любила ее. Единственный союзник - и тот дитя!

Но вот послышалось кряхтение старухи. Задевая в темноте все, что попадалось на пути, она шла на плач. Грозно прикрикнув, карга прекратила разом все страданья, отправив обеих спать.

Глава 7. Тайный отпрыск

Май выдался жарким. Казалось, лето будет душным и знойным. Но ожидания не оправдались, как случается нередко. Вторая декада июня тянулась к завершению, а вместе с ней пошло на убыль и тепло. Даже для благодатного побережья Босфора было непривычно зябко – холодные ветра ревели в воздухе, словно голодные злые духи. На волнах крошечной бухты, будто спящие в люльке младенцы, покачивались боевые ладьи русов. Небольшие по сравнению с высокими греческими триерами, эти кораблики, однако, были вместительны и проворны. К долбленному из дерева корпусу прикреплялись доски, таким образом, борта увеличивались вместе с грузоподъемностью суден. На них могли уместиться около трех дюжин человек, а также снаряжение и добыча. И вот теперь гавань пестрила множеством разноцветных парусов.

- Мы пришли к чужим берегам не за поживой! - голос Гостомысла гремел на взгорье, словно тяжелый колокол. У подножия холма собралось войско, внимающее своим предводителям, коих было несколько. Последним держал слово хозяин Новгорода и глава похода. - И хотя все знают, что в Царьграде несметно сокровищ и злата... Но мы захватим их не из алчности. А дабы наказать предателя, сперва назвавшего себя нашим другом, а потом вонзившего нож в нашу спину! Справедливость должна восторжествовать! - Гостомысл поднял ладони вверх. Одобрительный гул голосов разбежался по войску, словно раскаты грома перед бурей. - К сумеркам этого дня мы встретимся с нашим врагом: подлым, сильным и коварным. Заставим сей град убоиться наших разящих клинков более гнева самих богов! - длань Гостомысла указала на юго-запад, где в нескольких часах хода раскинулся Константинополь. - Пуцай надменный император и все его заевшиеся подданные молят нас о пощаде. И проклинают тот день, когда свершили измену, в тайне поддержав нашего супостата! Греки помогли хазарам построить на Дону неприступную белую крепость – Саркел... - напомнил Гостомысл суть обид. - Твердыня эта теперь давит нас с юга. Настанет день, мы обратим и эту вражескую постройку в пыль. Ее засыплет пеплом и поглотит водой. А сегодня же пусть падет столько греков, сколько камней в окаянной цитадели, построенной их предательской десницей! - после слов Гостомысла толпа загудела в возбуждении. - Но не только за эти неуместные сооружения мы накажем врага. Испуская последний вздох, грек вспомнит лица тех наших соотечественников, что были им тут несправедливо осуждены и насильно обращены в рабство, принуждены гнуть спину на этой чужой земле! За наших братьев мы рассчитаемся сурово. Мы научим греков так, что даже одного руса они впредь поостерегутся обидеть, зная, что за ним придет целое войско! Сегодня мы явим противнику наше единство, которого он так опасается! Ослабленная ладонь станет кулаком и достигнет цели!

Раздался радостный рокот. Воинам понравилась речь Гостомысла, и они выражали это всем своим видом, вопя и потрясая оружием. Впрочем, были и такие, кто ставил под сомнение услышанное.

- И когда была построена эта белая крепость, про которую говорит Гостомысл? - вполголоса спрашивал один из воинов своего соседа, пока толпа бесновалась, размахивая копьями и мечами.

- Да тебе-то что?! Когда построена – тогда построена! - отвечивал сосед любознательного воина, отирая рукавом нос. - Главное, что они помогли нашему супостату! Это все равно как если б твой сосед прикормил волка-людоеда возле твоего дома! Какая разница, когда он там ему кости сносил, если волк в итоге у ворот и рвет твоих детей!

- Но ведь будет наказан не сам император, а жители... В чем тут справедливость? - вновь усомнился первый воин.

- В данном случае это одно и то же, - второй воин сжал копьё в руке. Ему уже не терпелось прыгнуть в ладью и устремиться к Царьграду, даже не подозревавшему, что за буря надвигается на него. - До самого императора нам не добраться... А ответить за подлость кто-то должен!

- А что еще за пленные, которых поработили? - первый воин тоже стал потихоньку готовиться к бою. Поправил краги на руках и принялся утягивать ремни, на которых держались нехитрые доспехи.

- Да Велес их знает... Какие-то наши соотечественники, которые вкалывали у греков, кажется... - второй воин не мучил себя изучением подробностей. - А потом из свободных людей превратились в бесправных рабов. За незначительные долги их поработили вроде...

- Возмутительно...

- Тебе о том и говорят! - рявкнул второй воин, не желающий влезать в дебри. Его простой натуре все было ясно, ее не терзали сомнения.

- И кто эти соотечественники? Наши? Из Новгорода?

- Да тебе-то что?! Наши. Или их. Из Новгорода. Или из Изборска. Или из Полоцка, Киева, Мурома! Мало ли городов славянских?! Какая нам разница?! Я лично этих бедолаг не знаю. И иду к Царьграду не из-за них!

- А из-за чего же?.. - поинтересовался первый воин, которого звал благородный долг и только он. Он желал спасти поработенных братьев.

- Ты слушал, что говорили князя вначале?! Все богатства врага – нам достанутся! - сей воитель несильно верил в высокие речи вождей.

- А им самим, сиречь князьям, тогда что? - вконец запутался первый воин.

- Да тебе-то какое дело?! Главное, следи, чтоб самому мимо поживы не пройти!

- Крепость – понятно, соотечественники в неволе – тоже ясно. За все это мы подойдем к смерти. А чего тогда здесь вон те делают? - первый воин указал в сторону обособленной группы бойцов, раздетых в доспехи, выделанные из лучшего материала. Было видно, что это опытные воины, а не просто любители схваток, наспех облачившиеся в сомнительный боевой костюм собственного домашнего производства.

- Это наемники с Варяжского моря пригребли! Растолковывали же нам! Вроде они в этом бою нам аки братья! Хотя на самом деле это не так. Они тут не за обиды, нам нанесенные, мстить пришли. Заплатили им, вот они и здесь! За ними, кстати, в оба гляди: на нашу добычу положат глаз, зуб даю!

- Морды у них какие у всех зверские... Искромсанные да покарябанные, - подметил первый воин, поглядывая на дружину варягов.

- Это потому, что они больше ничего не умеют, только мечом машут. А в таком деле морда первой страдает. Это тебе не за плугом ходить, сам осознай!

- Они хоть речь князя понимают или просто для вида слушают? – поинтересовался первый воин.

- Да тебе-то какое дело?! Какие-то понимают, какие-то нет! Но слушают, не орут, и уже хорошо, значит!

- Надежа, ты обяжись... Если меня убьют сегодня, прочти молитвы над моим телом, дабы боги проводили меня в Ирий... - первый воин был готов к любой участи.

- Да не до тебя с твоими молитвами там будет! - гаркнул Надежа. - И не о том мыслишь, вообще! Надо думать о победе! А главное, когда высадимся на берег – не зевай, как сейчас!

- Ладно... - сдался первый воин, нахлобучив на голову шлем.

Войску было приказано погрузиться в ладьи. Впереди ждал самый короткий, но самый важный отрезок пути.

****

- Великолепный Царьград... Колыбель благоденствия... - жуя упругий сыр, разглагольствовал Бойко, оперев стопу в лавку, где работал веслами один из двух гребцов. На маленьком

судне не имелось места для прогулок. Все жались друг к другу, несмотря на простор за бортом. А в туманной дали белел Царьград. От флота русов его отделяли всего несколько часов хода и сотни молитв жителей, уже заметивших приближающегося неприятеля. Сигнальные огни полыхали на стенах, предупреждая об угрозе, но были не в силах остановить ее. - Не впервые мы видим эти высокие стены... Столь же неприступные, сколь и прекрасная юная дева...

- Эти стены куда более неприступны, чем та дева, которую ты теперь вообразил... - подошедший Гостомysl, похлопал по плечу старого соратника.

- Тебе легко говорить... Для князя не существует неприступных дев, - хихикнул Бойко, отхлебнув водицы из ковша.

- Это верно, это верно, - усмехнулся Гостомysl, голова которого в действительности была занята иным, нежели девами. - А впрочем... Даже в моей судьбине была неприступная дева...

- Не утешай, не надо, - шутливо усомнился Бойко. - Этаким вракам инда я не поверю...

- Это правда... - облокотившись на борт корабля, Гостомysl устремил задумчивый взгляд в синие волны. - Я тогда еще не был князем. И борода моя начала пробиваться лишь...

- А, ну так бы сразу и сказал, теперь верю... - рассмеялся Бойко столь весело, словно находился на пиру, а не в боевой ладье. - Вот... Отведай... У варягов взял... - Бойко протянул Гостомysлу кусок сыра. - Не знаю насчет того, какие они воители... Но сыр у них отменный... И правда, в дорогу ничего сытнее не придумать... Теперь главное, чтоб не удрали на подступах к Греческому Царству, - утерев масляный рот широким рукавом, Бойко решил вернуться к первоначальной теме обсуждения. - Итак... Для нас все же главное, чтоб эти стены не оказались столь же стойки, как и та твоя дева!

- Вообще, моя дева сдалась, - сообщил Гостомysl, любуясь приближающимся градом. - Но в итоге это я стал ее рабом, а не наоборот...

- Эх, разве можно тебя осуждать, - захихикал Бойко. - Нежное женское тело делает любого достойного мужа бестолковым и слабым!

- И доверчивым! - почему-то добавил Гостомysl.

- И безвольным! - Бойко был рад порассуждать о чем-то приятном, например, о девах, а не о битвах и подготовках к ним. За дни, что воители добирались до Константинополя, военная тема наскучила старому дружиннику. К тому же она подогревала тревоги, что нехорошо перед ответственным часом. - Ты не рассказывал мне, старый друг, об этом твоём приключении...

- Я о многом не рассказывал тебе... - повертев в руках кусочек сыра, Гостомysl закинул его в рот.

- Да, ты всегда полон внезапностей! Так куда делась властительница твоего сердца?! - Бойко протянул другу ковш с водой, дабы тот мог запить сытную снедь. - Немного солоноват. Но, наверное, так и должно быть... Ну так?! Где она?!

- Отец тогда на семь лун отправил меня в Киев к его младшему брату, моему дяде... Однако вернулся я только через семь лет... Семь долгих лет для нее. И семь легких лет для меня. Я жил у дяди и не тужил. А когда вернулся... На месте ее жилища раскинулось пепелище, - вспоминал Гостомysl, руша надежды Бойко на продолжительный сказ. - Кстати, не так давно я узнал, что ее дом сожгли по приказу моего отца... - внешне Гостомysl оставался нерушим, как если б пересказывал чужую историю. И все же в его глазах пряталась грусть.

- Прости, что разбередил старые раны лишь любопытства для... - Бойко больше не хохотал, вопреки обыкновению.

- У каждого из нас есть своя печаль, - кивнул Гостомysl, отламывая кусочек сыра от ломтя, который держал Бойко. - Итак, если уж говорить о стенах Царьграда... То я вижу не стены... - Гостомysl решил сменить тему беседы. - Я вижу развилку.

- Развилку?! - сдвинул брови старый дружинник. - Тогда уж не развилку, а, скажем, шумный базар, обнесенный канавой, болотом и грудой булыжников! Ха-ха!

- Нет, именно развилку... - покачал головой Гостомысл, не сводя серьезных глаз с алеющей в закате полосы горизонта. - Пойти на Царьград и... Взмыть на крыльях победы... Или утонуть в позорном море поражения...

- На этой развилке мы уже давно повернули в сторону первого пути... Мы не ринулись бездумно на Царьград, а дождались случая, позвавшего императора на восток... - напомнил Бойко. - И кстати... Михаил стоял с нами на той же развилке. И побрел тропой поражения, уведя войско защитников из стольного града...

- Мы можем лишь предполагать, что все делаем верно. Но порой соперник оказывается непредвиденно стоек. Чтобы победить - нужно опасаться врага, как если бы он был разбуженным голодным шатуном. А не мнить его хлипкой букашкой. Учитывай, что их корабли гораздо мощнее наших. Борта их высоки, и из-за них то и дело летят копья, стрелы и раскаленные горшки с какой-то полыхающей дрянью...

- От всего этого мы закрылись бы щитами, как обычно! - весело возразил Бойко, словно описываемые действия были чем-то наилегчайшим для выполнения. - А потом пробили бы днища греческих корыт таранами! А затем наслаждались бы видом тонущего врага, захлебывающегося в водах собственного залива!

- Но сперва понесли бы немалые потери среди наших воинов...

- Ну ладно, никто и не говорит, что греки – букашки! - сдался Бойко. - Однако именно поэтому мы идем на Царьград только сейчас, когда тут нет ни их флота, ни армии. И к тому же с нами наши боги! Они заострили наши мечи праведным гневом возмездия. Перун не позволит нам пасть!

- И у этих стен есть свой могущественный Бог, - резонно заметил Гостомысл.

- Но Он один, а наших богов много! - рассмеялся Бойко, смахивая ладонью крошки за борт кораблика.

- Тебе все смешно, - неодобрительно покачал головой старый князь. Хотя на самом деле он потому и ценил Бойко, что тот непрерывно развлекал его получше любого шута. Да, Бойко умел повеселить даже во время серьезной беседы. Был верным соратником. Смел и смекалист. - Как бы там ни было, это не война богов. Эта наша война: людей. Но я боюсь проиграть не оттого, что меня страшит смерть...

- Ох, смерть меня уже, вообще, не страшит. Спина и колено порой болят столь нестерпимо, что я готов сам себе отрубить голову, - рассмеялся Бойко, несколько раз ударив ребром ладони по своей шее. - Мы прожили добрую жизнь, друг мой, в ней было все... - Бойко с довольной улыбкой оглядел плывущие над головой облака, грудящиеся друг над другом причудливыми фигурами. - Умирать не хочется, не стану отрицать. И все же умирать сегодня не так обидно, как, скажем, лет тридцать назад... Не так обидно и не так волнительно. Ведь о своих домах мы позаботились: наши детища не останутся в нищете. Их ждет достойное будущее.

- Ты позаботился о своем доме, это так. Но я же поставил свой на край горы с осыпающимися склонами... - было видно, что нечто невысказанное тяготит князя.

- Даже если мы не достигнем целей, и Царьград окажется львом, а не придавленным мышонком, это не будет крахом. Новгород процветает. И пушай казна оскудела, но мирные соседи – уже само по себе богатство, - неунывающий Бойко видел в любом деле всегда только самое лучшее, опуская менее радостные подробности.

- Мир с соседями сегодня есть, а завтра уже нет. Его надобно поддерживать, как священный огонь на капище... - вздохнул Гостомысл. - К тому же сильному не нужно согласие со слабым. Мы не должны терять мощи, токмо так с нами будут считаться... И я не уверен, что Есений окажется столь бережлив, чтоб не развеять по ветру то наследие, которое останется после меня.

- Есений – хороший юноша, - заступился незлобивый Бойко.

- Возможно. Но дабы княжество не сгнуло вслед за мной, необходим сильный преемник, а не просто «хороший юноша»...- Гостомысл часто гнал от себя сомнения в отношении младшего сына, но они точили его сердце даже тогда, когда он не говорил о престоле. - Он не готов к этому бремени. Я сам виноват, что не учил его, как полагается. Я все свои чаяния возложил на его старших братьев. И теперь, когда боги отняли у меня сыновей, я понимаю, что наказан самой суровой карой. Скажу только тебе одному: иногда в тиши вечернего сада я смотрю в небо и молюсь о том, чтобы мой град жил много веков после меня...

- Так и будет! - уверенно ответил Бойко. - И Есений справится, - ничего другого Бойко не мог теперь сказать. - Ему придется. Иного выхода нет.

- Вообще-то, есть, - на устах Гостомысла вдруг образовалась таинственная улыбка. - Я не говорил тебе прежде... У меня есть еще один сын.

- Еще сын?! - вскрикнул пораженный Бойко, который даже не допускал такой возможности и в мыслях.

- Ну, тише ты, - усмехнулся Гостомысл, приложив к губам указательный палец. - Всем хорош мой тайный сынок. И с оружием управляется ловко, и стать в нем благородная, и отвага. Но только не быть ему князем...

- Почему это?! - взбодрился Бойко. Но на его вопрос ответа не последовало. Гостомысл молчал. - О нет...- помощник князя, сдвинув густые взъерошенные брови, пытался сам постичь причины. - Надеюсь, тот мужик, который воспитал его – это не я?! - пошутил Бойко, догадавшись отчего имя отпрыска содержится в секрете.

- Спи спокойно, это не ты, - Гостомысл по-приятельски хлопнул Бойко по плечу.

- Успокоил... Ну так... Он здесь? На корабле?! На кого ты глядишь?! - Бойко тут же взялся проследить за взглядом Гостомысла, но старый князь уже вновь смотрел на синюю морскую рябь.

- Да, как и положено сыну, он со мной в этом походе. И он всегда был на моих глазах. Я видел, как он растет и крепнет, но не смел подойти к нему ближе, чем на дюжину шагов. Это все, что я могу сказать тебе, - подмигнул Гостомысл своему старому другу.

- Я его знаю? Сколько ему лет?! Как его звать?! - любопытство снедало Бойко. - Он из уважаемой семьи?! Он сирота или его родители еще живы?!

- Его родители еще живы. И у него есть младший брат – тоже «хороший юноша», как ты изволил выразиться... Нет, не смотри на меня так: тот второй – не мой, - посмеялся Гостомысл.

- Слава богам, - с нарочитым облегчением выдохнул Бойко. - А то мне уже стало жалко того приемного папашу... И так... Тот второй – тоже с нами в походе?! Он здесь, на борту?! Нужно искать двух братьев...- Бойко уже стриг глазами княжескую ладью, а также те кораблики, что были поблизости или шли с ней вровень.

- Ха-ха, нет, тот второй в Новгороде. Он пока еще паренек, а не мужчина, и не должен уходить из дома, - Гостомысла забавляло то, как оказался заинтригован его соратник. - В любом случае теперь забудь то, о чем я тебе поведал...- на сей раз старый князь не смеялся.

****

Золотой Рог нежилась в лучах заходящего солнца, когда на горизонте показалась черная туча. Множество кораблей стремительно приближалось к мирному берегу, по которому еще в полдень беззаботно бегали детишки.

Прожорливой волной русы хлынули на столицу Греческого Царства. И хоть сам город был укреплен, его процветающие окрестности оказались беззащитны. Нападение явилось неожиданностью для жителей, не готовых ни сражаться, ни бежать.

****

Над головой Гостомысла чернела пропасть звездного неба. Но вокруг князя было нетемно. Огни пожаров казались ярче солнца. Крики и плач растревожили эту ночь. Столь оживленно здесь прежде бывало лишь в дневные часы.

Заложив руки за спину, старый князь ступал по дороге, по сторонам от которой полыхали домишки. Его взгляд остановился на лице какой-то молодой гречанки. В слезах прижимая к сердцу заливающегося плачем младенца, она что-то лепетала на своем языке, обращаясь к косматой тени с мечом в руке, нависшей над ней и ее малышом.

Но жестокий воин не внял мольбе и замахнулся. Однако его мощная длань была остановлена.

- Пожалей. Тебя же просят, - Гостомысл придержал запястье варяга, возвышающегося над женщиной с ребенком.

Варяг ничего не ответил. Возможно, не знал языка, на котором к нему обратился князь. А может, не посчитал нужным противоречить. Сплюнув, воин развернулся и пошел к следующему дому.

- К чему сие показное милосердие? - прозвучало за спиной хозяина Новгорода.

- Это не милосердие... А здравый смысл, - спокойно ответил Гостомысл, не сводя взгляда с полыхающей крыши какого-то сарая. - Женщина и ребенок не представляют опасности. И нечего тратить на них время, пока имеются более опасные противники.

- Женщина и чадо – самые опасные противники, - возразил тот же непримиримый глас. Это был суровый предводитель литвинов, Валдас Изок. - Ребенок – это будущий муж. Он вырастит и сделается тем опасным противником, о котором ты глаголешь... А его мать нарождает ему братьев, которые встанут вместе с ним!

- Ты слишком кровожаден, - из уст Гостомысла замечание прозвучало несколько снисходительно. Ему всегда не нравился этот один из самых дальних его соседей. - Не будь столь ярим. Может, и твою дочку пожалеют однажды...

- Не пожалеют. Посему и я не пожалею ни того врага, что на коне, ни того, что в колыбели, - отрезал Валдас Изок. - А кстати, не ты ли призывал наше войско разить греков без жалости?!

- Это всеконечно, я, - кивнул Гостомысл. - Но каждый воин сам определяет ту грань, которую не станет переступать.

- Это для твоего воина есть грань. А для моего нет! - хорохорился Валдас Изок, оправдывая жестокость своего свирепого войска.

- Мое дело – вдохновить на победу. А уж ее цену каждый выберет сам, - подмигнул Гостомысл. Он не впервые видел зарево чужих пожарниц и разбегающихся в страхе жителей. Он знал это горе. Но не упивался им. Его не захватывало то всемогущее безумие, когда чужая жизнь оказывалась в его руках.

****

Гостомысл понял, что задремал в своем походном шатре, лишь тогда, когда звонкий голос помощника выдернул его из сонной неги. Подняв голову, князь огляделся, пытаясь определить, которое нынче время суток.

- Ужели утро, Горыня? - зевнул хозяин Новгорода, потирая седую бороду.

- Вечереет, княже, - отозвался слуга. А потом заговорил тише, - тут такое дело... В гавани стояло несколько торговых кораблей. Их захватили. Но они не греческие...

- А чьи же? - вновь зевнув, Гостомысл потянулся. Спина и шея затекли, хотя спал он недолго. Первые дни осады самые трудные. Не время сладко почивать.

- Пока не знаю... Но варяги уже расценили эти суда как добычу...

- Расхитили? - поинтересовался князь, протягивая изрытую морщинками длань к корзине, где грудилась еда.

- Всех переубивали. А корабли захватили... - пояснил слуга.

- Пригласи ко мне Сверре, - распорядился Гостомысл, отломив ломоть хлеба, добытого наемными кем-то для своего князя. Тут же ему представилось дерзкое лицо предводителя варягов – Сверре. Молодой заносчивый тип, который и родную матушку пришьет, если посчитает, что сия мера необходима. И вот с таким человеком пришлось идти в поход. И с ним же при-

дется договариваться. Хотя, кажется, обо всем условились заранее. На берегу, что называется. Никого не трогать, кроме греков. По крайней мере, не получив на то разрешения предводителя, коим вроде считается Гостомysl. Хотя на деле тут каждый сам себе воевода. И все же... Разграбив чью-то дырявую посудину, можно поставить под удар не одно княжество! Но хаму-варягу до того дела нет, разумеется.

****

Густые сумерки окутали землю. Объятый легкой дымкой берег подрагивал под храп усталого войска. Но не всех сморил ночной сон. Некоторые персоны позволили себе отдохнуть в обеденные часы, тем самым освободив вечер. И теперь разложенные по кругу костры облизывались жгучими языками пламени, освещая сход.

- Сколько еще нам тут сидеть?! Не сегодня так завтра вернется император с войском, - гневился Валдас Изок. - Мы должны успеть отчалить до этого события!

- Мы, и взаправду, рискуем... Каждый последующий рассвет может обернуться для нас потерей добычи и новыми схватками... - поддержал глава Полоцка.

- Тихо, тихо, - Гостомysl потряс ладонями, призывая князей успокоиться. Пока утомленное воинство дремало под звездами, командование вело оживленные споры о дальнейшей судьбе похода. Гостомysl умышленно устроил собрание в поздний час. Он не желал, чтобы рядовые слышали распри вождей. - Если все вы позабыли, то я напомню. Мы не уйдем, пока не получим от греков более, чем просто добычу. Нужно соглашение, обеспечивающее нам всякого рода благоприятствия...

- А если греки не заключат с нами мира? - сдвинул брови владыка Киева.

- Заключат, брат. Куда же они денутся, - усмехнулся Гостомysl. Его уверенный взгляд вселял решительность и в окружающих. - А посему, дабы это произошло скорее, мы должны продолжать приступ Царьграда.

- Мы уже третью седмицу делаем подкопы и воздвигаем насыпи к стенам, - напомнил Изяслав из Изборска. Этот князь слыл осторожным и расчетливым правителем. Его город был хоть и не самым большим, но зато одним из преуспевающих.

- Все верно, нам следует продолжать и подкопы, и насыпи, - подтвердил Гостомysl, понимающий, что должен найти как можно больше общего в тех, кто разрознен. И начинать следует со слов и рассуждений. Соглашаясь, а не опровергая.

- Ты можешь продолжать, а мы уходим! - рявкнул Валдас Изок, коего волновала сиюминутная выгода, и которую он уже получил. Дальнейшее его не беспокоило.

- Ну, разумеется, ты можешь идти... - Гостомysl никогда на людях не расставался со своим степенством. Хотя на самом деле каждый миг ощущал себя как на раскаленной печи, готовой вот-вот рвануть. Между князьями не водилось согласия. И он, конечно, не был над ними главным. Он являлся теперь лишь отцом похода, которого никто не слушался, если не имелось веских причин. - Твои люди разорили множество монастырей и церквей. Их котомки трещат от количества золотых чаш и прочей ценной утвари. Ты получил, что хотел. А мы все останемся, дабы завершить начатое. Добиться мирного соглашения на наших условиях... Мы заставим греков уважать наш славянский народ.

- Пока мы изображаем бурную осаду и ждем переговоров, идет и время, - подчеркнул практичный Ярополк, защитник Полоцка. - В город может вернуться греческая армия. И заявляю - я также отплываю со своими людьми вскоре.

- Ты тоже можешь отплывать. Однако я советую тебе задержаться, друг мой, - напоказ прощаясь и с этим князем, Гостомysl в действительности осознавал, что если хоть один его соратник свернет шалаши, то под ударом окажется все начинание. Грек увидит, что враг снимается и уже не будет щедр при заключении мира. - Не сегодня так завтра нам пришлют переговорщика, который будет умолять нас о мире... На наших условиях, вестимо...

- Может, мы сами должны отправить переговорщика?! - осенился мыслью хозяин Ладоги.

- Но к лицу ли нам это? - засомневался правитель Ростова.

- Не к лицу, брат, ты прав, - согласился Гостомысл. - И мы не станем никого отправлять. Греки сами придут к нам и сами попросят о мире, - невозмутимо повторил Гостомысл. - Наша задача напугать их zelo сильно. Пусть слагают легенды о нашей свирепости... И пусть не сомневаются в том, что города им не отстоять.

- На кой ляд нам их город?! - проснулся дремавший до сего момента князь Белоозера. - Если мы его разрушим, то с кем будем торговать?!

- Мы не будем его рушить, - подсказал Изяслав очнувшемуся владыке Белоозера. - Токмо создадим видимость опасности...

- А буде греки вообще не напугаются нас?! - протестовал Валдас Изок.

Споры разгорелись с новой силой и велись в основном вокруг одной и той же темы. Кто-то предлагал поскорее убраться, удовольствовавшись лишь добычей. Кто-то настаивал на выгодном мирном соглашении, но таких было меньше. В разгар очередной словесной перепалки к уже порядком растревоженному Гостомыслу подошел Бойко и, склонившись, что-то прошептал тому на ухо.

- Князья... - Гостомысл несколько раз хлопнул в ладоши, дабы привлечь внимание к своей речи. - Всех нас беспокоит то, о чем сейчас думает наш враг. И мы немедленно узнаем его мысли. Но прошу вас, проявите терпение. Мы не должны предстать пред нашим неожиданным гостем разрозненными крикунами...

В ночной мгле вырисовались неясные силуэты. Двое дружинников вели под руки нарядно одетого мужчину. Он не пытался вырваться, не кричал и, возможно, шел бы самостоятельно, если б ему позволили.

- Синьор Флавио - знатный человек, купец и советник дожа Венеции... - представил гостя Бойко.

Участники совета принялись перешептываться, с недоверием поглядывая на пришельца и оценивая его богатый наряд.

- Я помню о Венеции лишь то, что там варят соль! - с самодовольным и одновременно возмущенным видом сообщил Валдас Изок. - Зачем нам нужен на нашем совете этот чужак?!

- Прошу, Синьор Флавио, - не обращая внимания на ворчание своих собратьев по оружию, Гостомысл жестом указал на свободное место возле костра, приглашая гостя принять участие в беседе. Расторопный слуга тут же положил на землю кусок шкуры, на которую затем усадили венецианца. - Не бойтесь нас, Синьор Флавио... - продолжил Гостомысл на языке гостя, чем немало подивил присутствующих. Никто из них не говорил на венецианском наречии. - Итак... Вы действительно советник дожа?

- Иногда помогаю ему в вопросах торговли... - уклонился от прямого ответа гость, опасливо оглядываясь по сторонам.

- Как же получилось так, что вы оказались захвачены, Синьор Флавио? - продолжал Гостомысл допрос, пока остальные с любопытством разглядывали новое лицо.

- Я тайно покинул город, хотел вернуться в Венецию... - ответил гость. Он пытался казаться солидным и важным, но было видно, что его пугает то положение, в котором он очутился.

- На чем? На жар-птице? - пошутил Гостомысл.

- Я не ожидал, что мои корабли уже захвачены... - на самом деле Синьор Флавио опасался этого, но надеялся, что, тем не менее, его суда, груженные товаром, каким-то образом уцелели. Поскольку потерять за раз столько ценностей для него было сравнимо лишь с потерей головы.

- Все суда захвачены! - рявкнул Валдас Изок, которому не понравилось упоминание о кораблях, у которых нашелся хозяин. Невзирая на то, что предводитель литвинов не понимал слов гостя, он сразу смекнул, о чем речь, поскольку тот жестикулировал и несколько раз указал в сторону моря, где качались на волнах суда.

- Разделите с нами вечернее винопитие, Синьор Флавио...- предложил Гостомысл, попутно приказывая слуге подать гостю чашу.

Вино, взятое в монастырях Византии, было ароматным и крепким. Никто из присутствующих не считал нужным разбавлять его водой так, как полагалась в обычных обстоятельствах. В какой-то мере именно это расточительство помогло развязать язык сконфуженного гостя. И уже вскоре он разговаривал с Гостомыслом много свободнее, а глаза его заблестели от выпитого.

- Вчера на проповеди патриарх Фотий сказал, что город окружен варварами...- вспоминал гость, делая очередной глоток напитка, помогающего ему преодолеть страхи. - Однако я представлял варваров иначе...

- Для нас нет ничего оскорбительного в слове «варвар», Синьор Флавио... Так греки называют тех, с кем не могут договориться, кто сильнее их и кого они опасаются... Для нас же это слово означает отвагу, - Гостомысл вел речь от лица всех присутствующих. Он умышленно говорил на венецианском языке, поскольку остальные не знали последнего. А значит, не могли влезть в беседу и уж тем более контролировать ее. Видя, как нетерпеливы его соратники, мудрый Гостомысл решил попросту не дать им возможности проявить себя взбалмошными и неуправляемыми. - Синьор Флавио, вы видите опустошенные и обезлюдевшие земли окрест вас. Это сделали наши руки. Но не мы ответственны за это беду. К сожалению, на этот шаг нас толкнули греки.

- Мне это ведомо...- неожиданно согласился гость. - Вчера на проповеди патриарх Фотий призвал жителей города к покаянию и молитве. Среди прочего он назвал сей набег «народа от краев земли» карой небесной. Город погряз в грехе и беззаконии...

- Неужели? - удивился Гостомысл. - Разумные слова из уст мудрого человека. Который отчего-то не желает договориться с нами.

- Как это «не желает»? - гость поперхнулся напитком. Откашлявшись, он продолжил. - Желает. Разумеется. Но кто может вести такие переговоры в отсутствии императора?

- А император разве не в городе? - изобразил показное удивление Гостомысл.

- Нет, он не в городе. Но ему отправили гонца, - проговорился гость.

- Кто же защищает город?

- Патрикий. Никита Оорифа, - гость вновь отхлебнул вина. - Храбрый человек. Он получил свой титул от самого императора, поскольку одержал множество побед для империи...

- Если Никита Оорифа столь храбр и искусен, странно, что он до сих пор еще не здесь...- схитрил Гостомысл, пытаясь выведать истинные причины промедления греческой стороны.

- Силы в городе совсем небольшие, - вздохнул гость. Они едва ли сгодятся для обороны. Их не хватит и для успешной вылазки. Так что храбрость тут бессильна.

- А быть может, патрикий не видит опасности для города, потому и не идет к нам навстречу.

- О нет, он видит! - заверил гость. - Городом завладели страхи. Люди напуганы. Молятся целыми днями. Патриарх Фотий пытается успокоить и приободрить население, но это почти невозможно.

- Коли патрикий и Фотий не могут сражаться, то отчего же они не попытаются спасти свой город иным путем... Хотя бы переговорами... Зачем не пришлют к нам посланника?

- Посланника? Императора нет на месте, чтобы высочайшим указом назначить такого человека. А никто из знати не решается выступить в качестве посла добровольно...- выразил свое мнение гость.

- Это почему же? - Гостомысл сдвинул брови. Неужели переговоры затягиваются лишь оттого, что никто не осмеливается покинуть осажденный город? А тем временем, чем дольше греки сомневаются, тем более неуправляемым становится сей набег. Того гляди, князья стоворятся да и отбудут от этих стен, оставив повелителя Новгорода одного на чужих берегах.

- В городе полагают варваров нещадными и жестокими. Особенно после того, как в жертву их кровавым богам были принесены захваченные пленные, - вспомнил гость.

- Ах, да, - для порядка согласился Гостомысл, который хоть и слышал о таком эпизоде лишь мельком, но все же расценил его положительным. Стало быть, греки все-таки напуганы. В жертву и правда были принесены пленные. Сей ритуал затеяли варяги, которые пожелали умилостивить своих грозных богов. Гостомысл не стал спорить со Сверре, лично пролившим кровь греков на сооруженный наспех алтарь. Для несчастных пленников любой конец оказался бы печален. Вопрос состоял лишь в том, близок ли этот конец.

- К тому же, говорят, что разграблены и близлежащие острова...- продолжал гость. - Поговаривают, патриарх Игнатий, который был отправлен в ссылку на Принцевы острова, убит...

- Патриарх в плену у Сверре, - шепнул сообразительный Бойко на ухо князю. Друг Гостомысла так же, как и остальные присутствующие, не понимал речи гостя, но зато различил имя важного заложника. - Варяг полагает получить за него выкуп.

- Патриарх жив и здоров. Он наш гость, - сообщил Гостомысл венецианцу. - Мы не злодеи, Синьор Флавио. И избегаем бессмысленных жертв.

- Разумеется, - поддакнул гость, который в действительности считал напавших жестокими безбожниками. Впрочем, его мнение постепенно менялось.

- Мы поступим надлежащим образом, Синьор Флавио...- Гостомысл оглядел озадаченные лица князей, которые уже с трудом сохраняли молчание, хотя и не могли ничего добавить в этой беседе. - Мы отпустим вас, Синьор Флавио. Вы вернетесь обратно в город. Также мы даруем свободу и патриарху Игнатию...Благородные люди не должны умирать по ошибке и в бессмысленности.

- Благодарю, владыка, - гость был не только признателен, но и немало озадачен столь внезапной милостью.

Когда венецианца увели на достаточное расстояние, поднялся шум, которого Гостомыслу едва удалось избежать в присутствии свидетеля со стороны греков.

- Зачем ты его отпустил?! - возмутился всем недовольный Валдас Изок. - Мы могли получить за него выкуп! Хватит с меня! Завтра я отплываю! Коли ты решил, что можешь один тут править за всех!

- Не будь столь мелочным, любезный соратник, - усмехнулся Гостомысл. - Требовать выкуп за случайного пленника здесь к лицу лишь варягу. Мы не таковы.

- Честно говоря, я такожде не постигаю, к чему сии щедроты, - вставил свое слово прагматичный Ярополк. - И дело не в выкупе. Ты сказал, что нам следует ждать посланника мира. Но теперь мы его и вовсе не дождемся. Лучше уйти сейчас, пока не вернулся император со своей армией. Я также буду готовиться к отплытию на рассвете следующего дня...

- Не будем спешить, други...Задержимся еще на пару дней...- Гостомысл наконец позволил себе потянуться, дабы размять затекшие косточки. Это действие казалось непринужденным. Хотя в действительности старый князь ощущал, как поводья норовят выскочить из его рук. - Синьор вернется в город. В город, где, по словам Синьора, царит хаос и паника, кстати...Итак...Синьор вернется обратно в Царьград. Приведет с собой Игнатия. Расскажет о том, что мы не дикое племя, и с нами вполне возможно столкнуться...Напуганный Царьград пойдет на уступки более значительные, чем те, что сравнимы с нашей добычей...Мы получим не только золотые чаши и подобную мелочевку...Мы подтвердим наше славное имя, известное ратным искусством и справедливостью.

*****

Гостомысл стоял на палубе и любовался спокойными водами, сияющими на солнце. Море было тихим.

- словно сами боги благословили нас на обратный путь, - в своей привычной манере описал Бойко ясную погоду.

- Да, хорошее море...- подтвердил Гостомysl, вдыхая ароматный морской воздух. В такие моменты ему казалось, что он свободен от всех мирских забот и обязательств.

- Ты великий человек, мой князь, - Бойко гордился своим прославленным другом, который не только сумел сплотить князей на этот поход, но также удержал их всех под своей десницей. Из Греческого Царства корабли уносили с собой не только добычу и довольных воинов, но и выгодные соглашения о торговле и сотрудничестве. - Греки надолго запомнят «скифский» народ с «края земли»...Кстати, я все хотел спросить тебя...- Бойко понизил голос. - Я видел, что некоторые князья были готовы уплыть, бросив нас одних у стен града...Но все изменилось после разговора с помощником дожа...

- Он подросел крайне вовремя...- признал теперь уже Гостомysl.

- Так вот я хотел узнать...Ты владеешь венецианским?! - изумлялся Бойко. - Откуда?!

- Матушка Лады...Моей младшей дочери...- кивнул Гостомysl. И погрузился. Упомянутый ребенок прожил недолго.

- Ох...- вздохнул Бойко огорченно. Он и сам потерял нескольких детей, которых забрали болезни. - Итак...Значит, тебя обучила женщина? - Бойко решил увести своего князя от печальной темы в столь радостный день.

- Представь себе такое, - усмехнулся Гостомysl.

- Меня восхищает, что ты видишься с женами не для того лишь, чтоб получить потомство...- хихикнул Бойко. - Недаром тебя зовут Многоумным Гостомyslom!

- Мда, и все же надеюсь, еще какое-то время смогу не только о языках думать, но и о потомстве...- пошутил Гостомysl. Он хотел что-то добавить, но его взгляд вновь притянули волны.

- О чем ты задумался, мой князь?

- Все это время я не позволял себе отвлекаться на мысли о доме, - ответил Гостомysl, вздохнув. - Перед нашим выступлением Злата обещала мне сына...Но так и не получилось. Теперь, надеюсь, по возвращении все удастся...

- Конечно! Почему нет! - как всегда, жизнелюбиво отозвался Бойко. - Кстати...А что твой другой сынок?...- громкий голос Бойко сменился шепотом. - Тот, что...- вместо дальнейших пояснений Бойко соорил таинственную рожицу. - Уповаю, он не пострадал при атаке...

- Он здоров, - кивнул Гостомysl, улыбнувшись самому себе.

- Рад слышать...- Бойко оглядел корабль, словно пытаясь заприметить обсуждаемую личность. Но никто из воинов не был явной копией своего отца, чтобы привлечь к себе внимание старого дружинника. - Ты скажешь ему когда-нибудь правду?

- Никогда...

Глава 8. Девичество

Шелест листвы в танцующих кронах берез. Жаркие дни, но прохладные ночи. На родной земле всегда отрадно. Быть может, новый город пока не так укреплен, как некоторые другие поселения, но зато здесь все самое лучшее. Самый белый снег и самое яркое небо.

Дива - младшая из трех дочерей Гостомысла. С ее именем связаны упования семьи – красивая и смысленная – она принесет пользу себе и городу. Но это в будущем. А пока она лишь ребенок. Вдалеке от суеты лежит на опушке леса и мечтательно вглядывается в бескрайнюю синь. Княжну мало волнуют обыденные вещи. Ее ум чаще занимают отвлеченные вопросы. Добро и зло, звезды и небо, боги и легенды. Где-то в глубине кучных облаков, как говорят, находится обитель могущественного Сварога. Интересно, кто и как это выяснил?.. Ведь чтоб узнать наверняка, надо сперва взлететь к небу, наверное, на большой птице или при помощи крыльев, изготовленных из чего-то прочного и легкого. Либо можно построить терем до облаков. Если не забывать скреплять венцы, то он не должен обвалиться.

Теплый южный ветерок. Это Стрибог несет благоприятную весть от отца, Многоумного Гостомысла, ушедшего в далекие земли...

Не заметив того, Дива задремала. Трава в поле была высокой. Потому княжна не боялась, что повстречается тут с кем-либо. В таких зарослях ее непросто заприметить. Она нередко засыпала на ароматной подстилке из луговых колокольчиков, когда не хотела возвращаться домой, где ее зачастую ожидали упреки и грызня. Мира среди домочадцев Гостомысла не было.

Сон младшей дочери Гостомысла всегда был крепок. Однако на этот раз ей не удалось выспаться под колыбельную ветра. Чьи-то голоса разбудили ее. Сначала сквозь дрему она услышала какую-то возню. А потом и вовсе проснулась.

- Что ты наделал?! - послышался сердитый женский голос, который даже спросонья показался Диве знакомым. - Я же сказала, только не в меня! Недотепа!

- Ты также сказала, что нам нужен сын. «Наследник Гостомысла»! - напомнил мужской голос, который Дива слышала впервые.

- Но не сейчас же! - гаркнул женский голос. - Не сейчас же, когда князь в походе уже много дней!

- Может, он вернется завтра, - возразил мужской голос, затем послышалось зевание.

- А если через год? Надо сперва дожидаться его возвращения. Я не могу оказаться с животом в его отсутствие! Ужели это неясно?!

- Не сердчай, я же осторожно, - попытался утешить мужской голос.

Дива нахмурилась, узнав, наконец, хозяйку женского голоса. Это же Златана! Наложница отца. Сомнений нет!

В силу неопытности своей непорочной натуры, юная Дива не поняла половину из того, что обсуждали любовники. Однако одно ей все же стало ясно - надобно сообщить батюшке о том, что Златана была в поле наедине с каким-то мужиком! О боги, но князь же в отъезде... А поверит ли он такому сообщению о своей любимой женщине? Чтобы не усомнился, нужно знать хотя б, кто тот человек, который сейчас возле Златаны.

Приподнявшись на локте, Дива уже хотела высунуть голову из травы, но потом передумала. Она сама не знала почему. Просто решила не делать этого, а выждать. Пусть эти двое соберутся уходить, и тогда уж она распознает, кто есть кто.

Но замыслу княжны не суждено было претвориться в жизнь. Над простором уже летел чей-то скрипучий глас, выкрикивающий ее имя.

- Дива! Я сколько буду тебя искать! - раздалась вопли уже совсем близко от юной княжны. Они выплескивались изо рта худой высокой девушки. Бледное лицо пришельцы выражало недовольство. Впрочем, ранняя морщина на переносице говорила о вечном напряже-

нии хозяйки. Раздраженность чувствовалась в ее движениях. В самой походке крылось что-то беспокойное.

Велемира, старшая дочь Гостомысла. Ее мать умерла от какой-то болезни. Но сперва подарила князю двух сыновей и двух дочек – собственно, саму Велемиру и еще Росу. Сыновей Гостомысл потерял одного за другим не так давно, но бодрости духа вместе с ними не утратил. Велемира слыла примерной дочерью. Она была старше других детей Гостомысла. И считалась тем человеком, который во время отъездов отца присмотрит за сестрами и теремами. По крайней мере, так было до появления Златаны.

- Мне известно, что ты здесь! - злилась Велемира. - Вылезай из муравы!

Дива уже не знала, как и поступить. Изначально она полагала, что лучше сделать вид, будто ее тут нет. И таким образом все же довести дело до конца. Выяснить, кто те двое, что уединились в разгар летнего денька. Но тут на ее лицо пала тень – оперев руки в бока, над ней накренилась худощавая старшая сестра.

- Веля...- Дива старалась выглядеть степенной и уверенной, но в душе ей было не по себе под сверлящим взглядом сестры, которую она немного побаивалась.

- Зачем ты здесь, когда твое место в тереме?! Пойди и займись рукоделием, - Велемире не нравилось то легкомыслие, с которым ее сестра катит по жизни. Но еще больше ей не нравилось то, что окружающие считают это допустимым. Ведь если б кто-то из других девушек позволил бы себе подобное поведение, то оказался бы надолго заперт под замок. - Княжне не подобает гулять одной, тем паче вдали от дома! Ты же не челядь! Что скажут люди?! В горницу! Живо!

- Иду, - отряхивая юбки, Дива встала на ноги. Огляделась по сторонам, пытаясь увидеть в поле хоть кого-то, помимо них с Велемирой. Но ничего, кроме зеленого ковра, ей рассмотреть не удалось. А голоса голубков, разумеется, стихли. Слышался лишь шум леса, колыхающего листвой.

- Зачем вышла с княжеского дворища? - впившись, старшая княжна уже не хотела отпускать жертву. - А если тебя украдут? А затем потребуют выкуп? - Велемира дернула Диву за косу, чтобы привлечь внимание к своим словам. Старшей дочери князя показалась, что ее сестра рассеянна. - А вообще-то, с тобой много чего можно сделать. Сама должна соображать, не маленькая. Впрочем, может, для того ты тут и шатаешься одна?! Когда отец вернется, я все ему расскажу! Как ты постоянно шастаешь не пойми где и не пойми с кем! Я не буду больше скрывать твои проделки! - погрозила Велемира, попутно отмахиваясь от назойливой осы, которая прицепилась к ней, кружа перед самым ее носом.

Дива промолчала, хотя упреки ее задела. Ничего постыдного она себе не позволяла. Ходила на прогулки, как и все в ее лета. Только и всего. Скорее б вернулся батюшка! Без него оно, конечно, спокойнее: нет дополнительных поучений. Зато когда он в городе, Велемира тише травы.

- Немедля возвернись в терем! - голос Велемиры сорвался на визг. Для пущей убедительности княжна повелительным жестом указала младшей сестре в сторону изб. - Бегом, я сказала!

А в этот же самый миг в траве, всего в дюжине шагов от сестер, словно мыши под метлой, затаились Златана и ее возлюбленный - белобрысый детина с низким широким лбом и дюжими плечами.

- О, Макошь, спасай...- наложница Гостомысла зажала рот ладонью. - Дива была здесь все это время...- на сей раз Златана обращалась к своему спутнику, который возлежал возле нее в сомнительном облике. - Нельзя позволить ей заговорить... Она нас выдаст. Она не могла не узнать моего голоса...

- И чего делать надобно? - уточнил низколобый, потягиваясь.

- Сам как полагаешь?! - Златана вгрызлась взглядом в своего непонятливого любовника.
- О, боги... - Златана закатила глаза, выражая этим жестом презрительное осуждение. - Сделай так, чтоб мы больше о ней не говорили... Разве что помянули весной в праздник...

- Она же княжна... - застопорился низколобый.

- И что?! - еще больше озлилась Златана, попутно натягивая на себя рубаху. - Одно ее слово - и нас с тобой по костям разберут!

- А со второй что делать?! Ее сестрицей?! - низколобый понял, что Златана дело говорит. Нельзя тут сомневаться и надо поскорее покончить с опасным свидетелем.

- Уже ничего... Луд тебя побери! Они ушли... - Златана размахнулась и ударила по траве. Былинки отклонились в сторону от ее руки. - Медленно собирался... Гусеница - и та шибче!

- Тебе то быстрее, то медленнее подавай. Тебя не разберешь... - поддел детина.

- Повезло, что Гостомысла все еще нет... - не обращая внимания на сальную трепотню спутника, размышляла Златана вслух. - Но он может появиться в любой день. Мы не должны терять времени... Вдруг Дивка кому-нибудь разболтает?! Тебе ясно?

- Да понял я все... Как я токмо поймаю ее? - беспокоился детина, уже обряжаясь в шмотки.

- Я все устрою... - Златана откинула за спину роскошную волну золотых волос и поднялась, озираясь по сторонам. Вначале эта молодая женщина радовалась своему успеху при пожилom князе. Затем ей сделалось обидно, что ее красотой любитесь только старец. И, в конце концов, она нашла для себя выход из этого терновника душевных мук. - Сначала пойду я. Ты выжди. Сразу за мной не следуй.

****

Дива играла с кошкой в своем тереме, когда вдруг услышала негромкий стук в дверь. На крыльце ожидала Златана. Неожиданно приветливо улыбнувшись, наложница Гостомысла вошла в сени. Диве пришлось посторониться, чтоб не соприкоснуться с неприятной для нее женщиной.

- Я хотела предложить тебе... - начала Златана, осматриваясь в тереме княжны.

- Нет, не надо... Благодарю... - Дива уже полдня размышляла над положением, в котором оказалась. Но так ни к чему и не пришла. Будучи желторотым птенцом, малосведущим в житейских делах, она даже не предполагала, что кто-то может желать ей зла. Она ведь никому ничего не делала дурного!

- Но ты инда не знаешь, что я имею в мыслях, - Златана присела на лавку, оглядев стол, на котором лежал кусок какой-то плотной ткани, испещренной причудливыми рисунками. - Что это? Вышивка? - непринужденно поинтересовалась Златана. Обычно она не заходила к дочерям Гостомысла. Вскользь встречаясь с ними на улице, она чаще всего отворачивалась от них, как и они от нее.

- Карта... - нехотя ответила Дива.

- Какая карта?... - думы Златаны были полны только тем, как выманить княжну с дворища.

- Княжества... - Дива не была охотницей рукодельничать, хотя ей постоянно твердили о необходимости создания приданого. И все же пяльцы и прялка не особенно увлекали ее. Но коротать досуг как-то требовалось. Ей нравилось рассматривать карты отца. Также она любила читать хозяйственные записи, которые велись на обычной бересте, но бывали занимательнее узоров на рушнике.

- Пойдешь со мной на реку? - с улыбкой уточнила Златана, взяв на руки кошку. Та как раз собиралась шмыгнуть из дома, но наложница Гостомысла перехватила зверьку по пути.

- Я не умею плавать... - призналась Дива. - Так что мне неинтересно на реке...

- Не умеешь плавать? - изумилась Златана. - Надо непременно освоить сие. Я смогу научить тебя, если желаешь.

- Нет, не нужно... - отказалась Дива. Когда она была совсем маленькой, то упала в воду. Пока няньки вытаскивали ее на поверхность, она уже почти успела захлебнуться. Воспоминание о том эпизоде отпугивало ее от любых водоемов.

- Как это «не нужно»? - Златана чесала за ушком постепенно разомлевшей в ее руках кошке. - Очень нужно. Это твоя безопасность. Вдруг ты свалишься в реку или озеро? Или такое несчастье произойдет с твоим будущим ребенком, упаси Макошь... Ты должна уметь плавать на любой случай.

- Ну, я даже не знаю, - Дива смотрела на невозмутимое лицо Златаны и уже начинала сомневаться в том, что слышала именно ее голос в поле. Вдруг это ошибка? Мало ли на свете похожих голосов?

- Признаюсь, я пригласила тебя не для того, чтобы барахтаться на мелководье. Я хотела поговорить с тобой. Видишь ли... - Златана продолжала нежить в руках сонную кошку, которая уже не думала никуда убегать, убаюканная медовой речью гостыи. - Я знаю, что ты и твои сестры недолюбливаете меня. Одначе скоро мы станем семьей... Ваш отец женится на мне, как только вернется из похода, - приврала Златана. На самом деле, Гостомысл ничего такого не обещал. По крайней мере, в отсутствие наследников. - Это дело решенное. Поверь, у меня самые искренние чувства к вашему отцу и благорасположение к вам самим. Я не знаю, смогу ли убедить твоих сестер в том. Но вижу, что ты не такая, как они. Вижу, что ты не судишь пристрастно о человеке, которого не знаешь... Так ведь?

- Ну... Да... - растерялась Дива, которая, по сути, была еще доверчивым ребенком, хоть и потихоньку взрослеющим. Никогда прежде Златана не говорила со своими будущими падчерицами в столь доброхотном тоне. Обычно она лишь недовольно фыркала в их присутствии и жаловалась на них строгому родителю.

- Прогуляемся вдвоем. Я расскажу о себе. О моей жизни до того, как я оказалась здесь, в доме вашего батюшки. И ты увидишь, что я не такая дурная, как обо мне принято судить... - продолжала Златана мягко. - Я спрашиваю себя, где сейчас ваш батюшка, чем он занят и не забыл ли обо мне... Я чувствую себя зело одиноко, понеже здесь меня никто не любит... И я была бы очень рада, если б ты стала моим другом, коему я могу открыть сердце... - голос Златаны лился словно вечерняя песня. А кошка на ее руках уже совсем разморилась. Подергивая ухом, всегда осторожный пушистик теперь дремал на чужих коленях.

****

Дива стояла на мостике и смотрела вдаль на заходящее солнце. Отказавшись от уроков плавания, она не смогла совсем отринуть любезное предложение любимой женщины отца. «Не будем купаться, раз не хочешь. Полюбуйтесь закатом с моста», - предложила тогда Златана. Они условились встретиться на мостике, а потом вместе пройтись, дабы развеять дым былых разногласий. И вот сейчас Дива услаждалась видами в одиночестве: мать идеи поздних прогулок задерживалась.

Местечко и правда было живописное. Мостик перебежал глубокий, густо поросший крапивой овраг. На дне его поблескивала речушка. Обычно тут было неглубоко. Но в этом году вода поднялась после половодья и из-за непрерывных дождей последних недель. По обеим сторонам оврага высился лес. Деревья в нем были старыми и могучими. Их ветви тянулись друг к другу, будто для рукопожатия.

На улице смеркалось. Подул прохладный ветер. День выдался погожий, но к ночи, кажется, грядет ненастье. Дива крепче запахнулась в платок. И тут услышала шаги. Повернув голову, она увидела, что по мосту идет крепкий детина. Из-под низкого лба недобро блеснула пара глаз, однозначно устремленных на княжну.

Сначала Дива топталась на месте, засматриваясь красотами подступившего вечерка. Но, по мере приближения детины, они все меньше занимали ее. Причиной тому была веревка,

которая неожиданно возникла в руках пришельца. Будто подхлестнув ей в воздухе невидимого коня, незнакомец бросился к княжне.

Взвизгнув во весь окрест, Дива подхватила подола и помчалась по шаткому деревянному настилу, не дожидаясь того момента, когда веревка окажется на ее шее. Княжна не отличалась особенными способностями и бегала не лучше других девиц. Но сейчас у нее будто прибавилось сил. И все же расстояние между ней и нападающим неминуемо сокращалось. Как бы быстра и целеустремленна она ни казалась, детина был проворнее. Так она и внеслась в березняк – на всех парусах, в облаке воплей и опасений.

Преследователя и жертву уже разделяло лишь несколько шагов. И вдруг Дива резко изменила курс и юркнула за ель, что была по левую ее руку. Детина не успел последовать за ней. Тяжелая дубина со всего размаху засвистела ему по морде. Справа за сосной таился парень, вооруженный этим нехитрым, но надежным оружием.

Вопреки ожиданиям княжны, детина не свалился без чувств. Недаром веса в нем было почти столько же, сколько в диком кабане. Озверев от внезапной атаки, низколобий уже собирался броситься на неожиданного защитника младшей дочери Гостомысла. Но тут же получил какой-то палкой по спине и свалился на землю.

Детина был несилён в науках и умственных нагрузках. Но зато в схватках он кое-что смыслил. И сейчас он понимал, что ему одному не одолеть двоих парней с дубинами. Ну, или, по крайней мере, не одолеть без существенных потерь. Он бы легко справился с каждым из них по отдельности. Но не с двумя сразу. К тому же теперь уже ясно, что это спланированная засада... И атакующих может оказаться больше.

Вскочив на ноги, низколобий помчался наутёк, надеясь на то, что погони не будет. Но и тут он ошибся. Двое парней ринулись за ним.

- Его обязательно нужно поймать... - крикнула вслед удаляющимся Дива, потирая ушибленный локоть – она ударила обо что-то, пока убегала, даже не заметив обо что именно.

Ну, разумеется, злодея надо поймать. Это было в духе Дивы – подчеркивать очевидное. За покушение на княжескую дочку его ждет долгая и мучительная смерть. Какие бы причины ни подвигли его на сие действие, можно сказать, что он обречен. Это понимали все присутствующие, и особенно сам агрессор. И сие осознание придавало ему сил и скорости. Он понимал, что любая участь будет лучше, чем оказаться пойманным этими двумя парнями, которые явно были знакомы княжне.

Дива сначала хотела устремиться следом за погоней. Но потом передумала и решила оставаться на месте, вспомнив указания, загодя полученные от своих друзей. Самое время любоваться видами, открывающимися с мостика.

Время шло. Уже совсем смерклось. И княжне становилось не по себе. Что там у них стряслось? Почему их так долго нет?! А что если детина сразил ее защитников?!

И тут из темноты вышагнул высокий силуэт. Дива сначала отступила, хватаясь за шатающуюся загородку моста. Но потом выдохнула и пошла навстречу пришельцу, узнав своего вернувшегося друга.

- Пересвет... Ты меня напугал...

- Прости... - парень подошел к княжне и оглядел ее с заботой. - С тобой все ладно?

- Да... Ты сам не пострадал? - Дива тоже тревожилась о друге детства. - Где Добрыня?

- Сейчас придет. С нами все хорошо... Однако... - парень выдохнул, думая, как лучше объясниться. - Твой покуситель... Оступился и свалился в овраг, когда удирал от нас. И, похоже, свернул себе шею. А может, ударился обо что-то... Короче, посягал на тебя, а в итоге сам отправился к прародителям...

- Как же это?.. - Дива приложила ладонь ко лбу, поразившись непредвиденному исходу.

- Надо будет тотчас рассказать все князю... Сиречь, как только он вернется.

- Не нужно ему ничего рассказывать, - Дива потерла виски. - Кроме моих слов, нет иных доказательств того, что сей покуситель и Златана связаны между собой.

- Твое слово значит больше любого доказательства, - заверил Пересвет.

- Ты так в этом уверен?! А если я ошиблась? Или мне показалось? Ведь все дети Госто-мысла недолюбливают милую Златану, вот и катят на нее...И что, в конце концов, я делала одна в поле за пределами княжеского дворища?! Вот какие вопросы задаст мне отец!

- Пусть задает! На каждый его вопрос имеется правдивый ответ у тебя! - Пересвет оглядел свою подругу с восхищением. Он был постарше, но, тем не менее, всегда восторгался ею. Про себя, конечно, не вслух.

- Ответ-то имеется. Но также имеются Златана и Велемира... - Дива облокотилась на загородки мостика. - Знаешь, я тут, пока стояла на мосту, о многом подумала... - княжна развернулась к своему другу. - Если б ты не сказал, что меня попытаются убить, я бы сама до такого не додумалась. Да я до сих пор не верю, что это правда... - неоперившаяся пичужка действительно не была готова к козням взрослых птиц. - Я не ожидала такой подлости. И не буду ожидать в будущем!

- Я не понял ничего... - улыбнулся Пересвет, оглядев подругу в теплом свете месяца. Она всегда казалась ему прекрасной. Но самое большее, что он мог себе позволить - это разговаривать с ней на интересующие ее темы.

- А если Велемира и Златана захотят оговорить меня? - невзирая на молодые годы и недостаток опыта, княжна была неглупа и быстро училась. И сегодняшний день научил ее многому. - В попытке защититься Златана может сказать, что в поле была я, а не она... Или еще хуже... Я и ты, например!

- Неужели это «хуже»? - пошутил Пересвет. Они друзья и шутят между собой по-разному, она понимает любые шутки, даже дерзкие. С ней просто. Разумеется, в действительности он никогда не посягал на нее. И не посягнет в дальнейшем. И не потому что робеет или боится. А потому что знает свое место – она дочь князя, а он лишь молодой воин из дружины.

- Ахаха! Я же серьезно, Пересвет! Дело не такое уж безобидное!

- Да кто будет слушать эту гульню непотребную?! - Пересвет первым догадался о том, что княжне грозит опасность после ее прогулок по полю. Дива посоветовалась с ним, и он оказался прав. Однако он не был сведущ в отношениях домочадцев князя.

- Батюшка. Он же любит ее...К тому же могут послушать Велю. Знаешь, она сказала мне сегодня: «Когда отец вернется, я расскажу ему, как ты постоянно шатаешься где и с кем попало». Это преувеличение...Однако...Как бы еще мне самой не найтись среди виновных...Понимаешь? Велемира всегда делает так, что я оказываюсь виноватой. Ей нравится чернить меня. И она мечтает, чтоб меня наказали построже.

- Из простой неприязни она не станет губить тебя, - усомнился Пересвет, жуя в зубах травинку. - Вы же сестры.

- Видишь ли, там другое...Отец женихов нам выбирает... - открыла Дива, не заметив в скудном освещении, как друг изменился в лице после ее слов. - И Веле не нравится, что с ней вопрос уже решен. Замуж за сына Аскриния пойдет...Люди богатые, сын главы вече. Но не князь все же...

- Это нападение пошло тебе на пользу, - пошутил Пересвет. - Предо мною уже не пусто-головая девчонка, а государственный ум...

- Государственный ум, который может очутиться в положении еще худшем, чем сей наш беглец... - Дива кивнула в сторону оврага, поросшего крапивой. - Ты пойми, Златана будет все отрицать. Даже то, что заманила меня сюда...А отец спросит, что я делала одна за пределами дворища. Вечером...На мосту!

- Как «что»?! Ловила злодея вместе с нами...Я смогу это подтвердить.

- И тоже окажешься под ударом. Скажут, что ты попросту выгораживаешь меня. Или себя. Или нас! А Златану мы якобы оговорили. Ты ведь знаешь, как она дорога отцу!

- И что ты предлагаешь?! Оставить все как есть?! - возмутился Пересвет, сердце которого жаждало справедливости.

- А что еще? Честь отца восстановлена, я полагаю... - вздохнула Дива. - Мы свой долг выполнили, как могли.

- И ей все сойдет с рук?! - не унимался Пересвет.

- Я боюсь, батюшка не переживет ее измены... Помню, однажды он сказал мне... «Злата - мой последний рассвет. Большое утешение». А после этого приказал прекратить жаловаться нам друг на друга. Где же сейчас батюшка?..

Глава 9. Советник

Гулким эхом разносились шаги Умилы по пустующим палатам, где с самого утра свободно гулял ветерок. Нет давным-давно ее воинственного супруга князя Годслава. Не слышен во дворах звонкий шум мечей его подвыпившей дружины. Вечно станут скорбеть вдовствующие земли Рарожья о потере кормильца. Но его княгине не до слез было тогда и уж тем более теперь. Есть дела куда более неотложные. На престоле не ее родной сын, а этот никчemuшник – ее пасынок Харальд. Все это время она приходилась ему исправной мачехой. Лечила, наставляла, приободряла. Однако времена изменились. Теперь он серьезная помеха, угроза благоденствию Умилы и ее роду. Им нетрудно управлять, он смирный. Но зачем он вообще нужен, если ее старший сын, Сокол Рёрик, остается не у дел, всегда вторым после того! К тому же есть и другие ее дети, которые будут в большей безопасности, если главой семьи окажется их родной брат, а не этот змий, потомок принцессы Ингрид!

Княгиня-мать все еще была погружена в размышления, когда дверь отворилась и в палату, словно сонный кот, бесшумно вплыл человек. На вид он был возраста неопределенного, но уже немолод.

- Моя повелительница, - с почтением обратился вошедший к Умиле. - Я приспел, дабы напомнить о том, что новгородские гонцы ждут от нас ответа...

- Я это помню, Арви, - Умила устроилась за массивным столом, на котором была раскинута карта земель. Оглядев советника, она жестом пригласила его усесться напротив нее. Она делала это нечасто: только если дело оказывалось серьезное, и ей нужно было посоветоваться. Княгиня какое-то время смотрела на своего помощника в полном молчании. Лишь когда за окном кто-то заверещал, она вышла из дум и приступила к изложению сути своих тревог. - После той истории с Вольной Нег совсем сдал. Прошло уже много дней, но печаль, кажется, не оставила его, - сетовала Умила. Достав из ларца маленький кусочек замши, она принялась полировать ногти. Невзирая на возраст, княгиня не утратила интереса к себе и жизни. Продолжала заботиться о своем теле, посвящая этому свободное время. - Вот если б он был признан законным преемником земель своего отца, то, возможно, дела отвлекли б его от грустных дум... Мы могли бы побороться за наследство Годслава во Фрисланде... В конце концов, Дорестаду нужен деятельный правитель, а не медлительный Харальд. Его усилиями мы скоро потеряем и этот город...

- Да, хлопот невпроворот, - неопределенно ответил Арви, то ли не понимая, на что она намекает, то ли лишь делая вид. Он не сводил с Умилы своих пронизательных глаз, дожидаясь более ясных указаний.

- Теперь еще эта женитьба. Многообещающая невеста из Новгорода, - Умила постучала по крышке ларца, где у нее хранилась переписка с Гостомыслом. - Как ее там? Не то Дива, не то еще как-то... Знаешь, ведь Гардарики – для нас подарок самих богов... Главное, теперь не упустить эту возможность. То, что приходилось добывать в жестоких битвах, теперь само летит к нам в руки прямо с небес. Обширные земли ильменских словен, удобно для нас расположенные... Казна... Какое-никакое приданое... Все-таки Гостомysl вернулся из Царьграда со

знатной добычей...- размышляла Умила вслух. А потом неожиданно добавила, - на ней женится Нег...

- Моя повелительница...- опешил Арви, у которого голова пошла кругом от этого заявления. - Спешу напомнить, было уговорено еще покойным нашим благодетелем, князем Годславом, что на ней женится старший его сын, то есть Харальд. А Рёрику достанется урманская принцесса...Ефанда, дочь Кетиля...Об этом успели объявить повсеместно и...

- Но это совсем разные вещи! - Умила нетерпеливо перебила Арви. - Что северные голодные земли в сравнении с цветущим Хольмгардом, где открываются такие мощные будущности! Нет, никакого Харальда! - отрицательно качнула головой княгиня. - На ней женится Нег и все тут! Убедить его сейчас будет несложно, хотя, возможно, придется как-нибудь обмануть. Однако это все ради его же блага...

Арви много лет был верным слугой Умилы. И она знала, что может смело на него положиться, вслух произнося при нем то, о чем другим и про себя помыслить опасно. Он был обязан ей всем своим состоянием и, конечно, нынешним почетным положением. Его благополучие напрямую зависело от настроения госпожи, щедрая рука которой давала ему золото и власть. Он был умен и схватывал на лету, понимая, что от него требуется.

- Вообще-то, моя княгиня права...- наконец подал голос Арви. - Ведь, несмотря на известное всему миру мореходное искусство северных народов, наши ладьи остаются весьма ненадежными судами. Слишком часто гибнущими в бушующей морской стихии. Дорога через моря – это не наша дорога. Стоит ли на пути в Средиземноморье огибать Пиренеи, делая столь огромный крюк? Да к тому же рискуя и вовсе не добраться до места назначения! Реки. Эти дороги безопаснее и понятнее. Жаль только, что не все они ведут туда, куда нам нужно. А Новгород...Это не просто поселение. Богатые водные ответвления открывают прямой путь в греки...

- И в хазары, - добавила Умила, постучав перстом по карте. - Там нынче самая торговля...

- Приносящая нам серебро...- дополнил Арви в знак согласия. - Правитель, который станет надзирать за этими путями, будет превосходить в своем могуществе всех прочих...

- Мы уже говорили об этом с моим сыном. Нег все это понимает и думает так же. Кроме того, ты забываешь о самом главном: Дорестагт...- безнадежно покачала головой Умила. - Меня беспокоит его судьба.

- И не напрасно...- промурлыкал советник. - Однажды мы уже потеряли Рарожье. Теперича и Дорестагт можем утратить также, - предсказал Арви. - К тому же он не тот, что прежде. Ценность его падает с каждой новой весной. А удерживать оборону – трудное и затратное занятие. И стоит ли оно того?

- Сейчас уже не стоит вовсе, - махнула рукой Умила. - Это имело смысл тогда, когда Лотарь обещал включить эти земли в состав своей империи, обеспечив нам покровительство и поддержку.

- Можно ли удивляться, что в итоге он отказал нам в этом? Он испугался войны с данами...

- Иначе говоря, он нас предал, - подытожила Умила. - Оставил один на один с этим опасным врагом.

- Который вскоре неизбежно нас сокрушит...- напомнил Арви, прикрыв свои зеленые глаза.

- Нельзя было верить королям. Они легко предают даже друг друга. А союзников так и подавно, - хмыкнула Умила. - Именно поэтому нам важно подумать о будущем, в котором Дорестагта для нас может и не быть, - Умила вела нить к главному. - Болтаться по соседям уже неприемлемо. Нам нужен надежный дом...

- Гардарики – самое лучшее, что нонеча можно придумать, - поддакнул Арви с готовностью. - Осмелюсь напомнить, главное теперь – убедить Рёрика в необходимости действий.

Он уже не сможет жить своей прежней жизнью, полной скитаний. Ему надлежит сделаться истинным правителем, - осторожно предположил советник. - И вскоре, кажется, именно от него будет зависеть будущее династии. А не от Харальда...

- У нас очень тяжелое положение, о котором пока, хвала богам, никто не ведает... - прошептала Умила, будто боясь, что ее голос донесется до границ, разнеся недобрые вести.

- Хвала, - поддержал советник, для порядка выражая уважение и благодарность высшим божествам, в которых особенно не верил.

- Возможность подходящая. Нег тоже понимает, что пора направить свои усилия на определенные цели. А не расплыться по мелочам. Добыча с окружающих земель в свое время принесла немало пользы, но сейчас этого уже недостаточно... - Умила задумалась. Потом утвердила свое решение, - Нег женится на этой новгородке! И этим мы обеспечим нам пути отхода. Уйдем в Новгород.

- А как же здесь? Жители Дорестада нуждаются в защите...

- Плевать на Дорестада, - Умилу не волновала судьба каких-то чужих людей. - Нас не должно быть в крепости, фундамент которой начал рушиться.

- Замысел блестящий, моя госпожа. Теперь главное, чтобы все не сорвалось, - подметил расчетливый Арви.

- Ну так придумай же что-нибудь! Мы не должны упустить дочку Гостомысла! - в волнениях выдала себя Умила.

- Я так мыслю... О письме из Новгорода никто не знает ведь... Не знают и слуги Харальда... Гонец отдал послание сразу мне в руки... - начал Арви негромко. Умила даже подавалась вперед, вслушиваясь в его тихую речь. - Какого сына обещали - младшего или старшего - никто в Новгороде не помнит. Или не видит между ними особенной разницы. Хотя уповали, видимо, на старшего сына Годслава. Новгородский князь Гостомysl не так глуп, чтобы выдавать своих дочерей лишь просто за добрых людей. Он надеется на все то же наследство Годслава, на которое рассчитывали и мы... Чтобы задумка не сорвалась, надо выполнить это главное условие.

- Значит, осталось пристроить Харальда куда-нибудь, - полушепотом произнесла Умила, нависнув над столом. - Он уже достаточно порезвился... Главным наследником моего покойного мужа должен быть Сокол Рёрик.

- Одно ясно, моя повелительница... Принц Харальд не пожелает устраниваться добровольно...

- Тем хуже для него, - забарабанив пальцами по столу, Умила вернулась в исходную позу, откинувшись на спинку своего кресла. Ее глаза искали по сторонам, словно ответ был здесь же в покоях. - Можно было бы, скажем, отправить его воевать куда-нибудь к данам... Это дорога в один конец. Или отослать погостить в Византию.

- А что если попросту изгнать его, ничего не изобретая? Справедливый повод мы найдем, - рассудил Арви.

- Думаешь, что несешь, - недовольно выплеснула Умила. - Сие неосуществимо. Нег не позволит обойтись так с братом! Он необъяснимо к нему привязан! Они многие годы ходили вместе в походы, плечом к плечу. Порой мне кажется, что мои дети Негу не так близки, как этот шакал! Даже Синеус... - огорченно вздохнула Умила.

- Это до тех пор, пока их с Харальдом связывает прошлое... Но когда Харальда не станет, Рёрик будет думать о будущем вместе со своей истинной семьей, - подсказал Арви.

- Жаль, Нег никогда не оценит этих нечеловеческих усилий матери! - Умила напряженно вздохнула, а потом все-таки высказала вслух свое главное опасение, - треклятая Вольна... Скверный нрав был у этой бабы! Сохрани я ей жизнь, он через пару лет уже сам пожелал бы утопить ее в реке! - Умила до сих пор горячилась, вспоминая о женщине, которая отодвинула в сторону всех вокруг и даже ее саму.

- Это верно... Однажды ее длинный язык сослужил бы ей дурную службу, - согласился Арви.

- Арви, как полагаешь... Может ли статься, что Нег откажется от женитьбы на новгородке? - не дождавшись ответа, Умила продолжила. - Впрочем, это так глупо. Тем паче когда род в опасности, на грани разорения! - для княгини разорение было синонимом опасности. Вся юность ее прошла в стеснениях, и теперь она боялась бедности больше чумы. - Ближе к событиям нам придется придумать что-нибудь умное. А пока основной угрозой затее по-прежнему остается невзрачная фигура Харальда... - долбила Умила.

- Что ж... Боги не оставляют нам выхода... - вкрадчиво ответил Арви, готовый первым высказать то, что от него ждет княгиня. За это она, конечно, будет ему благодарна, выразив свою признательность в форме мешка золота. - Придется применить последнее средство...

- Оно же и самое надежное, - Умила сверкнула своими белоснежными зубами, которых не коснулось время. - Придется Харальду разделить судьбу его покойной матушки. Они и так во многом похожи...

- Занимая чужое место, подвергаешь опасности себя и своих близких... - прозрачные глаза советника мерцали в отблеске свечи. - Что мы можем наблюдать нынче воочию, - Арви не боялся прослыть циничным, потому и шагнул столь далеко.

- Все должно быть устроено так, чтобы не привлекло в конечном счете неуместных подозрений. Хотя в таком деле без них вряд ли обойтись. Народ любит толки да домыслы, - Умила все еще колебалась и ждала от Арви предложений, буквально вперив в него подстрекающий взгляд.

- Харальд долгое время был убит горем из-за потери родителя. Это подорвало его здоровье вместе со всеми походами... Пришло его время. Время отправиться к тем, кто уже ждет его в мире ином: к матушке и батюшке... - Арви многозначительно посмотрел на свою покровительницу, задержав взгляд в ее умных глазах.

- Если посчастливится, в народе решат, что утрата родителя и военные неудачи стали непреодолимым испытанием для старшего сына Годслава. Харальд заболел от тоски еще тогда, когда нас покинул его отец, и со временем угас! - оживилась Умила, не обращая внимания на нескладности сюжета. Ведь Годслав пал почти три десятка лет назад.

- Видимо, по-прежнему самым безошибочным средством можно заслуженно считать ядие. Если будет угодно... - уже не стесняясь, подытожил Арви. - Скоро на расправу, осечек не дает... Надежнее убийц. Да и Рёрик ни о чем не догадается...

- Угодно... - бледные губы Умилы тронула усмешка. - Хотя у меня есть идея получше... Вдруг все же у кого-то возникнут подозрения... Ненавижу сплетни. Да и Ингрид умерла почти так же... Моя мысль куда смелее... Мы устроим, что имя Харальда не просто забудется. Оно сделается символом предательства. Никто не станет вспоминать и жалеть о нем. Особенно наша невеста из Новгорода и ее батюшка.

- То есть мы должны?... - морщина поделила лоб сосредоточенного советника пополам. Он был неглупым человеком, но даже его ум уступал способностям Умилы. В то время пока он сам имел лишь множество догадок, княгиня уже знала, как действовать.

- Мы не станем освобождаться от этого негодника своими руками... - выставив вперед ладонь, Умила довольно оглядела свои ухоженные персты. - Мы натравим на него Лотаря... Найдем доказательства измены... Харальд ведь клялся своему сюзерену в чем-то...

- Как и Рёрик! - поспешил напомнить Арви. - Ведь после своего отца... - Арви не успел договорить.

- Пусть Лотарь и избавляется от предателя самолично... - размышляла Умила, не останавливаясь на деталях. - Главное, успеть до возвращения Нега. Он, конечно, любит брата, но со всей империей воевать не сможет. А главное, в итоге окажется, что мы тут ни при чем... Это все Лотарь...

- Или лучше - Карл... Тот, что Лысый... До него Рёрик не доберется вовек... В таких делах безопаснее выбрать того из двух королей, который дальше... - рассудил Арви.

Глава 10. Княжич

Рассеиваясь в полумраке закопченной бани, тусклым столбиком лился свет через маленькое окошко. Оно притаилось почти под самой крышей. Дрова в печи давно прогорели. И теперь от углей шло ласковое тепло, не обжигающее кожи. Янтарными дорожками по стенам лениво сползала смола, разливая аромат хвои по парной.

- Когда ты скажешь твоим детям, что собираешься жениться на мне? - восседая на поясице Гостомысла, Златана терла его лопатку распаренным лыковым мочалом, одновременно промывая своим зудением мозг князя. Лубяные волокна коры молодой липки не только отчищали кожу. Они оказывали и целебное воздействие на мышцы, после которого спина старого владыки переставала ныть. Что до всего остального, мудрый правитель научился не обращать внимания на взаимные жалобы своих домочадцев. - Я хочу, чтобы они поскорее узнали о твоём намерении. И начали выказывать мне должное уважение!

- Ну, я думаю, они почтительны со всеми, кого встретят... Я учил их так... - зевнул Гостомysl. От духоты и длительного лежания на лавке его клонило в сон. - Они хорошие дети... Натри мне спину снадобьем...

- Я слышала, как в разговоре с челядью твоя старшая дочь, Велемира, надменно назвала меня наложницей, - возмущалась Златана присвоенному ей титулу, по сути, соответствуя ему. - А твоя младшая дочь, Дива, идя вчера мне навстречу по дорожке, не поздоровалась со мной... - беленькой ручкой Златана потянулась к берестяному туюску, где в секретных величинах были соединены еловая живица и масло. Размяв ладони, Златана принялась втирать целительную смесь в спину князя. - Кроме того, она даже задела меня плечом, словно я какая-то служанка... - соврала Златана для верности. Наговаривать на людей было для нее обычным делом. А Диву после неудачного покушения она и вовсе возненавидела.

- Не думаю, что она хотела обидеть тебя. Наверное, попросту не заметила в спешке... - Гостомysl отвернулся к угольно-черной стенке и прикрыл тяжелеющие веки. - Она всегда куда-то бежит, торопится... Младые годы... Мы все были такими.

- Я не прошу их любить меня как матушку, - Златана откинула в сторону шафранные волосы и прилегла тяжелой бархатной грудью на спину Гостомысла. Покусывая одними лишь губами шею князя, она стала гладить его по плечам. - Но прошу, чтобы они относились ко мне с почтением, которое полагается будущей княгине Новгорода...

Гостомysl ничего не успел ответить и тем более сделать, как дверь в мовницу резко распахнулась. На пороге возник взъерошенный Есений - единственный из всех детей мужского пола уцелевший ребенок князя.

- Отец! - с порога заорал княжич. - Этот наглец должен ответить за нанесенное нашему дому оскорбление! - Есений был разгорячен, весь его вид выражал нетерпение. Княжич даже не придавал значения присутствию обнаженной наложницы, коей не следует стесняться и которую нельзя стеснить в меру ее бесправного, по сути, положения. Та в свою очередь, возмущившись неожиданному вторжению, успела лишь взвизгнуть. - Жалкий хромой! - продолжал юноша. - Ему самое место в болоте с квакающими лягушками! А не на престоле Ладоги!

- Самого Карла Великого однажды постиг тот же недуг, - зевнув, напомнил Гостомysl.

- Как ты смеешь врваться сюда, где предаемся омовениям я и твой отец?! - заверещала Златана, спеша спрятать свое порозовевшее тело под куском тряпицы, покрывающей лавку. Тряпица была мокрая, с букашками, листьями березы, кусочками коры и прочими частицами. Это еще больше разозлило наложницу, которая тщательно вымылась сегодня. Не имея пока детей, но обладая большими планами на будущее, Златане только и оставалось, что получше холить саму себя.

- Этот колченогий посмел оскорбить меня! - продолжал кричать Есений, даже не обращая внимания на протесты наложницы. Намедни на охоте он повстречал наследника Ладожского княжества, молодого задиристого Миронегга. Тот славился не только своим ершистым нравом, но и остротой речи. А также привычкой сперва поглумиться над противником, облив его ушатом отборных ругательств и уж потом вступить в бой. - Оскорбить меня, потомка могучего Словена, в присутствии наших людей!

- Выйди отсюда! - все еще прячась под тканью, завопила Златана. Ей было крайне важно добиться того, чтобы Есений выполнил ее наказ. - Здесь не место для подобных бесед! Гося, скажи ему!

- Сынок, подожди меня в предбаннике, я сейчас выйду, - Гостомысл стал подниматься с лавки.

Лишь только дверь за Есением захлопнулась, Златана зашипела, накренившись над старым князем.

- Теперь ты видишь?! Твой сын нарочно ворвался сюда, зная, что ты здесь не один, а со мной! Разве я бесправная рабыня или блудная девка, чтобы он вторгался в баню, где омываюсь я! Он желал оскорбить меня этим поступком!

- Ох, Злата... Нынче, кажется, все вокруг только и делают, что оказываются «оскорблены»... - отшутился Гостомысл, повязывая вокруг пояса кусок ткани.

В просторном предбаннике было прохладно, сухо и светло. Бряцая мечом, Есений нетерпеливо расхаживал от двери к двери до тех пор, пока не увидел князя, выбирающегося из мыльной.

- Отец, разреши проучить его! - сразу приступил к главному Есений. Как и все молодые люди, он был вспыльчив. Но, несмотря на это, его нельзя было назвать буйным или своенравным. Даже сейчас, желая наказать соседа-сверстника, он сперва спрашивал на то разрешение родителя.

- Сынок, присядь-ка, - успокоительно предложил Гостомысл наследнику. Князь не жалел времени на воспитание детей, он часто говорил с ними. - А теперь послушай. Мы уже не раз обсуждали с тобой этого голодранца из соседнего княжества... Не нужно обращать на него внимания, как бы он ни старался его привлечь.

- Он дерзил мне в присутствии нашей дружины! Я бы мог легко убить его! И следовало сделать это! В назидание всем прочим забиякам из захолустья!

- Нет, сынок, не следовало, - Гостомысл опустился в продолговатое деревянное кресло с наклоненной спинкой и широкими подлокотниками. Закинув голени на край удлиненного сидения, Гостомысл взял со столика ковш с квасом и сделал смачный глоток. - Ответь, твой отец хоть раз подвел тебя?

- Нет, - недоверчиво промямлил Есений, чья рука в сомнениях застыла на мече.

- Хоть раз обманул или дал неверный совет? - продолжал Гостомысл, вытирая усы, на которых темными бусинами повисли кисловатые капли кваса.

- Нет... - рукоять меча была сжата в пальцах Есения, но уже не так ярко.

- Послушай меня и на сей раз. Ретив веку не доживает. Не будь столь скор на решения, - старый князь повидал и доброе, и дурное. Он отбил не одну атаку от стен Новгорода, не одно сражение выиграл в поле, и не раз бывал повержен и сам. Седина в его длинной бороде напоминала о том, что каждый прожитый год не столько приносил ему, сколько отбирал. - Я не готовил тебя в правители. И этим подвел тебя. Ведь теперь, когда твоих братьев не стало, ты - единственная надежда Новгорода... Я же... Я теперь слишком стар... - Гостомысл задумчиво оглядел малиновый закат в приоткрытые ставни.

- Да продлят боги твои дни, отец, - княжич почитал родителя и искренне желал видеть того в здравии на престоле, нежели занять заветное место самому. Есений привык быть сыном заботливого отца, и его устраивала роль ребенка.

- Положение наше нынче шатко, сынок. Славянская семья большая, но не всегда дружная. А уж за ее пределами что ни сосед, то лютый враг, - Гостомysl вертел в руках ковш, в котором бултыхался темный квас, как и Новгородское княжество, качающееся на беспокойных волнах множественных трудностей. - Один нападет с мечом, сжигает наши поля, уводит народ в неволю. Другой, рядясь в друга, пирует в наших чертогах, злословит и наушничает. Рыщет, словно мерзостная крыса, собирая сплетни и обращая люд против нас. Третий клеветает на стороне, созывая недругов наших пойти на нас. Всем нужны наши земли и их богатства. Сила наша, сынок, не в поспешности, а, напротив, в рассудительности. Мы не можем заткнуть рот каждого нашего ненавистника. Мы не в силах покарать всех, кто достоин того. Но мы можем предупредить их удары. Нам следует чутко прислушиваться к пьяным песням наших врагов, пристально вглядываться в их дары. Но главное, мы должны уметь ждать... - Гостомysl был наверняка прав в одном: у славян всегда имелось немало супостатов. И еще больше прибавилось их за последнее время. С одной стороны Гостомysl слыл мудрым правителем и искусным переговорщиком, с другой – роскошником, щедрость и траты которого порой не могли покрыть никакие доходы казны. Княжество не раз оказывалось в положении, требующем немедленных действий. Удачный военный поход к берегам Византии, принесший обильную добычу и выгодные договоренности, остался позади. Наиболее срочные долги были уплачены. Но казна уже вновь пустела, размотанная множественными родственниками, алчными боярами и прочими прихлебателями. Впрочем, у умного князя всегда имелся запасной замысел. - Запомни, Есений. Твое главное богатство – это сестры, - произнес Гостомysl, устремив пронизательный взор на сына.

- Я сделаю все ради их счастья, - гордо пообещал Есений, присев на лавку напротив отца.

- Отрадно слышать. И все же не только об их счастье тебе следует думать, сынок, - Гостомysl смерил княжича непривычно серьезным взглядом. Князь любил пошутить, но сейчас ему было не до смеха. - Их судьбы в твоих руках. Именно ты, ежели я не успею, должен будешь указать им на избранников, достойных нашего имени. Ведь именно оттого, за кем мои дочери окажутся замужем, зависит дальнейшая судьба Новгорода.

- Мне казалось, все уже решено. Роса пойдет за изборского Радимира, Дива - за Харальда, потомка Годслава, а Велемира – за белозерского... - Есений не успел закончить, как отец прервал его, замахав рукой.

- Все не так, не так, мой мальчик. Теперь мы должны устраивать союзы исходя из того, принесет ли это пользу для нашего города. Так что Роса, может, и пойдет за Радимира. А вот Дива... Никакого Харальда! - покачал головой Гостомysl. - Во-первых, они давно уж не граничат с нами. Как ты знаешь, древний град Рерик, жемчужина Рарожья, разрушен. Нынешние их владения оставляют желать лучшего. Сегодня есть земли, а завтра уж нет. Что касается наследства Годслава, на которое мы рассчитывали... Здесь тоже все не так просто: за эти земли им еще придется побороться... Победа едва ли возможна... - Гостомysl называл род Годслава, как он полагал, во главе с Харальдом, во множественном числе. Эта семья представлялась ему дружной опасной сворой, действующей сообща, а вовсе не одним каким-то человеком, представляющим фамилию.

- Но мы же обещали, что дочь Ильмена в любом случае пойдет за сына Рарожья, - напомнил Есений. Он был юн и пока еще верил в данное слово и благородные намерения.

- Нет, теперь это уже недопустимо, - покачал головой Гостомysl. - С таким же успехом ты можешь услатить сестру в Ливию, толку будет столько же. Нам следует думать о насущном. В частности, о Ладоге. Лучше, если твоя сестра станет княгиней тех земель. И буде Миронег сделается нашим зятем, то и распри меж нами окажутся оконченными...

- Я не хочу говорить об этом хромом! - вспыхнул Есений, вскочив с лавки.

- Но придется, - Гостомysl взглядом усадил Есения на место. - К тому же, невзирая на свой калечащий недуг, мечом он владеет мастерски. И, как говорят, упражняется каждый

день в этом искусстве, - Гостомысл лукаво оглядел сына, который в последнее время забросил уроки.

- Я тоже бы махал железякой, коли б иных дел не наличествовало! - Есений недовольно надул губы. В последнее время его увлекала верховая езда, и он отдавался ей целиком.

- Как бы там ни было, именно его владения занимают северные земли. И являются для нас своеобразным щитом от клинка варягов, которые повадились приходить сюда, словно на бесплатный базар, - продолжил князь.

- Для этого нам необязательно родниться с ним! От этого его границы не сдвинутся!

- А буде он не станет обороняться от них? - прищурился Гостомысл. - Если вступит в переговоры, заплатит им дань и пропустит по своей земле к нашим рубежам? Ты об этом пораздумал? - строго сдвинул брови князь, в очередной раз огорченный недалечностью сына. - Тогда они, сытые и поздоровевшие, с новыми силами и станом в Ладоге, хлынут сюда!

- И что же делать?.. - Есений уныло нахмурил чело.

- Выдать Диву замуж за Ладожского Миронег. Назвать его братом. И жить в мире и согласии с ним.

- Отдать ему нашу Диву – это все равно что самому улечься с ним на ложе! - Есений любил своих сестер и не желал им в мужья своего врага, примерно представляя, что придется испытать сестричкам в таком союзе. - Это немисливо! Тем паче отринув Харальда, оскорбив таким образом дом Годслава и, возможно, развязав, новую усобицу.

- Как говорил твой великий предок... Мир стоит до рати, а рать до мира, одно другое смеяет. Что ж... Если желаешь, есть иной путь. Дива пойдет за Харальда, как и было уговорено...

- А как же тогда Миронег? - вновь нахмурился Есений.

- А просто. Ты женишься на одной из его сестер, - потянулся Гостомысл, зевнув. - Оказаться на ложе с его сестрицей не то же самое, что улечься рядом с ним самим... - подтрунил князь над сыном, вспомнив тому его же собственные слова.

- Это отвратительно! По всем вероятностям, она так же дерзновенна и неотесанна, как и ее пустоголовый братец! - вскипел Есений. - Ни за что! Я ни за что не женюсь на девке из того вертепа, что зовется Ладогой!

- Я так и подумал, - кивнул Гостомысл. - Значит, все же Дива пойдет за Миронег, Роса – за Радимира, а Велемира – здесь останется... С Белоозером теперь все тоже уже неоднозначно...

- Только не Дива. Пусть лучше Велемира идет за Миронег, - вздохнул Есений.

- Нет, Велемира останется в Новгороде и будет помогать тебе. Лучше всего, если она выйдет замуж за сына Аскриния, нашего самого верного и богатого подданного, чьи землевладения простираются далеко...

- Отец, пожалей Диву, - вздохнул Есений. - Она самая младшая и самая добрая. А ты хочешь услатить ее на край света, выдав за мужлана с повадками лесного животного.

- Не вижу противоречий, - зевнул Гостомысл.

- Дива не отобьется от такого зверя. Он же ее заморит, отец!

- Что ж, если ты просишь за нее... - кивнул Гостомысл утвердительно. - В таком случае она пойдет за Изборского Радимира, а Роса за Миронег. Разницы, по большому счету, никакой.

- Но... - Есений хотел вступить на сей раз за среднюю сестру, тихую спокойную Росу.

- Но и всё, - перебил Гостомысл. - Всё.

Глава 11. Утрата

Густая мгла поглотила Дорестафт, залила причалы, поползла на взгорье. С неба исчезли звезды. Город сгинул в молочной пелене. Лишь тревожный скрипучий крик разрезал тишину долины. Резкий и громкий, он пугал запоздалых прохожих.

- Что за шум? Будто у доков скрежещет. - сетовала Умила, натирая зубы золой, которую для нее предварительно просеяли от кусочков угля. - Кому не спится в такой час?

- Совам... - предположила служанка. Казалось, что звук действительно происходит из мастерских. Однако то были ночные птицы.

- Сие и так ясно! Затвори ставни! - в это время Умила обычно находилась в своей кровати. Но сегодня припозднилась.

- Госпожа, тут прибыл советник. По срочному делу, - доложила служанка, заглянувшая в дверь.

- О, гармы Хельхейма, как вовремя, - буркнула Умила, выплевывая черную жижу. Прополоскав освежившие зубы, она нетерпеливо взмахнула дланью, - пусть войдет...

Послышались негромкие шаги, будто проникнутые осторожностью. Так крадутся дикие коты.

- Моя повелительница, - поклонился советник в знак приветствия.

- Что такое, Арви? Не мог ждать до утра? - Умила даже не смотрела на своего помощника. Привезенная из далеких земель смесь растопленного жира с золой морских растений и соком мьльнянки понравилась княгине, и последняя с удовольствием придавалась ритуалу вечернего умывания. Персты Умилы скользили по влажной коже, оставляя после себя крохотные пузырьки. - Мира, не зевай, струи! - Умила нетерпеливо потрянула ладошками, куда служанка сразу налила из кувшинчика согретой воды с лепестками ромашки.

- Прошу простить... Есть некоторые известия... - Арви выглядел встревоженным. Он протянул ей письмо, на котором виднелась королевская печать.

- От короля... - Умила вытерла руки о белоснежное полотно и бросила его на плечо служанки. - Пошла прочь... - отпустив девушку, Умила потянулась к деревянной коробочке, из которой лился легкий медовый аромат. - Что в послании? Харальд казнен, надеюсь?.. Я ведь уже написала Гостомыслу о том, что на его дочери женится Нег...

- Харальд умер в темнице, - подтвердил Арви.

- Хвала богам, - Умила с облегчением выдохнула. - Признаться, я уж опасалась, что этого никогда не произойдет... Отчего-то этот змий виделся мне почти бессмертным... Будто заговоренным, - зачерпнув из коробочки мягкий пчелиный воск с некоторыми тайными добавками, Умила принялась наносить его на кожу губ. - Так всегда... Противник кажется непобедимым, когда только он один отделяет нас от заветной цели... Нег уже вернулся? Где он? Почему не зашел?

- Он не вернулся... - зеленые глаза Арви будто пытались сказать что-то, о чем молчал его язык. Но Умила пока не глядела на советника, будучи занятой вечерним уходом.

- Разве это не он принес письмо? Я думала, что... - Умила сама не знала, почему связала письмо и Рёрика между собой. - А впрочем, неважно... Где Нег?

- Он... Моя госпожа... - Арви не решался передать Умиле содержание письма.

- Скорее! Меня сейчас обездвижит тут! - гаркнула Умила, наконец переключив внимание на своего советника. Когда речь шла о ее детях, она теряла хладнокровие.

- Он погиб вместе с Харальдом... Так написано в послании.

Умила смотрела на худощавое лицо советника, его кошачьи глаза, чуть крючковатый нос. Она не могла допустить даже на миг, что не увидит никогда своего первенца. Ей отчего-то показалось, что если она промолчит, то эта страшная новость не оправдается. Арви обязательно

добавит что-то еще, несколько слов, которые объяснят сие пугающее недоразумение. Разумеется, всякое бывает, и мог кто-то сказать такое, что ее сына больше нет. Но это все неправда. Он всегда возвращается к ней потому, что она молится о нем всем богам. Вот и теперь... На самом деле он жив и здоров, и, может, даже уже дома.

- Рёрик не вернется, - вынужден был пояснить Арви. - Теперь Синеус управляет городом. С согласия и благословения короля...

Глава 12. Переписка

Занятый думами Гостомысл расхаживал по просторной избе, где обычно велись приемы. Обуреваемый бессильной яростью, он рассуждал о делах княжества со своим сподвижником Бойко, который считался его правой рукой и помощником. Вместе они прошли многие битвы и всякие прочие неприятности.

- Бедам несть конца! Токмо утрясешь одно, как сразу вылезет что-то другое, - пенял Гостомысл. - Кончина нашего соседа Годслава дала было надежду на самовольное разрешение вопроса с намеченной женитьбой его сына и одной из моих дочерей. Все бы заглохло само собой за давностью лет! Но, очевидно, эта кухарка прочно вцепилась в роль правительницы, коли смеет писать письма, скреплять их печатью и слать гонцов *к нам*! Столько времени прошло, Годслава давно нет, и вдруг на тебе! Уговор, видите ли! - бушевал князь, потрясая посланием.

- То, что нам неуютно, нас никто не принудит сделать. Особенно теперь, когда тень Годслава не грозит нам из-за холма, - уложив ногу на ногу, размышлял Бойко, отрезая дольку сочного яблока. - К чему нам сваты из рушащегося Дорестада? А надежды на наследство Годслава давно умерли... Земли Рарожья утрачены для его сыновей навеки... Об этом кричит каждая галка с ветки!

- Однако сколько наглости в этих простолюдинах! - продолжал возмущаться Гостомысл. - Любопытно, а эта Умила, о которой все так наслышаны и правда своего не упустит! Можно было бы решить, что все толки - лишь грязные злоречия: Ингрид, Годслав, Умила... Эта давняя история интересна и по сей день...

- Кажется, доля истины присутствует в легендах, - отозвался Бойко, который, казалось, знал почти о каждой благородной семье на свете. - Это Умила приложила руку к кончине законной жены Годслава, как говорят...

- И как говорят, его первая жена была потомком славного рода Мкьелдунгов... - мечтательно произнес Гостомысл, обожающий родовые истории, приукрашенные лирическими оттенками и не существующими идеалами.

- И именно поэтому ей не было присуще с боязнью вглядываться в грядущий день, бороться так люто за место возле князя, - разглагольствовал Бойко, сведущий в житейских делах. - То ли дело Умила. У нее с самого начала ничего этого не было! И сия необходимость придавала ее рукам уверенности, а губам очарования!

- И, надо отдать ей должное... Самое важное, чем обладала эта кочерыжка есмь ее находчивость, которую у нее никто так и не смог отнять! - согласился Гостомысл, сдвинув дуги бровей. - По слухам, она ведь не была красавицей...

- Но и не уродина, конечно, - подчеркнул Бойко, отправляя в рот сладковатую дольку яблока.

- Однако ведь и не красавица! - не унимался Гостомысл. В этот момент усы Бойко дрогнули, и из-за них послышался хруст пережевываемого плода. Князь на миг задумался, обозревая лицо сподвижника. В возбуждении пройдясь туда-сюда по горенке, в итоге плюхнулся в оббитое медвежьей шкурой кресло, которое жалобно затрещало под его тяжестью. - Размышляя об их семействе, становится ясно, что ни одной из моих дочерей такого спутника, как сын непредсказуемой и коварной горбуни, не нужно! Должно быть, он такой же бесстыжий, как и его мамаша. О свирепом Годславе я и вовсе молчу...

- Кстати... Путешественники докладывают, что она не горбуня вовсе. И не кочерыжка! Ее роскошным одеждам позавидуют королевы. А ее зубы удивительно белы и ровны для ее возраста. И голос моложав. Если не видеть ее, но слышать токмо ее речь, можно решить, что она еще нестарая женщина.

- Как бы там ни было, нам нужен послушный зять, который не причинит излишних беспокойств и не станет претендовать на престол Новгорода! - оборвал Гостомысл, который не допускал, что в жене врага может иметься хоть что-то, заслуживающее похвалы. - А заберет мою дочь в свой город. Я не собираюсь отрезать ему полкняжества, словно от пирога с зайчатинной!

- Кстати, сын Умилы как раз мог бы забрать дочь Новгорода к себе... - заметил Бойко, кивнув головой куда-то на запад.

- Разве у них есть теперь что-то, не подвергающееся набегам и безраздельно принадлежащее им, а не их сюзерену?! - усомнился Гостомысл. - Я уверен, что семья Годслава не просто так желает союза с моей дочерью. Где бы они сейчас ни обрелись – они лишь вассалы королевские. Это не то же самое, что быть славянским князем, владыкой самому себе.

- Да и вообще, обещали сначала старшего сына, а потом он куда-то делся! - роптал Бойко, словно выдавал замуж свою собственную дочь. Весть о том, что Харальд сгинул в казематах императора кое-как, но все-таки докатилась до Новгорода. - И сколько у этого блудного Годслава было сыновей?!

- Чужое семейство – потемки, - развел руками князь, сплюнув в сторону. - Грозного Годслава давно нет. Но не нужно недооценивать его удивительной супруги, поставленной в тяжелые обстоятельства суровой судьбой. Открыто разрывать с ними договоренности нам не следует. Ибо эта склочница перессорит нас со всеми соседями. Уверенность в этом не покидает нас ни на миг...

- Моя думка такова: следует держаться от нее подальше! Нехай все само заглохнет! - нашел мудрый выход Бойко. Иногда достаточно просто выждать, чтобы трудность решилась самостоятельно.

- О, Перун, я должен опасаться женщины?! - вновь взорвался Гостомысл.

- Козней женских! - уточнил Бойко.

- Пусть кочерыжка пыжится, но мы не позволим накинуть на нас уздечку, точно на тощую кобылу!

- Не позволим, княже, - поддакнул Бойко, вытирающий о край подола кисть руки и свой нож, влажные от яблочного сока.

Вдруг дверь со скрипом отворилась, и в горницу шагнул раскрасневшийся гонец. Видимо, он крайне спешил с важным донесением. К этому моменту князь Новгорода уже сидел на скамье подле распахнутых ставен, опираясь локтем на широкий подоконник. Оторванный от разговора Гостомысл раздраженно поднял голову. Гонец робко протянул послание.

Князь бегло ознакомился с содержанием. И уже снова еле сдерживал вспыхнувший гнев, сжимая послание в кулаке так, что уж во второй раз его бы точно никто не смог прочесть.

- Очередное сочинение от этой стряпухи! И снова с поторапливаниями! От этих посланий меня мучают кошмары! - рассвирепел князь. - Разрубить раз и навсегда связи с этими людьми! Раз и навсегда! Придется дать жесткий ответ: пусть на нас не рассчитывает! Мало ли в мире невест?! Отчего им понадобилась именно моя дочь! - негодовал Гостомысл. - Тем паче я уже веду переговоры с Изборском... - признался князь неожиданно.

- Принимаем в расчеты старого князя Изяслава или его сыновей? - уточнил Бойко деловито.

- Речь идет о молодом княжиче Радимире... Радимире Смирном, - поделился Гостомысл. - Он наследует Изборск...

- Земли Изяслава значительные... - согласился Бойко. - К тому же защищают нас с запада. Союз с кривичами весьма полезен...

- Он не просто полезен... Он необходим. Новгород сегодня не готов к новым встряскам. Нам нужно надежное плечо, на которое мы можем опереться.

- Но у нас есть и другая надежда - правитель Белого озера... - напомнил Бойко. - Если твоя старшая дочь, умница Велемира, выйдет замуж за него...

- Она не выйдет за него, - постановил Гостомысл твердо.

- Но их земли расположены удобно... Надежный союзник на Белом озере... Для нас - это выгодно... - попытался отстоять свою точку зрения старший дружинник. С юности они были дружны с Гостомыслом, и Бойко мог позволить себе такую роскошь как собственное мнение.

- Я же сказал. Велемира не пойдет туда! - гаркнул Гостомысл, не вдаваясь в причины бесповоротного решения.

- Кстати... - Бойко немного выждал, прежде чем продолжить. - До меня дошли слухи, что владыка Белого озера выжил из ума, - старший дружинник понизил голос до шепота при упоминании старика-соседа. - Ужели это правда?

- Не ведаю... - Гостомысл потряс ладонями, подкрепляя таким образом свои слова. - Одначе Велемиру за этого сумасбродного блудника я, точно, не отдам теперича...

- А что? Что там содеялось? - лукаво поинтересовался Бойко, который, судя по его тону, уже знал сплетни об этом соседе. - У тебя ведь везде есть соглядатаи... Что доносят?

- Кстати... А ты слышал, что гусаки - однолюбы? - неожиданно спросил Гостомысл, выглянув в раскрытые ставни, из которых тянуло тягучим летним зноем, делающим день едва выносимым.

- В смысле?... Ты про что... Ты кого-то подразумеваешь? - не понял Бойко. - Или что имеешь в виду?... Это какая-то загадка?

- Это не загадка. Это вполне частое явление. Посмотри в окно, друг мой... - Гостомысл оперся локтем об оконную раму, устремив взгляд на залитую солнцем лужайку, по которой расхаживал высокий толстый гусь. - Я давно наблюдаю за этой птицей... Ему третий год. И у него три гусыни... Не одна, не две, а три. А видишь, вон там, возле кустов - парочка? - Гостомысл указал подоспевшему к нему Бойко на двух гусей, мирно щиплющих травку. - Это молодой гусак и его возлюбленная. Ему скоро будет год. И он очень к ней привязан. Я часто вижу, как тот жирный распутник пытается топтать ее. Она кричит и убегает. Верная. Молодой гусь старается защитить ее. Бросается на распутника, хватая того за шею, и они начинают драться, как будто в последний раз...

- Как все это умирительно... - кашлянул Бойко, когда понял, что это конец истории. Гостомысл молчал и больше ничего не говорил. - Ну так а что же Белое озеро... Мы начали разговор, продолжим его...

- Ну так мы и продолжаем его... - Гостомысл перевел взгляд с изумрудного лужка на огромный нос своего друга. - Хозяин Белого озера - старый жирный гусак, пытающийся топтать каждую гусыню.

- И я как раз о том слышал, - зашушукал Бойко, предвкушая новые сплетни. - Говорят, наложниц немало...

- Очень много, - подтвердил Гостомысл.

- Наверное, не меньше сотни... - Бойко был мастером слова и понимал, что любой рассказ нуждается в украшении так же, как и платье. Потому он любил преувеличить и додумывать для яркости описываемой картины, не со зла. - С другой стороны... Он в своем праве... Почему нет, если может! - хихикнул Бойко. - Не вижу преступления... На зависть всем мощь... И поразительная воодушевленность, коли интерес не угасает...

- Не из-за того толки, - Гостомысла все это забавляло меньше, чем его сподвижника, поскольку еще один намеченный политический брак оказался расстроен. - Ты же слышал, что он утратил своего наследника? - вздохнул князь, сам прошедший тропой того же горя. - Так вот он объявил, что женится вновь. Но на той, что первой подарит ему сына.

- При таком количестве наложниц разве нет ни одного отпрыска мужского пола?! - поразился Бойко.

- Ну все не так просто... Он не хочет, чтобы его преемником стал сын рабыни или простолюдники...

- Гордец, - хмыкнул Бойко.

- Может, да, а может, нет... На мой взгляд, он лишь ветхий хитрый плут... Ведь сделав столь громкое заявление, он получил почти из каждой благородной семьи по девице...

- Ужели! - изумился Бойко. - Хотя да, каждое уважаемое семейство захотело дать князю продолжателя! Так ты думаешь, ему не нужен наследник? И он лишь жаждет молодых благородных тел?!

- О, ну этого я не знаю... Но одно неизменно: вопреки своему заявлению, он пока так и не женился. А поимел у себя на ложе уже полгорода...

- Ты знаешь, а вообще-то, его замысел неплох... - рассмеялся Бойко. Этот человек никогда не унывал. И умел пошутить, расцветив самую строгую беседу.

- Надеюсь, теперь тебе ясно, почему я не отдаю туда Велемиру... - подытожил Гостомысл.

- О боги... Что там еще! - рявкнул князь, услышав очередной шум в передней. Он даже самолично пошел к двери, будучи в нетерпении.

- Новости, о которых справлялся князь... - слуга в поклоне протянул Гостомыслу котомку.

Раздраженно захлопнув дверь, князь раскрыл мешок и вытряс оттуда очередные посылки.

- Менее занимательные, но более важные подробности... - после ознакомления с содержанием, сообщил Гостомысл затихшему в ожидании Бойко. - Новости из Царьграда... Вокруг один негодяи и подлецы!

- О, Перун, что там?! - отозвался заинтригованный помощник князя.

- Ты только послушай, что о нас говорят... - Гостомысл читал письмо на расстоянии вытянутой руки: так ему было лучше видно. - Якобы мы «запятнаны убийством более, чем кто-либо из скифов»...

- Я протестую, «не более»! - возразил Бойко. - Не более! И не менее... Как все.

- Нет, тут сказано, именно «более», поскольку: «Можно было видеть младенцев, отторгаемых от сосцов и молока, а заодно и от жизни, и их бесхитростный гроб - скалы, о которые они разбивались... Матерей, рыдающих от горя и закалываемых рядом с новорожденными, судорожно испускающими последний вздох...»

- Какие скалы? Мы не были у скал! - возразил Бойко.

- Слушай дальше, - продолжал Гостомысл чтение послания. - «Не токмо человеческую природу постигло зверство росов, но и всех бессловесных тварей, как-то: быков, коней, птиц и прочих, попавшихся на пути, пронзала свирепость их. Бык лежал рядом с мужчиной, дитя и конь имели могилу под одной крышей, женщины и птицы обагрлись кровью друг друга...»!

- Мда, к чему так преувеличивать! В этих строках даже нет смысла! - Бойко скорчил гримасу досады. - Скотину не убивают просто так, а, по меньшей мере, для пропитания. И кто же автор сих строк?

- Фотий! - рявкнул Гостомысл. - А я-то полагал в нем порядочного человека, не клеветника! Ведь он служитель божий!

- Патриарх Фотий? - изумился Бойко. - Хм, а разве он, вообще, видел что-то из-за высоких городских стен?

- Ну разумеется, не видел, - кивнул Гостомысл.

- Ну вот я и говорю... Возможно, Фотий опирался на свидетельства жалобщиков, которые любят преувеличить размах трагедии, лишь бы выпросить побольше! - вывел незлобивый Бойко, который всегда старался оправдать любого.

- Знаешь, все это... - Гостомысл красноречиво потряс письменами, - все это уж чересчур... Хотя... Я ведь и не настаиваю на том, что мы прямо-таки святые прибыли на своих ладьях к вра-

жеским берегам... Впрочем... Инда в этой лживой писанине я вижу прок... - Гостомысл вновь указал на письма. - По крайней мере, наши враги убоятся нас. Ведь «Народы Скифии с края земли», как нас назвали, повергли в ужас даже Ромейскую державу... - теперь уже довольный Гостомысл вернулся к чтению, вновь отдавая письмо от покрасневших глаз.

- Не нравится мне уже что-то этот Фотий... - крикнул Бойко.

- Ты знаешь, а я, пожалуй, не буду столь твердым в своем убеждении... - неожиданно переменился Гостомысл. - Внимай, что он пишет далее: «Ибо токмо облачение Девы Марии обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись со стоянки. И мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились внезапного спасения... Неожиданным оказалось нашествие врагов - нечаянным явилось и отступление их... Спасение града находилось в десницах врагов и сохранение его зависело от их великодушия... Город не был взят лишь по милости их...». То есть мы все же не так плохи. И в наших сердцах живет великодушие...

- Я уже совсем запутался, - улыбнулся Бойко. - Что он хочет показать, какую мысль оставить в своей летописи?

- Может быть, он лишь старается быть беспристрастным?... - глубокий вздох вылетел из княжеской груди. Теперь Гостомысл уже допускал мысль, что вокруг не только негодяи и подлецы.

Глава 13. В гостях у монарха

- Это очень опасный и хитрый преступник. Беспринципный и жестокий! - бас начальника стражи эхом разносился по двору, залитому солнцем. Перед ним выстроилась шеренга подчиненных, которых он собирал всех вместе лишь в особых случаях. - Ради того, чтобы выбраться на волю, этот злодей, не колеблясь, перебьет вас всех. Посему никогда не приближайтесь к нему в одиночку. Не передавайте ему никаких предметов. Не отвечайте на его вопросы, если он обратится к вам. Даже не разговаривайте с ним, - начальник стражи отвесил подзатыльник самому молодому стражу, отвлекшемуся от назидательной речи и уже улыбающемуся кому-то из проходящих мимо девушек. - Он силен и вынослив. Если вам будет приказано вытащить его из ямы и проводить куда-либо – в конвое вас должно наличествовать не менее четырех, а он сам обязан быть связан.

****

- Пошел вниз, - один из стражей резко толкнул Рёрика в какую-то чернеющую пропасть, хотя рядом валялась веревочная лестница.

Глубина подземной темницы оказалась значительной. Рёрик еле успел ухватиться за торчащий из стены корень, что позволило ему кое-как приземлиться на ноги. Потолком узилища служил пол крыльца какой-то постройки. И лишь только Рёрик оказался на дне ямы, послышался грохот половиц – доски вернулись на привычное место. Сразу сделалось сумеречно. Струящиеся сквозь половички тонюсенькие лучики света едва освещали узилище, в котором пахло сыростью и плесенью.

- Добро пожаловать... - послышался голос где-то совсем близко от Рёрика. - Я Сверре...

Помещение оказалось небольшим, а обстановка скудной. Два лежака да какая-то бадья, от которой шла нестерпимая вонь. Глаза Рёрика быстро привыкли к полумраку темницы, и он различил молодого мужчину, поприветствовавшего его. Одежда на узнике была грязной, местами драной. Он лежал на правом боку, прижимая к животу левую руку.

- Рёрик...

- С удачным приземлением... - поздравил Сверре. А затем пояснил свои слова, одновременно кивнув на руку, которую прижимал к животу, - для меня оно выдалось не таким успешным... Ты как тут оказался? Накуролесил чего, небось?

- Ну, - подтвердил Рёрик, который сейчас не был расположен к пустой болтовне. Он шел за Харальдом. В итоге брата не отыскал и сам оказался схвачен. - Давно ты тут?

- Не очень. Но уже понял главное – отсюда не сбежать... - вопреки мрачности сообщения, лицо Сверре красилось неунывающей ухмылкой.

- Пробовал?

- Ну да, я так и сказал, - Сверре снова кивнул на свою длань, которая, очевидно была повреждена.

Неистовый викинг Сверре истосковался в одиночестве. Не подружиться с ним было невозможно. Он с готовностью принялся повествовать обо всем на свете. Вспоминал и последний поход к Царьграду, и многочисленных повстречавшихся ему женщин, и даже далекое, но прекрасное детство. Но для Рёрика наибольший интерес представляли иные сведения.

- Допустим, ты улучишь момент, когда доску снимут, дабы спустить нам воду или еду... Полезешь наверх – спихнут вниз. А проявишь прыткость – так ткнут в тебя копьём. Эта яма у меня не первая. Сначала под открытым небом сидел. Там оно веселее: в облака глядишь и вроде не так уныло. Но если дождь пойдет, то худо совсем... Затапливало по пояс. В общем... О другом хочу рассказать. В той яме со мной сидел один человек... Бедолагой его зову, ибо без жалости даже мне было не взглянуть на него. Кожу сняли, зубы и ногти выдернули, ноздри порвали. Короче, вволю в пыточной погостил... - было видно, что Сверре давно ни с кем не

разговаривал и теперь рад любому собеседнику, даже молчаливому. - Он сказывал... В одной из ям узник пошел на хитрость - претворился мертвым. Вроде как будто пал от неизвестной хвори. Думал, вытащат они его, а он от них умотает. Но нет. Накидали стражники в яму ему хвороста и поленьев, а потом подожгли, чтоб, наверное, не позволить заразе расползтись... Так и обратился в персть... Другой заключенный решил подкоп сделать. Да там тоже все не так гладко пошло. Землю рыл, а кидать ее стало некуда. В итоге заметила стража, что внизу как-то глины прибавляться стало... Вытащили его ночью да отдубасили так, что через несколько дней ему уже его лаз и вовсе не был нужен. Я сам тоже хотел убегнуть. Напрашивался на встречу к королю. Сказал, что, мол, со славянами за море ходил к грекам, знаю нечто важное... Думал, сопроводят меня к властедержцу, а я там по дороге уж как-нибудь улизну. А если нет, то на месте кого-нибудь в заложники возьму. Хоть самого короля! В итоге повели меня куда-то, не к королю, конечно. Связали руки за спиной, на шею удавку накиннули, так и шел. Ни вздохнуть, ни двинуться...

- Ох, и мне б к королю... - в меру своей натуры Рёрик сейчас желал только одного – прикончить обидчика. А дальше будь, что будет.

- Не попадешь к нему, не мечтай. Трусливый он. Скорее обложится, чем тебя примет. Понимает, что загнанный зверь опаснее вольного.

- И что, много тут таких ям? - Рёрик уже примерно понял, во что вляпался, и настроение его спустилось к полу.

- Как грибов в лесу! - усмехнулся Сверре. - Во всех сидеть – не пересидеть. Пока не загнемся... В яму швыряют, если уже на волю не собираются отпускать. До тебя тут со мной благородный человек обретался, папаши прославленного сынок... И матушка у него принцесска... Уморили. Могли бы выкуп потребовать, ан нет, погубить им отрадней... Король, сволота, ему не сокровища нужны, а кровь наша...

- Как звали? - в горле Рёрика вдруг пересохло. При упоминании о том неведомом узнике что-то кольнуло его в самое сердце. А во рту будто появился привкус железа.

- Кого? Короля?

- Узника твоего... - Рёрик уже будто знал горький ответ. Откуда-то. Беда не приходит одна. Сначала красавица-любимая. Теперь вот и брат. - Который вчера еще живой был...

- Харальд... - не замечая перемены в лице своего слушателя, трещал Сверре. - Сдружились мы с ним. Славный человек такой. Был. Сам почти не говорил, все больше слушал, иногда улыбался. А потом занемог. Холодно здесь. Простыл, наверное. Бо кашлял долго. Хрипло так, надрывно, словно собака лает. Потом столь ослаб, что и слова произнести уж был не в силах...

- А ты не мог на помощь позвать?! - Рёрик не желал верить в услышанное, хотя знал, что Сверре говорит правду. Знал еще до того, как тот начал рассказывать.

- Да ты чего так осерчал? Звал я ему помощь. Но тут вопи – не вопи, итог один. Они будут токмо рады, если мы здесь издохнем скорей, - Сверре перевернулся на спину, аккуратно придерживая сломанную руку.

****

День сменял ночь, а зима - лето. Так минул год. И лишь в узилище царили извечные полумрак, сырость и холод. Прежде Рёрик не задумывался над тем, каково это сидеть запертым, когда полное сил тело хочет движения. Теперь размахнуться б и метнуть копьё... Или пробежать бы тысячу шагов до реки... Раздеться и нырнуть в воду... Плыть до дальнего берега, пока не кончатся силы. А потом упасть лицом в песок и отдышаться. Но в этой поганой темнице едва ли развернешься.

Как это ни удивительно, но присутствие Сверре сказывалось на Рёрике положительно. Если б не болтовня соседа, в этой яме было бы совсем невыносимо. Правда, через месяц, Сверре не только развлекал, но и действовал на нервы. Замкнутость пространства обеспечивала взаимную усталость друг от друга. И все же Сверре был полезен. Он не только повество-

вал, помогая скоротать время, но и отгонял крыс, пока Рёрик спал. Правда, Рёрику тоже приходилось сражаться с грызунами, пока почивал Сверре. В такие моменты оказывалось скучно. Но доносящиеся с крыльца голоса стражников также иногда могли сойти за развлечение, особенно для того, кто обладал чутким слухом и мог разобрать суть бесед. От нечего делать, Рёрик иногда слушал эти разговоры. И вскоре уже знал, чем живет каждый его страж, какие заботы и радости присутствуют в жизни близких сторожей.

- Принимай корм, оборванцы, - послышался скрипучий голос стража, а затем показался котелок, стремительно спускающийся вниз при помощи веревки и раскачивающийся из стороны в сторону.

- Опять эта гадостная похлебка... - Сверре лениво пополз к котелку. - Вторую руку бы сейчас сам сломал себе за кусок мяса.

- Ну что, кривой, как там твоя деревушка? Отстроили свои курятники? - выкрикнул вдруг Рёрик, обращаясь к стражу, который уже собирался приставить на место доску.

- Ты почему знаешь о моей деревне? - страж завис над ямой. В его чуть скошенных глазах показалось удивление.

- Как мне о ней не знать? Это ж я. Я, говорю! Я твою захудалую деревеньку спалил! - заявил Рёрик неожиданно. - Не знал?!

- Ничего себе... - удивился Сверре, засовывая в рот отвратные ясти. - Разве ты?

- Не лезь, - бросил Рёрик соседу тихо. А затем громким голосом продолжил беседу со стражем, который пока ничего не ответил, но прибывал в неприятном изумлении. - Ну что рот разинул? Сказать нечего? Али язык зажевал?

- Врешь, не был ты там, - возразил страж наконец.

- Вот же тупица... А чего меня тогда в ямку спустили? - Рёрик размахнулся и подкинул вверх комок земли, почти долетевший до лица молодого стража. - А я все сижу тут и думаю, узнаешь меня али нет... Ты ведь меня видеть был должен, коли отбивался вместе с прочей деревенщиной... Или, может, ты в лесу прятался, а не бился храбро?!

Страж хотел что-то возразить, но тут чья-то рука потащила его за локоть.

- Не разговаривай с ним, тебе же сказано было! - напомнил молодому стражнику его сослуживец. Он был старше, опытнее и имел запоминающий орлиный профиль, который придавал его облику суровости. - А ты ешь и молчи! Или воды не дам! - погрозил Рёрику орлиноносый, после чего на яму была накинута доска.

- Ну мне-то оставь там этой снеди неповторимой... - Рёрик забрал у Сверре плоскую лопатку, заменяющую ложку, и принялась поглощать противный ужин.

- Зачем ты донимаешь щенка? - полюбопытствовал Сверре, утирая усы и бороду, отросшие непомерно за время его заключения. Гадкая трапеза насыщала быстро, есть больше не хотелось. - Злой ты какой. Я вот только с врагами нещаден, а ты и этого недотепу затравить готов. То кривым его назовешь. То пошутишь над ним так, что даже я тут рдею от стыда. Теперь про деревню его понадобилось тебе вспоминать...

- Да я, вообще, не знаю, что там у него за деревня, - ухмыльнулся Рёрик, бросив ложку в опустевший котелок. - Вот помои. Кто только такую мерзость настряпал... - утерев рот, Рёрик запрокинул голову и закричал, - Э, кривой, забирай свою посудину!

- Я не уразумел, это ты спалил деревню ему или нет? - Сверре даже приподнялся на локте.

- Не, не я. Его деревеньки в моем списке нет, - Рёрик улегся на спину, уложив руку под голову.

- А зачем взял на себя?! - недоумевал Сверре. - Своих грехов мало?!

- Хочу выбраться отсюда. И да, своих много. Лишнее уже не тяготит.

- Выбраться, заедаясь к этому недорослю? - усмехнулся Сверре. - Как узнал, что ему вообще что-то там сожгли?

- Услышал их разговор, пока ты спал и рот свой держал закрытым, - усмехнулся Рёрик.

- Кажись, дождь начался. Прислушайся...- Сверре обратил подбородок ввысь, полагая, что это улучшит его слух. - Вот в такую же пору и заболел твой братец...- шмыгнув носом, сообщил Сверре. - Не кручинься. Все не так плохо... Знаешь, когда я попал сюда, то тоже был печален. Но потом понял, что мне еще повезло...

- Ну да, могли и сразу голову твою окаянную отнять...

- Да что голова... Я про другое. Мы с тобой тут хоть вдвоем сидим. А как рассказывал все тот же бедолага, - Сверре снова вспомнил своего прежнего знакомого, - много здесь в казематах короля люда заморили. Кидают, к примеру, человека в яму одного. Днем говорить ему не с кем. А ночью грызуны ему уши или нос обгрызают. И спать не может, и не спать не может. А яма еще глубже, чем эта. Но меньше гораздо. В ней нельзя лечь и вытянуться во весь рост. Так и пребывать, полусогнувшись. Разве что встать на ноги да так и спать, как конь. Доверху далеко. А там над головой - настил из досок. А на доски те - землицы набросают. И единственное, что видно бывает и то на мгновение - это рыло стража, что еду на веревке спускает. А если, скажем, свиноподобный тот забудет о заключенном, то и вовсе от удушья умереть можно в эдаком земляном мешке... Но знаешь, что я думаю?..- балабол Сверре никак не мог нарадоваться, что у него появился слушатель. В обычное время Рёрик и сам любил поговорить о том да о сем, но сейчас ему было не до болтовни. Сначала потеря Вольны. Затем Харальда. А теперь еще эта поганая темница. И неизвестно, что дома делается в его отсутствие, как мать без него. - Я думаю, что нам сейчас вот такая земляная яма не грозит. И знаешь, почему? - не дождавшись ответа от угрюмого товарища, Сверре продолжил дальше, - нужны мы им пока. Но только интерес к нам пропадет - и все, считай, отпели свое. Запихнут в ту яму, из которой уж не выбраться. Никто не услышит наших стенаний, жалоб и проклятий... Так что... Если чаешь убегнуть отсюда, то поторопись.

- Да я и так уж тороплюсь, - сплюнул Рёрик. - Еще годик на их вареве - и я уже не смогу никуда бежать, даже если меня об этом попросят...

- Умышленно так кормят, чтоб сил нам меньше оставалось, - предположил Сверре. - Знаешь, тот бедолага рассказывал, что его работать заставляли. Мы вот с тобой тут сидим в бездействии...

- Я б теперь что-нибудь поделал, - Рёрик уже и правда был готов к труду. Безделье оказалось неожиданно мучительным.

- Да не, ты погоди. Думаешь, нас воду заставят носить или дрова колоть?! Это слишком прекрасно. Вот бедолага говаривал, на самый гнусный труд его приневоливали - нечистоты убирать заставляли с зари до заката.

- Не бойсь, нас не заставят...- хмыкнул Рёрик.

- Это почему? - удивился Сверре.

- Потому, что мы слишком для них опасны. Даже ты со своей изломанной рукой. Нечистоты убирать, это, конечно, не секирой махать, но тоже неизвестно, чем увенчается... Нас работать заставить - это все равно что к воротам подвести и открыть их...- усмехнулся Рёрик.

- Это ты прав... Коли бы мне сейчас только наверх из этой ямы выбраться, да так чтоб несвязанным быть...- мечтательно протянул Сверре. - Я бы уж там нашелся, как стрекануть... Ох, еще б и королевскую дочку успел умыкнуть...- расхохотался мечтательный Сверре.

- Знаешь, я ведь уже давно с бабами кое-как... Привык все наспех. То там я, то сям, не до заигрываний мне, времени нет... Хорошо, если вообще поймаю какую-нибудь бабенку более или менее смазливую. А тут, представь, из Царьграда вернулся, к жене бегу со всех ног... Ни еды, ни воды мне не надобно с дороги, только она одна у меня на уме! Хватаю ее ненаглядную... А она орать во все горло...

- Чего это она?!

- Да то! Разозлилась, что сразу юбку ей задрал, - прыснул смехом Сверре. - Видите ли, поцеловать забыл, поговорить и всякое такое... А я и правда уже отвык от нежностей подобных...

В следующий раз, когда отодвинулась доска, над ямой показался орлиный профиль сурового стражника.

- Эй, ты, с худой десницей, - позвал стражник Сверре. - Поднимайся сюда...

- Зачем? - поймав здоровой рукой колыхающуюся лестницу, выкрикнул Сверре.

- Вылезай, сказано тебе, треклятый! - гаркнул страж.

****

Без Сверре в яме сделалось совсем скучно. Рёрик хотел поспать, но свалившаяся на него мышь, прогнала сон. Придавив полевку, Рёрик поднял голову и постарался определить время суток. Сквозь щели между досками не поступало света, не слышалось голосов и шагов. Стало быть, ночь. А Сверре все нет.

Наутро ничего не изменилось. Котелок с отвратной жижей, плоская обгрызенная ложка и моська косога стража.

- Кривой, где Сверре? - любопытствовал Рёрик. Но страж не отвечал, а только молча спускал на веревке еду. - Оглох?! Сосед мой где? Ответь, будь так добр. А взамен я расскажу, что делал с твоей сестренкой в тот день, когда ты прятался от меня в лесу...

- Четвертовали его! Вчера еще! - сорвался страж. - И у меня нет сестренки!

- Ах ты ж, черт. Ну, значит, это была твоя мамка! - издевательски вывел Рёрик. - Я особенно не вникал, не до того мне тогда было. Но дюже на нее ты похож. Хотя нет, она краше, конечно...

- Заткнись, нелюдь! - завопил молодой страж. - Или я...

- Ну-ну, чего ты разгневался? Мы с тобой аки родственники теперь, - Рёрик паскудно рассмеялся. - Полагаю, можешь меня батюшкой теперь называть...

- Подлец! Негодяй! Ты ответишь мне за все! - молодой страж уже много дней сносил всякого рода унижения, выплескиваемые из этой ямы. И никакие методы не могли заткнуть рот заключенного попросту потому, что в отношении него были даны особые указания. Его было велено кормить и поить, а также позвать ему лекаря, если он вдруг заболит. Вероятно, король желал продлить мучения своего узника, который, возможно, был еще нужен для чего-то. - Ты за все заплатишься!

- Я уже сотню раз слышал речи, подобные этой. Дальше бахвальства заячьей душонки вроде тебя обычно не идут... - зевнул Рёрик нарочито громко. И тут ему на голову свалилась какая-то дощечка, скользнула по волосам и шмякнулась на землю. Он поднял вещицу и оглядел. Это оказался овальный деревянный спил, вероятно, с небольшой ветки. На нем было изображено чье-то лицо. - Ты что-то обронил, кривой...

- Что? - страж растерянно прижал ладонь к запазушке. Он только сейчас понял, что наклонился над ямой слишком сильно. Портрет любимой, который стоил немало, но был больше дорог его сердцу, теперь валялся где-то на дне грязной ямы. Страж стал в ужасе всматриваться в полумрак, где Рёрик как раз разглядывал находку. - Отдай немедленно. Положи в котелок!

- Чего за побрякушка? - поинтересовался Рёрик, делая вид, что рассматривает портрет. - Баба твоя?

- Не твое дело! Я сказал, безотложно положи в котелок!

- Понятно... И что, она из той же горемычной деревеньки? Надо при случае навестить и ее. Ну, после твоей мамки, разумеется. Я не привереда, мне любая сойдет... А эта вроде пригожая...

- Заткнись, охальник! - вопил молодой страж, который совсем выпустил из памяти то, что портрет имел с оригиналом самое отдаленное сходство, приметное только истовому поклоннику. - Верни вещь! Тотчас положи в котелок!

- Ну да, «тотчас», - оскалился Рёрик. - Спустись по лесенке да и забери у меня, коли ты такой могучий.

- Я приказал тебе вернуть вещь! - молодой страж уже совсем утратил самообладание, руки его тряслись от гнева и обиды.

- Пошел вон отсюда, слабак. Спать буду. С твоей зазнобой в обнимку.

Молодой страж разверещался столь громко и возмущенно, что Рёрик даже перестал разбирать его слова. Казалось, отчаянный влюбленный сейчас повалится в яму вслед за утраченным портретом, поскольку вновь накренился, словно ива над заросшим прудом. И тем не менее был избавлен от досадного падения рукой все того же стражника с орлиным носом.

- Не разговаривать с ним, чего бы он там ни плел! - рявкнул старший на младшего.

- Но он... - начал было молодой страж.

- Все! Больше ни слова! - гаркнул старший. - Еще раз обратишься к нему, и я прикажу тебя выпороть!

Когда яму вновь загородила доска, Рёрик с досадой повалился на свою лежанку, отшвырнув в сторону портрет незнакомки. Не такого исхода он ожидал, бесчисленное количество дней допекая самого юного и впечатлительного своего сторожа.

****

В яме было сумрачно, сыро и холодно. Сверре так и не вернулся. Переловив мышей и крыс, Рёрик проспал весь день. И, как это обычно с ним бывало, положение стало выправляться в тот миг, когда все надежды уже пошли на убыль. С наступлением ночи слышались голоса и грохот отодвигаемой в сторону доски.

- Достанем этого висельника и поучим его прилежанию, - грозил чей-то яростный глас наверху.

- А если вернется Жано?! - беспокоился второй голосок, который, как различил Рёрик, принадлежал влюбленному стражу.

- Жано пошел спать, вернется только к рассвету, - пояснил третий невозмутимый голос, в котором были трезвость ума и расчет. - А до восхода мы с этим твоим наглецом давно закончим, там делов-то на мгновение...

Поправив ремень и обувь, Рёрик спешно пустился на поиски портрета, выведенного рукой мастера на спиле. Оказалось, что изображение валялось возле лежанки Сверре, и Рёрик поднял его из грязищи в тот последний миг, когда сверху уже сбросили веревочную лестницу.

- Вылезай, мразь, - приказал яростный глас.

- Иду, - с готовностью отозвался Рёрик, воодушевленно поднимаясь по лесенке.

Как и предупреждал Сверре, наверх было лучше не высовываться без веских причин. Не успел еще Рёрик окончательно выбраться из ямы, встать на ноги и расправиться, как тут же получил по лицу чьим-то башмаком, благо, не деревянным.

- Да погоди ты, - утерев выступившую кровь со ссадины на лице, Рёрик поднял вверх руку.

Было темно и ветрено. Луну и звезды съела прожорливая туча. Лишь костер в нескольких шагах от крыльца, то и дело грозящий затухнуть, давал скудное освещение. И все же присутствующие разобрали в руках узника портрет, из-за которого все началось.

- Давай сюда, - приказал тот хладнокровный страж, чей голос был невозмутим.

- Даю, - Рёрик протянул ладонь молодому стражу, над которым глумился уже не первый день.

- Гляди-ка, как хвост поджал, - посмеивались стражники. - Удалец только из ямы выкатить!

А юнец тем временем озарился улыбкой, различив бесценную вещь. Потянулся за ней. Но не успел забрать спил. Рёрик тут же ухватил его за одежду и спихнул в яму, из которой сам только что вылез. Ногой стряхнув вниз и лесенку, и портрет, Рёрик перепрыгнул через крылечко туда, где трепыхался на ветру костер.

Длинные копы были обращены на внезапно вырвавшегося заключенного, как и взгляды взбудораженных стражей. Рёрик уже не впервые оказывался перед неприятным выбором. Для себя из двух путей он всегда выбирал рискованный, но сулящий множество выгод, нежели осторожный и обещающий меньше потерь.

Пламя костра было слабым. Одна половина дров прогорела, а другая - превратилась в рдеющие раскаленные головешки. Натянув на ладонь край рукава, Рёрик схватил краснеющие угли и метнул их в лицо того стража, что был к нему ближе.

Бросок Рёрика не мог быть слишком точен, учитывая сам снаряд, который так и хотелось поскорее выпустить из рук. Горячие угли обжигали кожу, причиняя боль. Однако цель была достигнута. Страж завопил, хватаясь за лицо и выпустив копьё. Подхватив на лету оброненное соперником оружие, Рёрик развернулся и со всего маху вонзил копьё в третьего подоспевшего стража. К этому моменту второй немного пришел в себя и с алеющей маской на лице бросился в атаку. Но и он оказался пронзен грозным оружием, пробившим даже его доспехи.

*****

Угрюмое небо, словно адский котел, перемешивало тучи. Ветер рвал ветки деревьев, завывая, будто раненый волк. Луна погасла. Звезды пали. Даже дороги не было видно. Рёрик бежал наугад, ориентируясь лишь на очертания строений. Он не понимал, где находится – то ли до сих пор в городе, неподалеку от места своего заточения, то ли уже выбежал к деревенькам.

Побег в ночи имел свои преимущества. Фигура Рёрика терялась в темноте и закоулках. Вскоре преследователей стало значительно меньше, чем первоначально. И все же несколько остроглазых стражей не упускали его из виду, следуя за ним по пятам. Ослабевший за время заточения Рёрик быстро уставал. Лошадь под ним давно убили копьем, которым целились в него. Благо, рядом был лес. Рёрик побежал туда. И чуть не угодил в болото. Пришлось пробираться через топи, рискуя быть затянутым в мутную гущу.

Едва не провалившись в трясину в очередной раз, Рёрик понадеялся, что его преследователи отстанут. Но они оказались удивительно упорны. Один всадник угодил в болото, но сумел выбраться, правда, уже без лошади. Остальные были более осторожны. И теперь разрыв между Рёриком и его гонителями неминуемо сокращался. Вынырнув из леса, он побежал по опушке. Затем очутился на тропе, едва угадываемой в темноте. Дорога привела в деревню. Остановившись отдышаться, Рёрик облокотился на чей-то забор и вдруг заметил, что у него жжет сбоку в районе поясицы. Он и не запомнил, как пропустил удар. Немудрено в суматохе. На помощь к тем трем стражам подоспели еще двое, очнувшиеся ото сна. За ними еще четверо. Как бы там ни было, в разгар битвы тело не отвлекается на мелочи, боль притупляется. И, кажется, что все складывается вполне благополучно. И лишь в покое пробуждается осознание того, как велик может оказаться понесенный урон и как болезненны в действительности кровоточащие раны.

- Вон он! Возле ограды! - вопил один из преследователей, самый зоркий. - За ним!

- Где? Не вижу! Слишком темно!

- Возле частокола! - повторил первый, с кошачьим зрением.

Убежать из темницы – это лишь полдела. Главное, оторваться от погони. А на это сил у истощенного Рёрика уже не оставалось. Он один – а их много. И они постоянно сменяются свежими силами. Сторожили его первые. Начали гнать вторые. Погоню продолжили уже третьи.

Внезапно Рёрик вдруг заметил, что калитка, возле которой он отдыхал, заперта кое-как. Она отплыла в сторону под тяжестью его локтя. Он пока не предполагал, как ему быть дальше. Но зато отчетливо осознал, что не желает оказаться окруженным посреди полянки,

где отбиться невозможно. К тому же есть риск, что, невзирая на непогоду, проснутся местные жители. И совсем уж скверно, если они захотят помочь страже короля поймать беглеца.

На спящем дворе залаяла собака. Но, к счастью, она оказалась привязана возле входа в дом и не бегала свободно. Тем временем стражники уже залетели в калитку следом за Рёриком.

- Он там! В дровянике! - сообщил зоркий своим ослепленным темнотой товарищам.

Первый же стражник, забежавший в сарай, свалился с ног, оглушенный каким-то polem. Его печальная участь явилась предостережением для трех других. Прежде чем проследовать в зловещий сарай, они стали совать туда свои копья. Рёрик сумел ухватиться за древко одного из них и влощить хозяина оружия под крышу. Но тут на него набросился другой стражник. Изловчившись, он оказался за спиной Рёрика и вскоре уже удерживал его сзади. Последний страж, ворвавшийся в сарай, не стал тратить времени попусту. Он потерял свое копьё еще при конной погоне. И теперь достал из-за пояса нож и замахнулся, целясь прямо в голову беглецу, которого все еще удерживали двое его сослуживцев.

Задача казалась простой, и страж не сомневался в успехе. Но в последний момент Рёрик успел чуть отклонить голову в сторону. Этого хватило для того, чтобы нож соскользнул с черепа, не сумев повредить кость. Боль была острой и сильной. Кровь лилась столь обильно, что сие озадачило не только самого Рёрика, но и нападающего. А тем временем один из сдерживающих Рёрика стражей вдруг пошатнулся. Оказалось, что соскочивший нож по роковой ошибке оказался в его горле, из которого теперь бил багряный фонтан.

- Ролан, - растерялся нападающий, видя, что, вместо беглеца, неловко сокрушил своего напарника.

- Ты что наделал?! - второй страж не преминул тут же явить свое отношение к происшествию. - Ты же убил его! Ты должен был разить преступника!

В глазах самого Рёрика темнело от боли и крови. Но он осознавал, что если сейчас упадет, то не встанет уже никогда. А ошарашенный страж все еще в ужасе взирал на дергающееся в предсмертной агонии тело своего напарника. Это был всего миг, но для Рёрика хватило и его. Выдрав нож из горла заливающегося кровью стражника, он сделал шаг к сопернику, который только что пытался ударом в голову убить его самого. Неуклюжее покушение стража только еще сильнее разозлило, придав недостающих сил. И в следующее мгновение из уха стража уже торчало прочное лезвие, развернутое под прямым углом к черепу, словно ветка сосны к стволу.

- Ах, ты мерзавец! - разозлился страж, который помогал павшему сдерживать Рёрика, и теперь был весь забрызган чужой кровью. В его руках имелось копьё, которое он подобрал с земли и сразу пустил в ход, не позволяя разгореться ближнему бою.

Рёрик понимал, что всего одна колотая рана может оказаться смертельной в положении, когда тело не защищено доспехами. Увидев рядом с собой крышку от какой-то бочки, он воспользовался ею как щитом. Копьё воткнулось в дерево, удачно застряв между досками.

Схватив разоруженного противника за горло, Рёрик шмякнул того о близлежащую стенку. Страж не стал надеяться на помощь своего последнего оставшегося в живых товарища, валяющегося без чувств после удара поленом, и выхватил из ножен кинжал. Будучи загнанным в угол, он не имел возможности размахнуться, но все же попробовал это сделать. Однако кость грудины уставшего Рёрика оказалась слишком прочной для столь слабого удара. Лезвие скользнуло по ребрам. Поймав нападающего за запястье, в котором был нож, Рёрик вывернул последний из руки королевского бойца так быстро и ловко, что тот даже не сообразил, как это произошло, и только теперь вспомнил наставления своего командира. Похоже, этот заключенный и впрямь не так уж прост. У него множество боевых навыков, которые его сторожам даже неведомы. Они наносят дюжины ударов, от которых толку, что от козла молока. В то время как беглец может сокрушить одним взмахом. И он не делает лишних движений.

Оставшись без ножа и утратив преимущество, страж не растерял отваги и вознамерился сразиться, начав кулачный бой. Но оказалось слишком поздно. У Рёрика не оставалось сил на

продолжительные схватки. Лезвие теперь было снизу его кулака и он, почти уже теряя сознание, размахнулся из последних сил, целясь сопернику во впадину под ключицей.

Удар оказался точен и завершил схватку. Страж оставался еще несколько времени в сознании, но бороться уже не мог. Он хрипел, желая что-то сказать напоследок. Однако говорить ему было трудно. И он лишь красноречиво смотрел на раненого беглеца, у которого шансов выжить теперь имелось больше, хотя еще несколько мгновений назад положение было противоположным.

Глаза Рёрика закрывались вопреки его воле. И все же он не желал оставлять дело незаконченным. Провернув нож вокруг его оси, вытащил лезвие из тела противника, уже не представляющего опасность.

Победа была крайне близка. И Рёрик начал верить в то, что выберется из этого злополучного сарая. Кажется, сами боги помогают своему любимцу. Но он никак не ожидал того, что очухается тот его противник, что забежал в дровяник самым первым и все время боя провалялся без чувств где-то в куче хламья.

Очнувшийся страж с яростью набросился на своего обидчика, действуя тем же орудием, что исключило из схватки его самого. Чурбан в его руках обладал удобной для нападения вытянутой формой и имел узкий край, за который его легко можно было удерживать. Размахнувшись, страж несколько раз вlepил дубиной беглецу, к тому моменту уже еле держащемуся на ногах.

Потоки крови лились в глаза Рёрика, буквально ослепляя его. Кое-как закрываясь рукой от ударов, он ринулся на стража все с тем же ножом, который отнял у предыдущего своего соперника. У Рёрика не было сил на хитрые маневры, но и ошибиться он не мог. В следующее мгновение рукоять ножа выглядывала из солнечного сплетения стража, который не сумел защититься от этого последнего в его жизни нападения.

Дабы не повалиться с ног, Рёрик уперся ладонью в косяк. Словно желая в чем-то удостовериться, окинул взглядом темный сарай. Затем сделал шаг на улицу, пошатнулся и все-таки упал. Он лежал на земле и несколько мгновений смотрел в беспокойное ночное небо. Оно расплывалось перед его глазами. А затем черная туча внезапно обрушилась на него тяжелой плитой.

Глава 14. Вдова

Рёрик не знал, сколько пролежал на холодной земле. Сквозь сон он слышал чей-то голос. Высокий, взволнованный, женский. Звучали и другие голоса. Они казались ему то песней, то криками, то убаюкивающим шепотом. Они витали вокруг него, словно легкое облако над мрачной могилой. А может, это только привиделось. Он хотел открыть глаза, но его веки будто окаменели.

- Что скажешь? - молодой женский голос на миг пробился сквозь пелену дремы, что завладела Рёриком. - Он умрет?

- Нет, совсем нет, - второй голос принадлежал пожилой женщине, он был чуть сварливым и скрипучим.

- Но он весь в крови... - послышался расстроенный вздох.

- На нем много ран, все они зело болезненны для него. Но ни одна из них не несет смерть...

- Ты уверена? Зачем тогда он не придет в себя? - волновался молодой голос.

- Если ты сомневаешься во мне, приведи сюда лекаря, - проворчал скрипучий голос.

- Однажды я уже привела лекаря... Он посоветовал молиться. А потом этому дому понадобился священник... - огорченно заключил молодой голос. - Пусть ты и ведьма, но я верю тебе. Только скажи, почему он не открывает глаза.

- Потерял много крови. Ты не понимаешь, что с ним, и оттого пугаешься. Но его раны не опасны для жизни. Шкуру попортили. Но мясо цело, - усмехнулась старая колдунья.

- А те четверо, что в сарае? Они выглядят намного лучше, их можно спасти?

- Они выглядят намного лучше, но они все уже мертвяки, - колдунья произнесла последнее с усмешкой, словно предмет разговора был шуткой. - Однако что ты хочешь делать с этим? Он убил стражу короля. Не нужно ли доложить о нем? Возможно, он какой-то преступник.

- Всевышний пожелал сохранить его жизнь, - вздохнул молодой жалостливый голос. - Если я не могу помочь тем четверым, то хотя бы не стану губить этого... Что бы он там ни сделал, не нам судить...

- Весьма сердобольно. Хотя как можно не пожалеть такого красавчика... Что ж... В таком случае подумай, куда спрячешь тела тех неумех... - скрипучий голос выдавал натуру своей владельницы. Она легко рассуждала о смертях и посмеивалась над павшими.

- Спрятать? - на сей раз вздох не выражал сочувствия, а предполагал напряжение. - А если их кто-то видел? Вдруг их будут искать?

- Никто их не видел. Твой дом с краю. Было темно и холодно. А ветер завывал. В такую ночь ставни держат закрытыми... - рассудила колдунья. - И все же я бы не советовала тебе оставлять его здесь.

- Отчего же? - ласково мурлыкнул молодой голос.

- А ты не видишь?! С таким только хлопоты... - справедливо подметила колдунья. - Еще вечером ты спокойно засыпала в этой самой постели, а уже сейчас думаешь о том, куда девать четыре трупа из твоего дровяника.

- Господь Всемогуший, как совладать мне со всем этим! - запричитал молодой голос. Впрочем, вопреки манере постоянно поминать высшие силы, этот голос, кажется, привык в какой-то степени полагаться и на себя.

- Тут поблизости ведь есть некто, кто ценит тебя столь высоко, что и в эдаком трудном деле пособит? Есть такой, кто за тебя убьет другого? Или хотя бы поможет избавить этот дом от останков непрощенных гостей? - подсказала колдунья.

- О, Создатель, за что мне все это!.. - послышалось удаляющееся шуршание одежд. Очевидно, молодой голос собрался держать речи уже в другом месте. - Я ненадолго. Пойду, пока

темно. Схожу тут поблизости. А ты здесь посиди. Присмотри за ним. Вдруг проснется. Мало ли что там дальше...

- Мало пока, - усмехнулся скрипучий голос колдуньи. - Проснуться – проснется. Но далее калитки ему не уползти... Лишь токмо глаза раскроет - все раны заболят разом. Ему понадобится много времени, дабы восполнить силы. Но наступит день, когда он снова станет прежним.

****

Очнувшись, Рёрик нашел себя в незнакомом доме. Тело нестерпимо болело, хотелось пить. Но более всего мучили вопросы... Нет ли больше погони? Что это за место? Даже не вставая с кровати, можно было понять, что жилище принадлежит человеку, некогда процветающему, но нынче испытывающему трудности. Дом был просторным и красиво отделанным. И все же цвета давно поблекли, ковры истончились.

Рёрик хотел подняться, но вместо этого уснул, даже не заметив, как это произошло. Сон накинул на него свои зыбкие сети, и он запутался в них. То ему снилось, что он все еще возле сарая, и свинцовая туча давит ему на грудь. Затем его возвращало в сырую темницу. Там было непривычно жарко, вопреки обыкновению. Над ним склонилось несколько стражей, спорящих между собой о том, жив он или мертв. А какой-то самый любопытный из них потянул к его лицу руку. И Рёрик бессознательно схватил и сжал запястье пытливого стража, не позволяя дотрагиваться до себя.

- Тише, тише, отпусти меня, - послышался нежный голос, который никак не мог принадлежать привидевшемуся стражнику.

Рёрик насилу открыл глаза. И увидел перед собой женщину. В ее руке была мокрая тряпица, которую она пыталась уложить на его раскаленный лоб. Рёрик отпустил запястье женщины и снова погрузился в туманное забытие.

Когда в следующий раз он пришел в сознание, был день. Пасмурный, хмурый, но все-таки день. Слышался гул дождя за окном. В самой комнате было сумеречно. Тело болело еще сильнее, чем при прошлом пробуждении. Горло сдавило от жажды. Рёрик чуть повернул голову и огляделся. Все тот же дом. Значит, ему не пригрезилось. Что бы тут ни было, всяко лучше, чем в темнице.

Растворилась дверь, в комнату вошла женщина. Он узнал ее. На сей раз вместо тряпицы в ее руках был кувшинчик.

- Пришел в себя, - женщина улыбнулась и присела на кровать возле Рёрика. - Хочешь воды, да? - угадала женщина, прежде чем Рёрик успел ответить. А после помогла ему сделать несколько глотков, придержав сосуд.

- Сколько я здесь?..- Рёрик уже потерял счет времени, заплутав в своих сновидениях.

- С ночи лишь...

****

Это был дом молодой вдовы, на заднем дворе которого Рёрик убил четырех стражников. Помимо самой хозяйки здесь жили двое ее детей: мальчик и девочка - девяти и пяти лет. Первое время Рёрику было так плохо, что он с трудом различал время суток. Но вскоре его здоровье взяло верный курс, во многом благодаря заботе хозяйки дома.

Вдова оказалась воплощением добродетели, которой, кажется, не могло существовать в мире, исполненном злобы и алчности. Миротлюбивая, легкая, шутливая. Одно ее присутствие действовало исцеляюще. В ее доме было не просто удобно и тепло - тут было отраднo, словно в раю. Впервые в жизни никто не донимал Рёрика вообще ничем. Ни вопросами, ни просьбами, ни укорами. Он мог спать весь день. А мог не спать. И это никак не влияло на течение жизни вокруг него. Он неоднократно ловил себя на мысли, что даже в собственном жилье ему не бывало столь же спокойно, как здесь.

****

- Я принесла новое лекарство, сними рубаху, - вдова достала из передника маленькую деревянную коробочку, убрала притертую крышечку, и в комнату вырвался пряный аромат трав.

- Марта... Ты сушая волшебница, - Рёрик оглядел свою спасительницу, которая казалась ему ангелом милосердия. За несколько дней они успели подружиться. И если бы теперь Марте понадобилась помощь, Рёрик пришел бы к ней даже с другого края земли. Однако в данный момент помощь была нужна ему самому. - Но я не хочу злоупотреблять твоей добротой и дальше. Завтра я покину твой дом.

- Слишком рано. Ты нездоров, - вдова присела возле Рёрика и принялась помогать ему снять рубаху, не задевая подживающие раны. - Малейшая стычка по дороге с кем-либо, и твоя жизнь окажется в опасности.

- Она всегда в опасности, - усмехнулся Рёрик.

- Та колдунья, которую я приводила тебе вначале... Она изготовила это снадобье. И сказала, что тебя пока нельзя отпускать. В раны может попасть грязь... - вдова взялась наносить мазь на грудь Рёрика в том месте, где остался след от ножа. - Еще она сказала, что тебе очень повезло. Все повреждения поверхностны. Но этой удачи может не быть в следующий раз. Здесь твое сердце, - вдова с видом знатока указала на область, куда наносила лекарство. - Лезвие могло достать до него. Тебе посчастливилось, что этого не случилось.

- Мне посчастливилось, что мой соперник оказался не слишком опытным. Прямым ударом в сердце попасть трудно. Нож обычно скользит по ребрам. Нужно было бить снизу, под углом...

- Ты говоришь ужасные вещи... - вдова вздохнула. Было видно, что ее расстраивают подобные разговоры. Она примерно знала, где находится сердце – старая колдунья уже просветила ее - но не предполагала столь жутких подробностей. - Когда я увидела тебя впервые, то сразу поняла род твоих занятий. Ты был ранен. Но один сумел убить четверых мужчин. В моем сарае, кстати. И твои слова меня пугают. Одно дело обороняться, и совсем другое – нападать самому.

- Со временем не чувствуешь разницы. Это как в воду прыгнуть. Сухим не останешься, - Рёрик чуть отклонился в сторону, когда вдова задела струп, покрывший ранение плотной коркой. - Я защищаюсь уже таким образом, чтобы мой противник не поднялся против меня. Прости за сарай и тех четверых.

- Тебе не нужно извиняться передо мной. Ведь они - не мои сыновья. Но чьи-то. И мне жаль их матерей.

- Ты безмерно добра... - Рёрик только сейчас обратил внимание на то, что Марта еще ни разу его не упрекнула, хотя он доставил ей множество неприятностей. - Кстати, ты так и не сказала, что с ними стало.

- Один человек... Вернее, друг моего покойного мужа... Я сказала ему, что ты мой брат. И что ты попал в беду. Он увез тела на телеге в лес и там предал их земле. Я молюсь об упокоении их душ.

- Мне жаль, что тебе пришлось пройти через все это, - Рёрика огорчало, что его действия затронули эту добрую женщину. По его милости, она оказалась в положении, требующем прятать трупы незнакомцев. - Зачем же ты помогла мне?

- Ты сам помог себе, сокрушив своих преследователей. Я лишь залечиваю твои раны, - вдова взяла обожженную углями руку Рёрика и положила себе на колени. Зачерпнула из коробочки мазь и нанесла на место ожогов. - Следы от огня быстро стираются... Сейчас осмотрю твою голову... - закрыв коробочку, вдова встала на ноги и оказалась на одном уровне с сидящим Рёриком. Наклонив его лоб к своей груди, она недолго копошилась в его волосах и, наконец, нашла место пореза. - Здесь заживает быстрее всего... - с улыбкой сообщила Марта, уложив ладони на плечи Рёрика.

С первого взгляда вдову нельзя было назвать красоткой. Однако чем больше Рёрик узнавал ее, тем симпатичнее она ему казалась. В данный момент она виделась ему восхитительной. Ее глаза светились лаской, но сквозил в них и некий задор. Ее голос был негромким и спокойным, хотя она часто смеялась и придумывала шутки. А ее нежные руки все еще покоились на его плечах. И он никак не мог избавиться от мысли, что хочет обнять ее. Ему стоило определенных усилий этого не делать. Все же это чересчур даже для него - домогаться до своей благодетельницы, хоть она и оказалась возле него недопустимо близко. Она представила его своим братом, заботится о нем, как о родном... Следовательно, он должен быть почтительным.

****

Но и в раю можно заскучать. Сначала Рёрик отдыхал и никак не мог насладиться этим непривычным чувством свободы от любых обязанностей и особенно от необходимости что-то постоянно предпринимать. Он не был занят физическими работами, и разум его также не утруждался в эти дни. И все же по мере возвращения сил, он стал ощущать неясную тоску, которая рождается только в продолжительном бездействии.

- Я принесу воды. Скажи, где колодец... - Рёрик потянулся к ведру, которое держала Марта, стоящая в дверях. Но она не позволила ему забрать сосуд.

- Я сама... - вдова отвела руку с ведром в сторону. - Ты еще не окреп, не надо...

- Я очень ценю твою заботу, но я уже вполне здоров, - заверил Рёрик. Разумеется, он преувеличил. В его теле все еще присутствовала слабость, он быстро утомлялся, даже ничего особенно не делая. И все же он хотел помочь приютившей его женщине хоть в чем-то. Обычно его не мучила совесть, но теперь он явственно чувствовал себя неловко оттого, что целыми днями прохлаждается, отсыпаясь завернутым в одеяла.

- Если ты пойдешь к колодцу, то тебя могут узнать, - вдова измыслила более действенный довод. - Ты не должен пока выходить за ворота.

- Ладно, чем тебе помочь здесь?

- Ох... Ну я не знаю... Наточи нож... - оглядевшись, Марта указала на стол, где возле очага лежал большой старый нож. - Когда я вернусь с колодца, то приготовлю еду. Ты уже скоро проголодаешься.

Из всех дел, которые можно было вообразить, порученное Мартой представляло для Рёрика наибольший интерес и удовольствие. Для воина нет ничего горше, чем остаться без своего снаряжения. И не только потому, что он оказывается уязвим. Забота о своем оружии для него естественна, как забота матери о младенце. Лишившись меча еще год назад, Рёрик теперь уже был рад даже обычному ножу. Расположившись на крыльце, он взял точильный камень, масло и принялся за дело. Его движения были плавными и бережными. И вот вскоре поверх старой кромки проявилась новая.

Рёрик почти закончил точить нож, когда услышал голоса за забором. Вдова объяснялась у калитки с каким-то мужчиной. Они не кричали, но было ясно, что между ними имеется противоречие.

- Я же сказала, уходи. Мой брат болен, и я не хочу, чтобы ты побеспокоил его...

- Я не побеспокою его! - настаивал мужчина, силясь войти в калитку. - Мне надо поговорить с тобой.

- Мне теперь не до разговоров, ступай, - вдова все-таки не впустила во двор своего знакомого и захлопнула калитку. Но тут же увидела Рёрика, сидящего на крыльце. - Это друг моего мужа... Не обращай на него внимания... - зачем-то пустилась в объяснения вдова. Впрочем, Рёрик и не интересовался персоной, оставшейся за оградой. Его сейчас мало что заботило из внешнего. Единственное, о чем нельзя было не думать – это нестерпимый зуд заживающих ран. Чесотка оказалась столь сильна, что в пору уже разодрать кожу в клочья, лишь бы это ужасное ощущение прекратилось. Тут уж точно не до друзей покойного мужа вдовы. - Все получилось?

- Да...- Рёрик поднялся на ноги и протянул вдове ее нож, перевернув последний рукояткой к ней.

- Очень острый...- похвалила Марта. - Теперь пойд и отдохни...

- Я больше не хочу отдыхать. Скажи, чем еще помочь тебе...

- Ладно...- вдова прислонила ладонь ко лбу, будто вспоминая, что в ее доме может требовать участия мужской руки. - Там в сарае дерево. Если можешь, наколи дров. Секиру найдешь там же...Но не переутомись.

Предположив, что топору вдовы также требуется заточка, Рёрик прихватил с собой оселок и двинулся во двор. Старый сарай зарос плющом. В углу у выхода были аккуратно сложены в поленицу наколотые дрова, которых оставалось немного. Всю остальную площадь помещения занимали заготовки, сваленные в кучу.

Топор был воткнут в пенек. Когда Рёрик взял его в руки, то заметил, что лезвие острое, будто наточено совсем недавно. На нем не было зазубрин, и оно блестело по краю.

Солнце спряталось за лес. А стук топора все еще разносился по округе.

- Пойдем в дом, уже темнеет, - позвала Марта. А Рёрик и не заметил, как за вечерело.

- Я хочу доделать, - Рёрик отер тыльной стороной ладони лоб.

- Потом доделаешь. Тебе нужно отдохнуть...- вдова забрала топор из рук Рёрика и положила его за дверь сарая. - Пойдем. Я приготовила ужин...

Марта взяла Рёрика под руку, поскольку он все еще думал остаться на улице, и повела в дом.

****

- Завтра рано утром мне нужно будет уехать...- накладывая в миску Рёрика еду, говорила Марта. - Я собираюсь навестить родственников. Это не близко. И для меня было бы проще вернуться на следующий день. Ты присмотришь за детьми?

- Ам, ну да...- Рёрик чуть растерялся. Он не полагал себя умелым нянчильщиком, поскольку никогда прежде не заботился о детях. Но теперь не мог отказать вдове в единственной просьбе после всех ее благодеяний. Хотя поручение было для него сложнее, чем перерубить в щепки все ее дрова, сарай и лес. С другой стороны, дети не такие уж маленькие, чтоб не протянуть один денек без мамки.

- Что такое? - вдова лукаво улыбнулась. - Боишься малышни?

- Ага, - усмехнулся Рёрик.

- Ну разумеется, для тебя проще справиться с вооруженной стражей, чем присмотреть за двумя малышами, - рассмеялась Марта. И смех ее оказался столь заразительным, что Рёрик уже и сам посмеивался. - Не беспокойся. Они самостоятельные. Сами едят, играют и спят. Тебе просто нужно быть рядом с ними на случай, если придет кто-то чужой.

- Ну раз так, то я готов, - вздохнул Рёрик с облегчением. Выступить защитником малышни было для него подходящим занятием. Ничего другого он не умел. Или, по крайней мере, ни в чем другом он бы так не преуспел.

****

День нянчильщика противоречив. Время то замирает, то летит стрелой. К счастью, дети оказались воспитанными и независимыми. Они не дергали Рёрика по пустякам и не пакостили. При нем они были даже еще более примерными, чем в присутствии матери. Лишь вечером, когда пошел дождь, девочка испугалась грозы и расплакалась.

- Возьми ее на ручки и пожалей. Мама всегда так делает, - объяснил мальчик. Он был старше и мог заснуть в любую погоду, в отличие от сестренки.

Совет оказался дельным. Очутившись на руках, девочка быстро успокоилась. Положив головку на плечо Рёрика, она многообещающе зевнула.

- Когда мама вернется? - прозвенел детский голосок.

- Скоро вернется, я думаю, - на самом деле Рёрик ждал возвращения вдовы уже давно. Но прошел день, наступил вечер, а Марты все не было.

- Тогда положи меня в ее кровать, когда я усну, - распорядилась малютка.

Дождь затихал. Фитилек в латке с жиром догорал. И, кажется, остаток ночи обещал быть спокойным. Но тут на улице залаяла собака. Было слышно, как она рвет веревку, пытаясь отвяжаться. Несмотря на то, что собак обычно на ночь спускали, вдова поступала наоборот. Днем ее пес бегал по двору, а с вечера стерег у самого входа. Сие казалось Рёрику в корне неправильным. Войти в жилище можно не только через дверь. И все же он не стал высказываться по сему вопросу или что-то менять в укладе этого дома.

Вскоре собака затихла. Возможно, потеряла из виду раздражитель. А может, никакого раздражителя и не было: ей попросту почудилось.

Но вот беда, собаке, может, и почудилось. Но Рёрику почудиться не могло. Он совершенно точно разобрал, что кто-то ходит под окнами. Ходит осторожно и медленно, словно присматриваясь. Кто бы это ни оказался, он проник сюда противозаконно. Поскольку забор вокруг владений Марты был высок, а калитка запиралась изнутри.

Уложив заснувшую девчущку в постель Марты, Рёрик пошел к окну и встал рядом с подоконником, с той его стороны, куда не падал свет луны. Ставни были не заперты или заперты плохо. И вот теперь они поскрипывали, что являлось вполне определенным признаком.

Ждать пришлось недолго. Вскоре ставни распахнулись, в оконной раме показался чей-то профиль. Незнакомец всматривался в темноту комнаты, покачиваясь из стороны в сторону и вертя головой. Рёрик не стал дожидаться, пока будильщик ворвется в дом и нарушит его покой. Резко вытолкнув незваного гостя из окошка, Рёрик и сам выпрыгнул следом, желая провести некоторое дознание.

- Где Марта?! - заорал поверженный, оказавшись пригвожденным к земле ногой Рёрика, установившейся на его шее. - Ты кто такой?!

- Не шуми, - перво-наперво предупредил Рёрик. Если сей плут начнет голосить, то малышня может проснуться. - И не дергайся. А то мне придется сломать твою тощую выю. Зачем в дом полез?

- Я без злого умысла... - захрипел незванный гость. - Где Марта? Она тоже в опочивальне?

- Не твое дело. Так зачем ты тут?!

- Хотел поговорить с Мартой! Убери ногу, я сейчас задохнусь, - закашлял горе-форточник.

- Задохнешься. Если правды мне не скажешь, - несмотря на то, что поверженный оказался знакомым хозяйки дома, Рёрик не спешил его так просто отпустить.

- Я живу тут недалеко, сосед Марты. Давно не видел ее, забеспокоился... Просила она меня тут как-то в лес съездить. Почти в то же время, что и сейчас... Сказала, брат в беду попал...

- А, так это ты, - Рёрик догадался, о ком речь. Стало быть, в некотором смысле он обязан этому человеку. И обязан очень, если уж на то пошло.

- А ты сам? Ты и есть брат Марты? Или ты другой кто-то? - гость теперь уже был в вертикальном положении и отряхивался, поскольку Рёрик отпустил его после установления личности и заслуг.

- Марты дома нет, - Рерик, наконец, соизволил дать ответ на самый первый вопрос, вылетевший из уст ночного посетителя.

- А где она? С ней все хорошо?

- Надеюсь, что хорошо... - Рёрик и сам уже не знал, что думать о затянувшемся отсутствии Марты. - Скажи-ка мне, «сосед»... Ты всегда это в полночь к Марте в окно лезешь?

- Нет, я же объясняю... Я давно ее не видел... Вот и стал тревожиться. Мало ли что случилось после того-то ночного происшествия... А как днем мне подойти сюда? Вот я и решил, что лучше по темноте...

- Мда, - Рёрик нашел своего собеседника странным. Возможно, что-то недоговаривающим. Да не «возможно», а точно! Лезть к Марте в спальню и настаивать на том, что желал диалога. Похоже на бредни. Хотя кто знает, что происходит в этой заколдованной деревушке... Как бы там ни было, осуждать своего спасителя - это не совсем правильно. - Ладно, иди отсюда. Пока я добрый.

- Марты точно в доме нет? Кто тогда там, на кровати? - не отступал сосед, силящийся заглянуть в окно.

- Кто надо, тот и есть. Иди уже, - Рёрик подтолкнул гостя в сторону тропинки.

Гость удалился, перелезши через забор. Тучи рассеялись. На юге засияла полная луна. Рёрик немного постоял на улице, затем вернулся в дом. Происшествие показалось ему подозрительным. Хотя он пока для себя четко не обосновал, в чем заключается, собственно, эта подозрительность. Заперев ставни изнутри, он вышел из комнаты Марты.

Рёрик уже почти уснул, как вдруг вновь услышал выбивающиеся из общего фона звуки на улице. Теперь это было не тихое шуршание под окнами, а вполне определенный грохот у ворот.

На сей раз причина шума была отраднa – сама Марта. Непогода задержала ее в пути, но не смогла помешать возвращению домой.

****

- Как дети? Как ты? - устало выдохнув, вдова присела на лавку, дабы перевести дух. Накидка и платье на ней были мокрые. Очевидно, она попала под дождь, который лил весь вечер и прекратился лишь недавно.

- У нас все хорошо, - в действительности Рёрику было бы проще присмотреть за целой армией, нежели за двумя детьми. Про незваного гостя он пока не стал упоминать.

- Там возле калитки несколько тяжелых корзин. Со снедью и гостинцами для детей от родни... Занеси плетенки в дом... - попросила вдова. - Не хочу оставлять на ночь под открытым небом.

Несмотря на поздний час, отвратную погоду и сонливость, Рёрик был рад оказаться полезным своей благодетельнице. Он постоянно предлагал ей помощь и, кажется, починил в ее владениях уже все, что мог. Но продолжал чувствовать себя обузой, каковой ощущается в доме сердобольной хозяйки.

Корзины и правда оказались тяжелыми. К тому же их было несколько. Очевидно, что Марту кто-то подвез на телеге, поскольку самостоятельно она бы не смогла доставить к дому сию поклажу.

Перетаскав все корзинки в переднюю, Рёрик проверил ворота и двинулся обратно. Дверь была не заперта, и он вошел в дом. Открывшаяся картина несколько его озадачила. Вдова стояла посреди комнаты. И была почти раздета. На ней имелась лишь тонкая сорочка, которую глаз Рёрика не воспринимал за одежду вовсе. В свете лампы кожа Марты отливала теплым золотистым оттенком. Очевидно, переодевания затянулись. Возможно, сначала путешественница заглядывала к детям или еще что-то задержало ее.

- О, прости, - будь на месте вдовы какая-нибудь другая женщина, Рёрик не стал бы извиняться. Сейчас он и отшучиваться не стал. Шутить со своей спасительницей на подобные темы показалось ему не только жестом неуместным, но и оскорбительным для нее. Поэтому он решил, что должен и обязан пойти на улицу. Пойти и насладиться образом луны, пока промокшая Марта обряжается в сухие платья. А потом вернуться в дом и постараться поскорее уснуть, не думая о своей спасительнице, неожиданно столь соблазнительной после дождя.

- Не извиняйся, - Марта не улыбалась, но ее взгляд не сердился. Ее волосы были все еще влажными, с них падали капельки воды. И Рёрику почти неодолимо захотелось сбросить

с Марты ее холодную мокрую сорочку. Поскорее согреть свою спасительницу, заключив ее в горячие объятия. Мысли уже не слушались его. И лишь голос Марты заставил сосредоточиться.

- Когда ты в последний раз любовался женщиной?

- Ох, не помню, - усмехнулся Рёрик. Он сидел в яме меньше двух лет, но время там тянулось невероятно медленно и мучительно, словно минул целый век. И теперь он не мог поторопить себя выйти из дома, хотя вроде еще в прошлое мгновение был полон решимости удалиться к корзинкам и луне. А то, что Марта задерживала его вопросами, лишь усугубляло положение. Несмотря на свое глубокое уважение к ней, он уже сомневался в том, что, вообще, должен куда-то идти.

- Ты хочешь дотронуться до меня? - Марта вдруг сама сделала шаг к Рёрику. Взяла его ладонь и приложила к своему сердцу. Марта вообще часто касалась его: то наносила мази, то осматривала раны. Но теперь ее жест выражал совсем иное, нежели заботу. - Я позволяю.

Объятия вдовы оказались опьяняющим ливнем. Таилась ли причина в многодневном покое или эта женщина явилась для Рёрика воплощением совершенства, но он никак не мог насытиться ею, не желал выпускать ее из своих рук. Рядом с ней было столь легко и спокойно, как может быть только рядом с близким человеком, от которого не нужно ждать подвоха. Она не лезла в его душу, ничего не требовала от него и ни в чем не упрекала. И оттого она была для него милее любой красотки. Даже говоря о серьезном, она шутила. Рёрику всегда нравились именно такие женщины. А сейчас ему более всех нравилась Марта. Она была желанна, словно остров посреди бушующих штормами вод. Укрыться на этом острове, отмахнувшись от бури, позабыв о тяготах минувших дней пути. Ее голос стал лекарством, ее руки - тенистыми ветвями под палящим солнцем. Уложив голову ей на грудь, Рёрик заснул так крепко, будто выпил сонное зелье. Впервые за долгое время сон принес ему забвение.

*****

Некрупный изящный олень скользил по снежному одеялу. Серовато-бурая шерстка мелькала среди стволов. Останавливаясь то возле дерева, то возле кустарника, олень поднимал морду к веткам, пытаясь отыскать почки и не облетевшие листья. Не находя зелени, он принимался разрывать передними ногами сугробы, где часто прятались мхи и лишайники, сухая трава, а иногда жёлуди, орешки и каштаны. В этот раз косуле не повезло. Зима выдалась голодной. Пришлось довольствоваться корой и хвойными иголками. Такая трапеза не могла увлечь слишком. Наверное, оттого животное прекратило жевать и подняло голову, прислушиваясь к хрустнувшей где-то неподалеку ветке.

Было тихо. Но что-то все-таки заставило косулю встрепетаться. И уже в следующий миг животное понеслось прочь.

- Ах ты, - Рёрик проводил взглядом небольшие изогнутые рога, умчавшиеся вдаль. Он ходил за этой косулей с рассвета, но никак не мог приблизиться к ней. Каждый раз он почти переставал дышать, подступал к ней лишь с подветренной стороны, но все равно оказывался распознанным чутким животным. Оно было удивительно осторожным и убегало при малейшем намеке на опасность.

Поправив лук за спиной, Рёрик неторопливо пошел по следам, останавливаясь и осматриваясь, дабы снова не напугать косулю. По его подсчетам, она должна была находиться где-то поблизости. Он уже знал, как она ведет себя, будучи потревоженной. Отбегая на несколько десятков шагов, замирает и прислушивается. А потом снова начинает искать еду, становясь уязвимой на некоторое время. И все-таки уже не единожды олень убегал прежде, чем Рёрик успевал подойти на расстояние выстрела.

На сей раз косуля испугалась основательно. Поблизости ее не было. Но Рёрик примерно предполагал, куда побежало животное. К источнику, возле которого часто околачивалось. Оставленные следы указывали на то же направление. А уж не поймать зверька у водоема не смог бы только простофиля.

****

Неся на плечах добычу, Рёрик подходил к дому. Обычно Марта ждала его на крыльце. Но сегодня на улице никого не было. Бросив тушу косули на огромный стол во двореке, Рёрик зашел в переднюю. На звук его шагов выбежала Марта. Ее щеки чуть розовели, говоря о том, что она взволнована. Обычно говорливая, она теперь наоборот помалкивала.

- Что такое? - Рёрик обнял Марту и поцеловал ее чуть пухлые губы, которые ему очень нравились. Но Марта приняла его поцелуй нехотя, словно торопясь куда-то. Затем убрала его руку со своей талии, оглядываясь в сторону комнаты.

- Тут такое... - начала Марта негромко. Но не успела объясниться.

Дверь отворилась. На пороге возник темноволосый мужчина. Его лоб ломили две глубокие борозды. Он смотрел на Рёрика недоброжелательно, хотя видел впервые.

- Это брат моего мужа. Жув, - вдова представила гостя, недоверчиво рассматривающего Рёрика.

Обед проходил в безмолвии, что показалось Рёрику странным. Впрочем, тому имелись некоторые основания. Дети гостили у родственников, и отчего дом сам по себе стал во много раз тише. Словоохотливая вдова все больше была занята у очага. А когда возвращалась за стол, то чаще молчала, время от времени покусывая губы. Жув же сверлил взглядом Рёрика и также немотствовал.

- Жув говорит на другом наречии. Вы не поймете друг друга, - вдова словно угадала мысли Рёрика, когда тот уже вознамерился узнать, какого черта этот Жув так уставился на него.

- А, - кивнул Рёрик в знак понимания и вернулся к своей миске.

После обеда суровый Жув остался за столом. Сложив руки в замок, он сидел недвижимо. С таким же мрачным видом, что и в начале трапезы. Вздыхающая вдова мыла посуду в корыте. Рёрик пошел к ней, но она будто невзначай юркнула за печку.

- Пойду, пожалуй, к косуле... - Рёрик решил заняться разделыванием туши. Это было интереснее, чем недовольная рожа Жува.

Остаток дня пролетел быстро. Рёрик был занят оленем. Снятие шкуры и разделывание туши заняло время. Благо, сезон шел холодный, и мясо обещало сохранять свежесть. На протяжении работы Рёрик почему-то думал о Жуве. Да, этот Жув кажется странным. Хотя, может, это из-за того, что они не говорят друг с другом. Но ведь выяснится же потом, что Жув совсем неплох! Так часто бывает, что первоначальное впечатление обманчиво. И все-таки, несмотря на то, что Жув ничего дурного не сделал, тот не нравится ему, Рёрику. Не нравится и все тут. И он не должен искать оправдания самому себе, почему так происходит.

- Я принесла тебе воды, - голос Марты прогнал мысли Рёрика. Она поднесла к его губам ковшик, поскольку сам он не захотел брать посуду грязными руками. - Шкуру и копыта не выбрасывай.

- Плохая у косули шкура. Для одежды не годится. Ворс трубчатый, хрупкий, будет ломаться и выпадать, - предупредил Рёрик. - У тебя уже много доброго меха, этот не нужен... - у Марты и правда скопилось множество шкур: хватило бы и до конца дней. Рёрик ходил на охоту часто и приносил нечто получше косули.

- Ничего, сгодится кому-то. Ты с ней сделай что-нибудь... Что нужно... Натри золой или глиной... А завтра отвезу на ярмарку... Только камус оставь, сошьем обувь... - рассудила благоразумная вдова. Она хотела сказать что-то еще. Но тут вдруг раздался чей-то писклявый голосок.

- Соседка, привет тебе! - молодая женщина с торчащими из-под шапочки кудряшками улыбнулась Марте и подмигнула Рёрику. - Принесла тебе лепешек... А это кто? - взгляд молодой женщины, направленный на Рёрика, выражал интерес.

- Благодарствую... Это... Это мой брат, - выдохнула Марта, уложив руку на лоб.

- Сколько же у тебя братьев...- усмехнулась соседка, кокетливо поглядывая на Рёрика.
- Завтра на ярмарку собираешься?
- Да...- рассеянно ответила Марта.
- С собой меня возьмешь? - улыбалась соседка.
- Возьму, ладно, - кивнула Марта, закусив губу. - Завтра...Завтра увидимся...- Марта взяла соседку под локоть и повела к забору, попутно что-то поясняя.
- Тогда до завтра...- соседка удалилась так же внезапно, как и появилась. Тому способствовал небольшой лаз в заборе, который она успешно использовала.
- Я – брат? - переспросил озадаченный Рёрик, когда соседка скрылась.
- Так лучше. Чтобы не было лишних вопросов и разговоров, - пояснила Марта. - Ты ведь не рассердился?

- Нет...- Рёрику соседка не понравилась. Хотя лепешки оказались вкусны. Наверное, день такой зловредный, что ему никто не нравится. А может, дело в ином. Может, он сам, всем известный Рёрик, просто измаялся. Зависающий в постоянных передрагах, в минуты покоя он прежде мечтал о безмятежном доме, тихой размеренной жизни. Но и безмятежный дом не дарует ему счастья, как видно. Рядом с Мартой хорошо, удобно и спокойно. Но чего-то не хватает. Или он просто не умеет быть мирным жителем, выделяющим шкуры, нянчащим детей и катающимся на ярмарку. Кажется, все так, как должно быть. Так говорит разум. Но сердце не соглашается.

*****

Каждый раз как на улицу опускался сумрак, дом Марты засыпал. Сегодняшний вечер стал исключением. В свете масляной лампы, Жув мрачно снес свой ужин и, кажется, не собирался отходить ко сну. Марта копалась с посудой где-то за занавеской возле очага.

- Пойду спать, - Рёрик обнял вдову со спины и поцеловал ее белую шею. Ей нравилось, когда он так делал. - Ты скоро?

- Нет, не скоро...Доделать тут надо...Ты иди, отдыхай, - Марта чуть отклонилась от Рёрика.

- Я буду тебя ждать, - Рёрик поцеловал алеющие губы вдовы, которые она искусала за время ужина, и уже собрался уходить.

- Не жди, я лягу здесь, возле очага, - вдова вновь отстранилась, словно желая избежать поцелуев, которые обычно любила.

- Почему это? - не понял Рёрик ни ее ответа, ни ее жестов.

- Я же говорю...- вдова тяжела сглотнула. Ее щеки розовели, будто у их хозяйки жар. - Это брат моего мужа. Лучше ему не видеть нас вместе. Он этого не поймет.

- А, ясно...- Рёрика несколько озадачили перемены в поведении его спасительницы. Но он не желал знать глубинные их причины. Его устроил простой ответ. - А как же ты объяснила ему мое присутствие?

- Я сказала, что ты мой брат, и тебе нужна моя помощь, - дыхание вдовы было тяжелым, грудь беспокойно вздымалась. Рёрик не считал себя знатоком человеческой натуры, но определенные наблюдения все же сделал. - Прошу, потерпи немного. Скоро он уйдет, и все будет как прежде, - встревоженная вдова ласково провела ладонью по щеке Рёрика. Но тут послышались шаги на ступенях – шел Жув - и она одернула свою руку от лица Рёрика.

Ночь выдалась тихой. А Рёрик все никак не мог уснуть. Сначала он отвлекался на звуки улицы. То таякали собаки. То слышались песни запоздавших сельчан. А потом ему мешали разговоры в самом доме. Он не разбирал речи, впрочем, и не пытался этого сделать. Шепот, который иногда переходил в голос. Какая разница, о чем они там беседуют...Родственникам всегда есть, что обсудить. На это можно не обращать внимания.

Лишь под утро Рёрик уснул. А когда открыл глаза, Марты уже не было. Он хотел проводить ее, но, видно, проспал. Зато Жув, по всей видимости, спал чутко.

Зевая, Рёрик отправился на улицу. Там было прохладно, но свежо. Прогулявшись немного и отойдя ото сна, он устроился на лавке под раскидистым деревом и устремил взгляд ввысь. А что еще делать остается... В голубом небе медленно и лениво плыли пышные облака. Смотря на них, Рёрик снова чувствовал сонливость. И все же он не желает больше спать. Определенно, его силы восстановились. Он не может отдыхать и далее. Наверное, правильнее всего, взять Марту с собой и вернуться домой. Мать уже, наверное, распереживалась.

- Доброго утречка! - соседка с торчащими из-под чепчика кудряшками возникла перед носом Рёрика неожиданно. - Где Марта?

- На ярмарке...

- Меня с собой не взяла... А я ей тут принесла шерстяные нитки... Так что, они отправились в город вместе с Жувом? - утерев залатанным подолом лавку, соседка присела возле Рёрика, поставив корзинку с пряжей на стол. - Я бы не отпускала их вдвоем...

Рёрик смотрел на кудряшки соседки, подергивающиеся на ветерке так же, как и ее длинный язык. Он еще вчера почувствовал неладное, но не хотел верить своему ощущению. По правде говоря, он почувствовал неладное еще в ту ночь, когда выловил какого-то соседа под окнами Марты. Как бы там ни было, теперь эта болтливая баба с кудряшками сама ему все расскажет, хотя он даже ни о чем не спрашивает ее.

- Марта давно прогнала Жува. Но он все приходит и приходит. Время от времени... - продолжила соседка, не обращая внимания на то, что собеседник не выражает явного интереса к ее речам. - Я никогда не осуждала Марту. Она вышла замуж за брюзжащего старика, когда была еще совсем юной. Нужда заставила ее. Но теперь, овдовев, она ведь может искать свое счастье... - вздохнула соседка нарочито добродетельно. - Смотрю, у Марты в хозяйстве порядок... Ты, кажись, толковый... Нравишься мне больше Жува. И остальных...

Для Рёрика, привыкшего к низкой морали вокруг себя, сообщение соседки не должно было явиться чем-то безобразным. Марта нынче свободная женщина, и немудрено, что время от времени у нее тайно появляется кто-то. Пусть хоть это и не совсем правильно. Бывают и похуже истории, когда беспомощная вдова вынуждена открыто торговать собой, дабы сводить концы с концами. И все же открывшаяся правда должна была бы возмутить Рёрика, хоть и по другой причине – он бы никогда не согласился делить свою жену с кем-то. Даже с ее прошлым. Она должна быть только для него. Он понял это именно теперь, вот то есть в сей самый миг, сидя на холодной лавке, припекаемой обманчиво теплым солнцем.

*****

- Куда ты собираешься... - Марта растерянно смотрела на Рёрика, который одевался в дорогу.

- Я возвращаюсь домой, - раньше Марта казалась Рёрику совершенством, но теперь он видел, что она обычная, хотя и добрая женщина. И сам удивлялся тому, что так подозрительно спокоен. Он всегда думал, что уничтожит любимую, даже если на нее падет хоть тень прелюбодеяния. Очевидно, разгадка в том, что Марта – не его любимая. Она его хороший друг, который спас его, вылечил и утешил. На такого друга нельзя обижаться или укорять его за что-то. Оттого он сам, Рёрик, ничего не чувствует теперь: он не огорчен и не разочарован. Он как будто знал все это наперед. Зато теперь, когда он принял решение вернуться домой, его сердце словно ожило и снова застучало в груди. Теперь он знает, что поступает правильно.

- Ты меня оставляешь? - Марта выглядела расстроенной и удивленной.

- Пойдем со мной, - Рёрик приостановил сборы и оглядел свою благодетельницу. Разумеется, он возьмет ее с собой, если она захочет. И он позаботится о ней и ее семье. Потому что очень обязан ей. Но он больше не заблуждается во мнении, что она и есть та единственная, которую запомнят, как его жену.

- Я не могу все бросить...- Марта была заложницей своей устоявшейся жизни. Она не могла оставить хозяйство и свой круг. В этом городе она научилась быть самостоятельной. И неизвестно, что ждет ее, если она покинет родные места. Но она бы, возможно, и рискнула всем, если б только Рёрик попросил ее об этом. Если б он действительно хотел этого. - Разве тебе плохо здесь? Или что... Что-то случилось?

- Марта...- Рёрик склонился и поцеловал свою спасительницу, в последний раз убедившись в том, что у него больше нет к ней чувств. А может, никогда и не было, что хуже всего.

- Твой дом – это лучшее место для мужчины. Но я должен идти.

- Ты вернешься? - Марта утерла выступившие слезы.

- Нет. Не жди.

- Почему ты уходишь? - Марта казалась огорченной. Для нее все произошло слишком неожиданно. День назад все было благополучно. И тут такое. Без видимой причины. Ведь не было ни ссор, ни остужающих слов. - Разве тебе плохо со мной?

- Очень хорошо, - Рёрик не солгал. Время, проведенное с Мартой, было удивительно легким и приятным. И еще вчера он бы уходил от нее с сожалением. Но уже сегодня он не печалится разлуке, потому что она неизбежна и необходима. До встречи с Мартой он заблудился в своей грусти, но сейчас снова нашел себя. И теперь точно знает, что должен делать дальше. - Я навсегда благодарен тебе. Но остаться не могу. Это не моя жизнь.

Глава 15. На распутье

Новгородский вечер перешел в ночь. Мысли Дивы о предстоящем замужестве носились вереницами, не давая уснуть. Все последние дни она представляла, как радостно ей будет в новом образе – жены изборского княжича. Изборское княжество богато и неприступно, как утверждал ее отец. Но главное, ходят слухи, что жених красив и умен. Хотя Гостомysl упоминал и о других искателях ее руки: князь Миронег из Ладоги и сын Годслава из Рарожья, кстати, давно затертого на карте. С Миронегом все ясно – он соседский отпрыск, их город много раз сжигали, так что место это не самое безопасное. Сына Годслава тоже можно считать соседом, строго говоря, бывшим. В давние времена род последнего периодически нападал на земли, считающиеся закрепленными за Новгородом. Миронег из Ладоги, кажется, хромает. И имеет скверный нрав. Так рассказывал Есений. А второй жених из забытого Рарожья... Даже его имя не вспомнить точно – то ли Харальд, то ли Рёрик. Сын не то кухарки, не то принцессы.

Погруженная в размышления княжна даже не сразу расслышала стук в дверь. А может быть, стук этот и сам по себе был тих.

- Дитя, это я, - голос Гостомысла прозвучал подозрительно тихо. Казалось, князь не хотел, чтобы кто-то знал о его разговоре с младшей дочкой. Поздний час также указывал на это. - Я хотел поговорить о твоём предстоящем замужестве...

- Я знаю, что послы придут завтра, чтобы узнать, какое ты принял решение! - выпалила Дива, натянув на себя одеяло.

- Ты моя любимая дочь. И потому я даю право выбора тебе, - нарочито устало начал князь. - Хотя я и не уверен, что ты склонишься в верном направлении. Но все-таки я не желаю тебя неволить. Если и есть для тебя какое-то различие меж женихами - ты решишь это сама. Единственное, о чем я хочу напомнить тебе - это об истории нашего славного рода, берущего свое начало от легендарного Словена... Еще твой великий прадед говорил, что только простолюдин может легко опозорить себя, но не благородный человек, понеже от того зависит честь всего рода! И то, что позволено всем, не позволено ти...

- Батюшка, ты говорил с Велемирой? - предположила Дива.

- Нет, - Гостомysl отрицательно покачал головой, не обратив внимания на интересный вопрос. - Я говорю тебе все это потому, что завтра как раз тот самый день, который в наивысшей степени явится поворотным в твоей судьбе. Прибывают послы за нашим высочайшим решением. Скоро ты покинешь этот дом навсегда... По крайней мере, это решено бесповоротно. Осталось лишь выбрать дорогу, по которой ты пойдешь.

- А почему я, а не Велемира? - сей нюанс занимал Диву. С одной стороны ей было интересно, что ее ждет. И что означает - стать чьей-то женой? С другой - в душе она не чувствовала себя готовой к такому событию. Возможно, было бы проще, если бы череду свадеб начали со старшей сестры, а не с младшей.

- Веля и Роса - дочери смиренные. Они сделают, как я велю. А ты... Моя маленькая бунтарка... - Гостомysl с улыбкой потрепал Диву по щеке. В самом деле, больше всего он волновался о Диве, точнее, о том, как она пойдет замуж. Ведь в ней чувствуется некоторая непокорность. Потому-то нужно убедить ее в необходимости замужества и сделать так, чтобы она сама того захотела. Пока она не успела влюбиться в какого-то болвана и отдать ему свое сердце или еще что-то. - И потом, я хочу, чтобы Велемира осталась в Новгороде, помогая управлять вашему брату городом. Когда меня не станет, Есению понадобится родное плечо. В Веле есть решительность и ум. Что до тебя... Я любил твою мать, ты знаешь. И я желаю, чтобы у тебя был выбор. И он, слава богам, у нас имеется: князь Изборский Радимир и Рёрик из Ютландии!.. Миронег из Ладоги я тебе уже не предлагаю... Оставим его для Росы.

- Я полагаю, Радимир? - советовалась Дива с отцом. Хотя до этого ту же тему она обсуждала с Есением, который успел расписать ей всех женихов в подробностях. - С таким союзом нам ничего не будет страшно. Изборск - великий град. И недалеко от Новгорода. Мы сможем видеться. А тот второй жених... Какой-то он не вполне понятный. Я точно помню, что его звали Харальд... Теперь Рёрик. Это один и тот же человек?

- Ну почему же, «не вполне понятный»... Как раз-таки все предельно ясно с ним... - усмехнулся Гостомысл. - Его зовут Рёрик. И еще его дед, а затем и отец - приходили на наши земли. Разоряли их, придавая мечу все живое, что попадалось им на пути. Много жизней положили наши предки на эту борьбу... Он сын нашего врага...

- В таком случае я охотнее стану женой простого косильщика в глухой деревеньке, чем буду рожать детей тому, чей прародитель причинил нашему народу горе! - вознегодовала Дива, приученная мыслить широко, в величинах княжества, а не только лишь собственной судьбы.

- Даже так... - старый князь таинственно улыбнулся. Он сам воспитывал в своих детях любовь к родине. Прививал им это чувство с пеленок. Но ни в ком из них он не встречал такого пыла, как в младшей дочери. Обычно женщин интересует не то, кто был предком их избранника. Их больше занимает нынешнее его положение. И если он влиятелен... Да к тому же красив и молод, то они выдут замуж даже за сына злодея.

- К тому же мне раскрыли, что он сын какой-то простолюдинки... Это так? Он точно князь? - кашлянула Дива.

- Насплетничали, значит, уже, - Гостомысл усмехнулся, но потом снова принял серьезный вид. - Он законный наследник престола Велиграда - главного города Рарожья. Его называли Рериком или Рарогом. Но теперь это не столь важно, ведь города уже не существует. Нынче Рёрик есмь хозяин Дорестадта. Но и там дела ненамного лучше. Сам император в свое время выделил ему эти земли в лен. Некоторые из них и сейчас покорены его власти. Но вот надолго ли?... Однажды его отец потерял Рарожье, а вместе с ним и жизнь. Оставив свою семью в условиях, когда они были вынуждены спасаться у соседей. Рёрик и его братья сумели вернуть часть наследства своего отца. Но с трудом верится, что это навсегда. Может, из него вышел бы толк... Если б у него было больше сил. Но что он может со своей крохотной дружиной? А наемникам надо много платить. Помяни мое слово, однажды награбленное им золото иссякнет. И защищать его город будет некому. Да и потом, он ведь сущий разбойник! Пусть сейчас он и властитель. И даже более или менее сносный воин... - Гостомысл крайне поверхностно коснулся ратной темы, хотя знал, что имя сына Годслава давно гремит на Эльбе, Рейне и Луаре. И тот долгое время известен как удачливый пират, за которым, ввиду его бесчисленных побед, следуют искатели славы, наживы и приключений. Образ отчаянного храбреца мог увлечь юную княжну не в ту степь, чего допускать не следовало. Конечно, сам по себе Сокол Рёрик, может быть, и неплох. Но у него только и есть, что его мужество да горсть верных людей... То ли дело Изборский жених... Радимир Смирный принесет с собой нечто более осязаемое, чем одну свою отвагу. - Я буду честен с тобой, дитя, - продолжал старый князь, который на самом деле не собирался быть честен: он собирался быть заботлив, пососоветовав то, что, на его взгляд, разумнее всего для дочери и для княжества. - Рёрик самим императором признан законным наследником части земель Ютландского полуострова... Все вроде бы так... Да где сейчас сам император? Его слово, к сожалению, уже утратило свою силу. А его сыновья - Карл и Лотарь - готовы перегрызть друг другу глотки, словно псы, дерущиеся за кость! Для них Рёрик - уже забытое прошлое. И он может легко лишиться последнего оплота своей власти. Я непрестанно получаю донесения нашего лазутчика в тех краях, все обстоит крайне мрачно. Нет, дитя мое, Рёрик не князь, а головорез, - утвердил Гостомысл. - В нем княжеского не так много, как нам хотелось бы, - нарочито огорченно покачал головой Гостомысл. - Вот и, к несчастью, ходят слухи, что его отец, князь Годслав, в свое время взял в жены стряпуху. Правда, она потом утверждала, что происходит из знатного славянского рода. А на кухне оказалась лишь потому, что ее пленили

захватчики. Такой действительно бывает, дитя мое. Нет ничего хуже для молодой женщины, чем оказаться в руках завоевателей. Но сейчас ты должна думать не об Умиле, а о будущем своего города. Ты в ответе за каждого, кто ступает по нашей земле. И свой выбор мужа ты должна сделать, помышляя о благе княжества! Мне приятно, что ты все-таки тяготеешь к верному решению. Значит, Радимир, - князь одобрительно оглядел дочку.

- Безусловно. Я не стану женой врага Новгорода! - возмутилась юная княжна.

- Безусловно... - повторил за ней Гостомысл, в сущности, противореча самому себе. Ведь не так давно он учил сына тому, что ради мира княжну нужно выдать за Миронегу, с которым сам Есений в значительном несогласии. - И все же выбор за тобой. Главное, чтобы потом не винила отца. Впрочем, я вижу, что тревожился напрасно, - князь многозначительно оглядел дочь. И в этом с виду уверенном взгляде, на самом деле, сквозила тайная тревога. Ведь Гостомысл хорошо помнил тот вечер и ту историю, которая произошла с ним очень давно. А казалось, как будто вчера...

День катился к закату. Только прошел дождик. Влажный воздух подрагивал на ветру. Стайки птиц лениво ползли по небу. На лесной опушке расположился стан новгородского воеводы. Каждый дружинник занят приготовлением к грядущему ночлегу.

Гостомысл слыл мудрым правителем. Его предусмотрительность восхищала даже врагов. Не было случая, чтобы, зазевавшись, князь потерял бы бдительность или войско. Еще сегодня утром он надвигался на владения давнего обидчика Новгорода, временно покинутые их защитником. Враждующий с Гостомыслом властитель как раз отправился в собственный завоевательный поход. И, разумеется, лисии, желающие зайти в незапертый курятник, нашлось бы довольно и без Гостомысла. Но в отличие от прочих, для князя Новгорода сей набег являлся чем-то вроде традиции, ответом на ранее совершенное противником нападение. Такую традицию нельзя нарушать, чтобы не явить слабость. И также нельзя растягивать сие действие во времени. Однако все пошло против замысла. Внезапно нарисовался раздосадованный хозяин Рарожья, словно из дупла выпрыгнув. Пришлось Гостомыслу поспешить обратно на родную сторонку, так и не сделав своего хода, сиречь не произведя благородной мести. А ведь Гостомысл рассчитывал не только оставить за собой последнее слово в бесконечной битве двух княжеств, длившейся не один десяток лет, но и запастись добром на зиму. Вторая причина была не менее весомой. Ведь род Гостомысла славился широтой своей души. Пирь сменяли друг друга. Княжеские чертоги населяло бесчисленное количество приживалов и нахлебников, о большей части которых князь и не догадывался. Немало помощи уходило зависимым землевладельцам, нуждающимся в поддержке. Так или иначе, казна пустела стремительно. Походы и торговля не успевали наполнять ее в тех пределах, которые требовались. Порой приходилось применять меры, не приветствуемые людом - увеличивать поборы и задействовать все больше подданных князя в безвозмездном труде. В дружном народе бурлящей волной нарастал ропот недовольства:

- Отчего не призвать к нам на княжение Светлого князя Боримира!

- Или Храброго Избыгнева!

- Всяко лучше будет!

Но ни Светлый Боримир, ни Храбрый Избыгнев так и не домчали до Новгорода. Боримир обладал поистине удивительным чутьем. Он предвидел неладное, получив в подарок от Гостомысла голову своего поверенного, которого отправил в Новгород разведать что и как. «На чужой каравай рот не разевай!», - вовремя вспомнил Боримир и отказался от затеи. Что же касается Храброго Избыгнева, к нему судьба оказалась менее благосклонна. Отважный детина уже дал согласие на княжение, но на пути в Новгород попал в беду... Подробности этого прискорбного события окутала мутная пелена. Известно лишь то, что Гостомысл был безутешен еще долгое время, поминая безвременно канувшего в небытие прославленного

воителя. Но урок князь усвоил. Не следует пренебрегать простыми людьми. Было принято множество важных законов, введено полезных новшеств. Князь стал поощрять развитие ремесел, привечать ученых мужей. Былая слава княжества начала возрождаться. И благодарный народ, который вначале желал свергнуть своего князя, в итоге полюбил Гостомысла. И все же принятые меры оказались недостаточными. Враги то нападали на земли Новгорода открыто, то пакостили тайно. Переманивали союзников, злословили и клеветали. Торговые корабли Гостомысла подвергались нападениям, как и его владения. А соседи часто капризничали или начинали вражду из-за пустяков, ослабляя тем самым общие силы. Эта борьба виделась бесконечной, кажется, ничто не могло остановить ее.

И вот Гостомысл задумчиво наблюдает закат. В Велиграде затея провалилась. И в Старград уже не успеваешь...Проклятье...А на носу зима...Впереди полоудье. Но каким оно будет в неурожайный год...

- Я вот все думаю...- пожевывающий травинку Бойко прервал размышления Гостомысла. - Несправедливо это. Судьбы княжеств решают властители, а страдает от этих решений простой народ.

- К сожалению, мир – жестокое место, - ответил Гостомысл.

- А ты когда-нибудь хотел его изменить? - мечтательно спросил Бойко.

- Хотел. Когда был молод и верил в то, что смогу все преодолеть ради справедливости и правды, - ответил князь. - А когда понял, что бессилён, то стал таким же как все. Принял условия. Держу наши рубежи. Совершаю ответные набеги. Иногда договариваюсь с кем-то неприятным. И воюю с тем, с кем желал бы жить в мире...

Мирная беседа Гостомысла и Бойко внезапно оказалась прервана окриками дружины, поднялась суматоха.

- Князь, мы окружены! Годслав со своим войском повсюду, - завопил подбежавший слуга, побледневший от страха и волнения. Кожа на его лбу была содрана, а из ранки тонкой струйкой сочилась алая кровь – результат внезапного пробуждения ото сна под дубом. - Их в два, а то и три раза больше, чем нас!

Более всего прочего князь усвоил только одно. Что бы ни случилось - поддаться панике и суете - означает не только погубить любое начинание. Но и остаться без обеспеченной старости где-нибудь на задворках Новгорода. Глава должен сохранять степенство, даже если все летит в пропасть.

- Что ты нарекаешь войском? Годслав со своей дикой сворой не станет пересекать дорогу мне! - для вида храбрился Гостомысл, попутно ища свой меч. Как бы там ни было, следует подготовиться к битве.

- Боюсь, что он уже пересек ее. И буде мы останемся целы и невредимы, люди впоследствии смогут назвать это чудом, - ворчливо закончил начатую князем воодушевляющую речь Аскриний. Этот человек считался неплохим бойцом. Хотя он, скорее, превосходил противника по исключительному умению гнать лошадь к горизонту. А потом, являясь уцелевшим очевидцем происшедшего на поле брани, срывал победоносной рукой плоды славы, повествуя о подробностях сражения, которого зачастую и не видел. Зато его мудрые советы нередко приходили на помощь князю в затруднениях, в том числе, и военного характера. В любом случае Аскриния раздосадовала возможность близкой кончины при столь нелепых обстоятельствах. Но что ж здесь предложешь? Тем временем шум приближающихся копыт становился все отчетливей...

****

Вечерело. Бледный лик луны вырисовывался на мраморном небе. Под сенью раскидистых деревьев пировали недавние противники – Гостомысл и Годслав. Шум веселья оглашал просторы. Задорный смех и гул голосов разносились по округе купно с ароматом жаренной на вертеле дичи.

Неожиданно в затруднении может посетить решение. Оно и пришло к Гостомыслу в то самое мгновение, когда он увидел вдали угрожающе надвигающихся наездников. Сейчас князь Новгорода слушал рассказ Бойко о Днепре, но в действительности думал о своем. Приятно вспоминать, как лихо получилось выкрутиться из щекотливой истории. А дело было так...

- Спрятать мечи, опустить копья! - прошипел вдруг Гостомысл, завидев приближающегося врага.

- Но кормилец...- послышалось со всех сторон. - Безоружных, они растерзают нас живьем! Дадим бой!

- Я сам вас растерзаю, ежели вы тотчас не выбросите прочь свои железяки! - рявкнул правитель, торопливо расправляя складки одежды.

- Мой князь, что ты задумал? Они же наши враги! - напомнил Бойко негромко, в самое ухо Гостомыслу.

- Я не забыл, - ответил князь. - И хоть мы и бьемся с ними уже почти век, но все же они нам не чужие. И думаю, в душе каждый из нас был бы рад примирению...

Новгородцы нехотя вернули мечи в ножны. Что до Годслава, издали увидав странное положение дел, он поумерил свой пыл. Сбавив скорость, он что-то говорил своим людям.

Для своих лет хозяин Рарожья выглядел неплохо. Правда, сколько ему лет, никто толком не знал. Но за свою жизнь он успел свершить немало. Получить в управление не один древний град...Оставить несколько десятков потомков, из которых законными наследниками всего добра считались, правда, только трое...Наконец, завоевать дурную славу самого ненадежного союзника...Однако ему всегда хватало ума лишь посмотреть под ноги, но не вдале. Оттого Гостомысл и посмел надеяться на счастливый исход дела. На то, что Годслав, в силу своей беспорядочности, как обычно, ни в чем не разобравшись, еще переменит решение под опытным воздействием. С юности готовый вязаться в любую драку из-за пустяка, он и теперь рассчитывал на жаркое продолжение вечера, предвкушая крики и стоны поверженного врага, не смеющего заикнуться о пощаде. Однако издали увидев приветливую улыбку на лице Гостомысла, который приложил немало усилий, чтоб она выглядела как можно более естественной, Годслав стал сомневаться в своем намерении «вздернуть немедля этого хвастуна» на главной площади родного Рерика. «Быть может, это ловушка», - только и успел обронить Годслав помощнику по имени Дражко. И тут же навстречу им с распростертыми объятиями уже спешил радостный Гостомысл. Просивев слова приветствия, хозяин Новгорода держал речь.

- Добрый друг! Не верю глазам своим! Ты ли это! Быть может, тебе сообщили, я приезжал в твои земли, надеясь застать тебя. Но великие люди не сидят по избам! Все в разъездах? - улыбался Гостомысл. А Годслав от столь крепкого натиска опешил. Недавно он клялся в том, что новгородский воевода поплатится жизнью за свою дерзость. Теперь очевидно, что спешить в таких запутанных делах не стоит.

- Да, мне доложили...- недоверчиво косясь, отвечал Годслав. - Правда, глупый люд все перепутал, зачем ты приезжал и к кому, - сдвинул брови Годслав. И тут же добавил, - я тоже рад...Какое-то дело было? Аль так, повидаться? - осторожно спросил князь Рарожья, сомневаясь в том, что кто-то собирался с ним «видаться». Ведь не прошло и пары лет, как новгородцы насилу отбили Годслава с его несметным войском от родных стен. Вражда родов была кровопролитной и с переменным успехом тянулась долгие годы. Еще отец Гостомысла, князь Буревои, в свое время оборонялся от набегов батюшки самого Годслава, умудрившись однажды даже совсем потерять Новгород. Насилу удалось вернуть тогда город.

- Повидаться! - ответил Гостомысл. Он внезапно для себя принял решение, но был уверен в том, что оно верное. - Пора нам положить конец тому, что истощает и печалит нас. Я не желаю больше ненавидеть тебя и твой город! Я жажду мира и согласия!

- Правда? - неожиданно заулыбался Годслав мальчишеской улыбкой. - Но как же иначе... - развел руки в стороны Годслав. В самом деле, после стольких битв трудно представить, что может быть как-то по-другому. - Хотя я также устал терять воинов в наших бесконечных схватках.

- Что нам делить? И так уж мы различаемся? - задался вопросами Гостомысл. - Мы чтим одних и тех же богов и видим мир одними глазами. И как бы отчаянно мы ни бились, но всегда уважали друг друга!

- И правда, - ответил Годслав, растрогавшись.

Понимая, что Годслав из тех, кто сейчас смеется, а в следующий миг уже рубит голову собеседнику, Гостомысл решил закрепить достигнутый успех.

- Не стану произносить долгих речей. Но сразу предложу тебе породниться через дитяток наших и быть отныне друг другу подмогой в делах мирских, нелегких! - придумал Гостомысл. Правда, в тот момент его дочери были еще младенцами. Но тут главное условиться. Ведь брачный союз завтра лишь закрепит то, что должно оказаться достигнуто уже сегодня. - В конце концов, Годслав, друже, я не знаю лучшего семейства, чем твое! Ярость пылала в моем сердце, но я никогда не считал тебя трусом! Ты хотел знать, почто я приехал к тебе в Рерик?! Отвечаю: не нужен мне другой сват, если не ты! - прогремел Гостомысл. - Не хочу больше рати! Хочу свершить то, чего не смогли наши отцы – объединиться и бить общего врага, а не друг друга!

Вздохнул свободнее Гостомысл. Лишь после сего уговора он ощутил, как приятно пахнут подрумянившиеся на углях птицы, как крепкий мед ударил в голову, разлив по телу приятное тепло.

Только сейчас осознал Гостомысл всю значимость своих слов. В тот день он не только уберег свое войско, но и добился мира, который ни разу не был нарушен ни одной из сторон. И не понадобилось никакой женитьбы. А сегодня есть ли необходимость в брачном союзе? Нет Годслава, нет даже его города. Куда сын Годслава заберет дочь Гостомысла? В том-то и дело, что княжение его, Многоумного Гостомысла, закончится в тот самый миг, как сын Годслава, очевидно, подобный своему зверскому родителю, станет мужем Дивы. Ведь все знают, что яблоко от яблоньки недалеко падает. Надо сторониться этого головореза, которого и так боится половина материка. Да и времени столько прошло с того уговора: десятилетия минули... Авось обойдется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.